

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФГБОУ ВПО «АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

№2 (10)
2014

ISSN 2307-2539

Журнал основан в 2005 г.
Выходит 2 раза в год

Главный редактор:
А.А. Тишкин

Редакционная коллегия:

В.В. Горбунов (зам. главного редактора),
С.П. Грушин, чл.-кор. РАН Н.Н. Крадин, А.Л. Кунгуров,
Н.Н. Серегин (отв. секретарь), С.С. Тур, А.В. Харинский,
Ю.С. Худяков, Е.В. Шелепова (отв. секретарь)

Редакционный совет журнала:

Ю.Ф. Кирюшин (председатель, Россия),
Д.Дж. Андерсон (Великобритания), А. Бейсенов (Казахстан), А.А. Бондаренко
(Россия), Ван Вэйлинь (Китай), Е.Г. Дэвлет (Россия), Иштван Фодор (Венгрия),
А.А. Ковалев (Россия), И.В. Ковтун (Россия), Л.С. Марсадолов (Россия),
Д.Г. Савинов (Россия), А.Г. Ситдииков (Россия), Такахама Шу (Япония),
Д. Эрдэнэбаатар (Монголия), Ю Чжиюн (Китай)

Утвержден к печати Объединенным научно-техническим советом АлтГУ

Адрес: 656049, Барнаул, пр-т Ленина, 61, каб. 211, телефон: 8 (3852) 291-256.
E-mail: tishkin210@mail.ru

©Алтайский государственный университет, Барнаул

Барнаул

Издательство Алтайского
государственного университета
2014

MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE
OF THE RUSSIAN FEDERATION
Altai State University

THEORY AND PRACTICE OF ARCHAEOLOGICAL RESEARCH

**№2 (10)
2014**

ISSN 2307-2539

The journal was founded in 2005
There are 2 times in a year

Editor in chief:

A.A. Tishkin

Editorial staff:

V.V. Gorbunov (deputy editor in chief), S.P. Grushin, Associate member
of the Russian Academy of Sciences N.N. Kradin, A.L. Kungurov,
N.N. Seregin (executive editor), S.S. Tur, A.V. Kharinsky,
Yu.S. Khudyakov, E.V. Shelepova (executive editor)

Associate editors:

Yu.F. Kiryushin (chairman, Russia),
D.D. Anderson (Great Britain); A. Beisenov (Kazakhstan), A.A. Bondarenko (Russia),
Van Vailin (China), E.G. Davlet (Russia), Ishtvan Fodor (Hungary), A.A. Kovalev
(Russia), I.V. Kovtun (Russia), L.S. Marsadolov (Russia), D.G. Savinov (Russia),
A.G. Sitdikov (Russia), Takahama Shu (Japan),
D. Erdenebaatar (Mongolia), Yu Chzhiyun (China)

Approved for publication by the Joint Scientific
and Technical Council of Altai State University

Address: office 211, Lenin av., Barnaul, 656049, Russia, tel.: 8 (3852) 291-256,
E-mail: tishkin210@mail.ru

© Altai State University, 2014

Barnaul

Altai State University Press
2014

СОДЕРЖАНИЕ

РЕЗУЛЬТАТЫ ИЗУЧЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

<i>Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Матренин С.С.</i> Материалы сянббийского времени погребально-поминального комплекса Тыткескень-VI на Алтае	5
<i>Ковтун И.В.</i> Типология и хронология андроновских браслетов с конусовидными спиралями на окончаниях	25
<i>Подобед В.А., Усачук А.Н., Цимиданов В.В.</i> Таранные кости крупного рогатого скота в культурах эпохи бронзы степной и лесостепной Евразии	31
<i>Розвадовский А.</i> Наскальное искусство и шаманизм: феноменология, контекст и этика	57
<i>Сенотрусова П.О., Мандрыка П.В., Тишкин А.А.</i> Находки китайских изделий в средневековых памятниках нижнего течения Ангары	72
<i>Сотникова С.В.</i> Формирование традиции вертикальной направленности погребального ритуала на территории евразийских степей в эпоху бронзы	79

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНЫХ МЕТОДОВ В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

<i>Тишкин А.А., Кунгуров А.Л., Лихачева О.С.</i> Рентгенофлюоресцентный анализ металлических наконечников стрел аржано-майэмирского времени с поселения Боровое-III (Верхнее Приобье)	96
---	----

ПЕРСОНАЛИИ

<i>Детлова Е.В., Кузьминых С.В.</i> «Я очень интересуюсь Вашими работами»: к истории взаимоотношений М.П. Грязнова и Г. Мергарта	112
<i>Кузьминых С.В.</i> «Монтелиус» туркестанских степей: переписка М.П. Грязнова и А.М. Тальгрена (1926–1930 гг.)	122
<i>Список сокращений</i>	142
<i>Сведения об авторах</i>	143
<i>Правила оформления статей</i>	145

CONTENTS

RESULTS OF STUDYING OF MATERIALS OF ARCHAEOLOGICAL RESEARCH

<i>Kiryushin Y.F., Tishkin A.A., Matrenin S.S.</i> The archaeological materials of the funerary and memorial complexes belong to Xianbei Time from Tytkesken-VI in the Altai region	5
<i>Kovtun I.V.</i> Typology and Chronology of Andronovo Bracelets with Cone-Shaped Spirals Ends	25
<i>Podobed V.A., Usachuk A.N., Tsimidanov V.V.</i> Astragals of horned cattle in cultures of Bronze Age steppe and forest-steppe Eurasia	31
<i>Rozwadowski A.</i> Rock Art and Shamanism: Phenomenology, context and ethics	57
<i>Senotrusova P.O., Mandryka P.V., Tishkin A.A.</i> Finds of the chinese products in medieval sites of the lower Angara watercourse	72
<i>Sotnikova S.V.</i> Formation of tradition of the vertical direction of the funeral ritual on the territory of the eurasian steppes in the bronze age	79

USE OF NATURAL-SCIENTIFIC METHODS IN ARCHAEOLOGICAL RESEARCH

<i>Tishkin A.A., Kungurov A.L., Likhacheva O.S.</i> The x-ray fluorescent analysis of metal arrows heads of Arzhan-Mayemir time from the settlement Borovoye-III (upper stream of Ob river)	96
---	----

PERSONNEL

<i>Detlova K.V., Kuzminykh S.V.</i> The correspondence of M.P. Gryaznov and G. Merhart in context of history of archaeology	112
<i>Kuzminykh S.V.</i> M.P. Gryaznov and A.M. Tallgren: the letters of 1926–1930th	122
Abbreviations	142
Authors	143
Article submission guidelines	145

РЕЗУЛЬТАТЫ ИЗУЧЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

УДК 902.2+903.2+902.699

Ю.Ф. Кирюшин, А.А. Тишкин, С.С. Матренин

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

МАТЕРИАЛЫ СЯНЬБИЙСКОГО ВРЕМЕНИ ПОГРЕБАЛЬНО-ПОМИНАЛЬНОГО КОМПЛЕКСА ТЫТКЕСКЕНЬ-VI НА АЛТАЕ

В статье публикуются археологические материалы булан-кобинской культуры, полученные в ходе раскопок могильника Тыткескень-VI. В 1989 г. на памятнике были вскрыты шесть курганов и одна выкладка, а в 1990 г. обнаружены единичные предметы, зафиксированные в наземных сооружениях, возможно, ритуального назначения. Авторами предпринят сравнительный анализ вещественных источников с учетом современного состояния знаний по археологии Алтая хуннуско-сяньбийско-жужанского времени, а также изменений в периодизации археологических культур кочевников Северной и Центральной Азии II в. до н.э. – V в. н.э. Особое внимание уделено хронологической атрибуции оружия, пряжек и деталей ременных гарнитур. В результате изучения сопроводительного инвентаря сделан вывод, что исследованная группа погребений относится к сяньбийскому времени и может датироваться концом II – началом III в. н.э. Артефакты из предположительно ритуальных объектов №50 и 53 соответствуют бело-бомскому этапу булан-кобинской культуры (II – I-я половина IV в. н.э.). Полученные данные демонстрируют актуальность исследования хронологии погребальных комплексов Алтая эпохи Великого переселения народов.

Ключевые слова: Алтай, булан-кобинская культура, сяньбийское время, погребальный комплекс, сопроводительный инвентарь, аналогии, датировка, хроноиндикаторы.

DOI: 10.14258/tpai(2014)2(10).-01

Важным результатом изучения разновременного некрополя Тыткескень-VI, который был обнаружен и исследовался в Чемальском районе Республики Алтай (рис. 1, 2), стало открытие в 1989 г. погребений сяньбийского времени (II – I-я половина IV в. н.э.), относимых к булан-кобинской археологической культуре [Тишкин, Горбунов, 2005а, с. 161]. Практически все полученные тогда материалы опубликованы в сборнике научных трудов «Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла» [Кирюшин, Тишкин, Мамадаков, 1992]. Они дополнили немногочисленный корпус археологических источников I-й половины I тыс. н.э. с территории Северного Алтая, ранее введенных в научный оборот и представленных захоронениями на могильниках Бике-I, Кор-Кобы-I, Верх-Еланда-II [Кубарев, Киреев, Черемисин, 1990; Ларин, 1990; Серегин, Матренин, 2014, с. 123, 125–126, 132–133]. Следует указать, что качество обозначенного издания, которое вышло в свет более 20 лет назад, оставляло желать лучшего. Кроме того, сборник оказался малодоступным широкому кругу специалистов и используется преимущественно археологами Барнаула. Принимая во внимание данные обстоятельства, а также учитывая значительное увеличение археологических источников хуннуско-сяньбийско-жужанского («гунно-сарматского») времени, произошедшее в конце XX – начале XXI в., считаем целесообразным еще раз рассмотреть результаты раскопок объектов булан-кобинской культуры вблизи устья р. Тыткескень. Для этого необходимо выполнить сравнительный анализ всех полученных материалов с учетом современного состояния накопленных сведений и изменений в области хронологической интерпретации памятников кочевников Северной и Центральной Азии II в. до н.э. – V в. н.э.

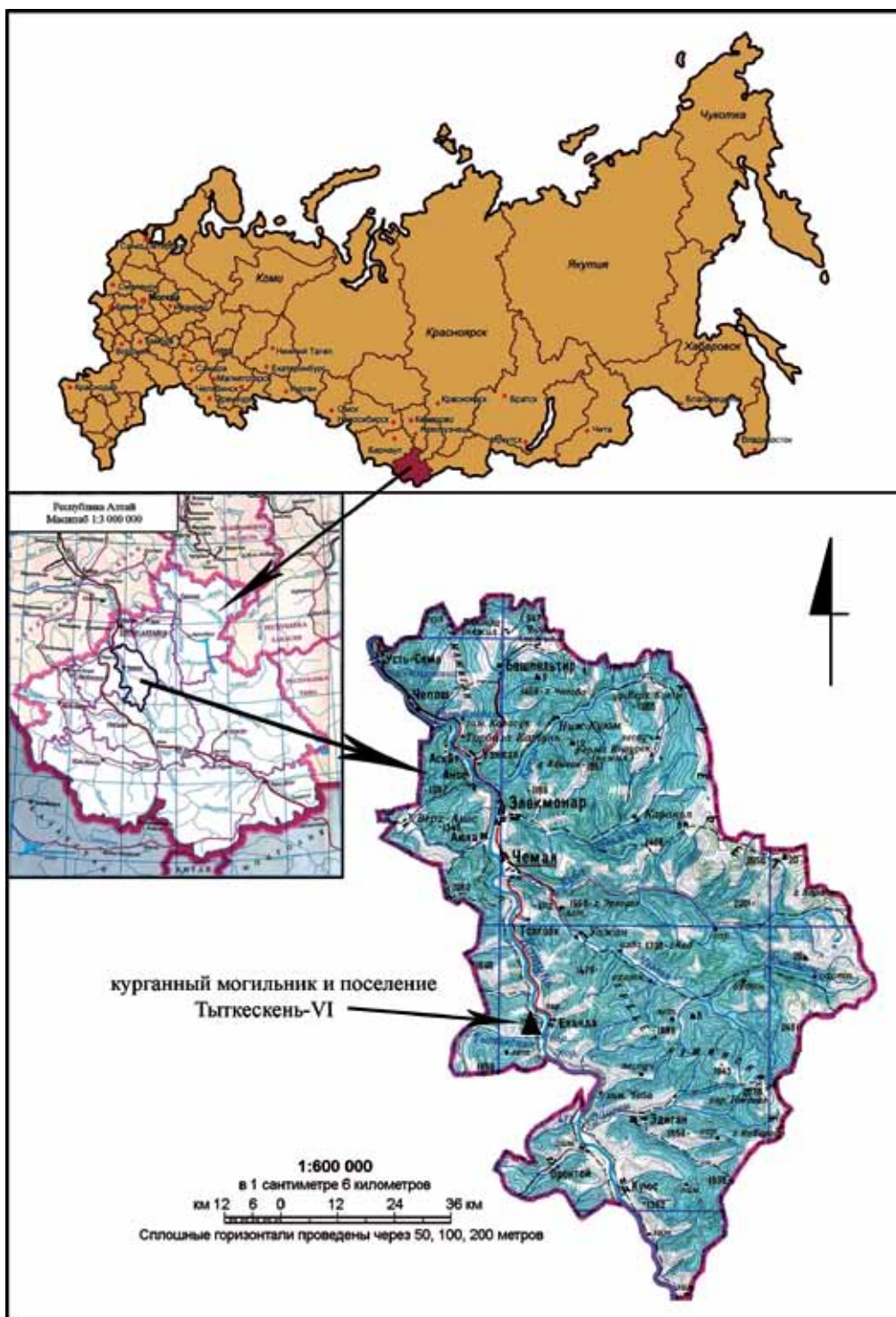

Рис. 1. Тыткескень-VI. Месторасположение памятника на картах-схемах

Археологический комплекс Тыткескень-VI, состоящий из одноименного поселения и одновременных погребально-поминальных объектов, находится на левом берегу Катуня (рис. 2), примерно в 2 км к югу – юго-западу от с. Еланда (рис. 3) указанного района Республики Алтай. Основной массив исследованных погребений под каменными насыпями (рис. 2) относится к пазырыкской культуре [Кирюшин, Тишкин, Матренин, 2011], хотя имеются объекты и находки других периодов древней и средневековой истории Алтая.

Булан-кобинские курганы, о которых речь пойдет в статье, располагались в южной части могильного поля на небольшом естественном всхолмлении, в 68–71 м к северо-западу от устья р. Тыткескень (рис. 2) и к западу – северо-западу от песчаного карьера (рис. 4), который был разработан позднее в 1990-е гг. Они исследовались археологической экспедицией Алтайского государственного университета.

Насыпи оказались сильно задернованными и плохо фиксировались на современной поверхности. При визуальном осмотре стало совершенно ясно, что в непосредственной близости друг от друга располагается несколько небольших по размерам каменных сооружений. Для их изучения был заложен прямоугольный раскоп (длинной с юга на север – 16,85 м, шириной с запада на восток – 7,25 м), в котором оказались шесть курганов, выстроенных в цепочку почти строго по меридиану, и одна ритуальная выкладка, не вписывавшаяся в эту линию (рис. 5.-1). Все обнаруженные объекты получили самостоятельную нумерацию, не привязанную к обозначениям уже исследованных к тому времени курганов скифо-сакского и тюркского времени. Следует объяснить наличие небольшой прирезки к указанному раскопу (рис. 5.-1). Такая необходимость возникла при обнаружении небольших скоплений камней, которые, как оказалось, сместились по склону и не представляли какой-либо конструкции. Описание выявленных и исследованных объектов представлено ниже.

Курган №1 имел уплощенную каменную насыпь овальной в плане формы (размерами 3,8x2,25 м), вытянутую по линии З–В. По периметру сооружения прослеживалась выкладка, составленная преимущественно из окатанных и более крупных камней. Она была частично нарушена с восточной и северо-восточной стороны.

Практически под однослойной наброской находилась овальная могильная яма размерами 2,28x0,85 м и глубиной 0,48 м, ориентированная длинной осью также в широтном направлении (рис. 5.-1). Ее контур немного расширялся в восточной части. У северной границы ямы стоял крупный камень. В могиле зафиксирован скелет мужчины 25–35 лет (все половозрастные определения, приводимые в статье, выполнены А.Р. Кимом). Погребенный человек лежал вытянуто, на спине, головой на запад. Его левая рука размещалась вдоль туловища, а правая была чуть согнута в локте и уложена кистью на живот (рис. 5.-3). Кости ступней ног отсутствовали. С умершим обнаружены сильно корродированные железные детали пояса. Две пряжки с подвижным язычком (рис. 6.-28–29) и фрагментированный кольцевой блок (рис. 6.-32) располагались на тазовых костях, а бляха-полуобойма с кольцом (рис. 6.-30) лежала у левой большеберцовой кости. Остальной сопроводительный инвентарь представлен костяным наконечником стрелы, зафиксированным с внутренней стороны левого плеча (рис. 6.-12), и костяной трубочкой, найденной в области таза погребенного (рис. 6.-22).

Курган №2 имел плоскую каменную насыпь овальной формы размерами 4,5x2 м, вытянутую по линии З–В. По внешнему контуру наброски прослеживались более крупные булыжники и гальки, образующие овальную крепиду (рис. 5.-1). Под на-

Рис. 3 (фото). Тыткескень-VI. Вид на долину Катуня и с. Еланда (2006 г.)

Рис. 4 (фото). Тыткескень-VI. Песчаный карьер и вид на место, где располагались курганы булан-кобинской культуры (2006 г.)

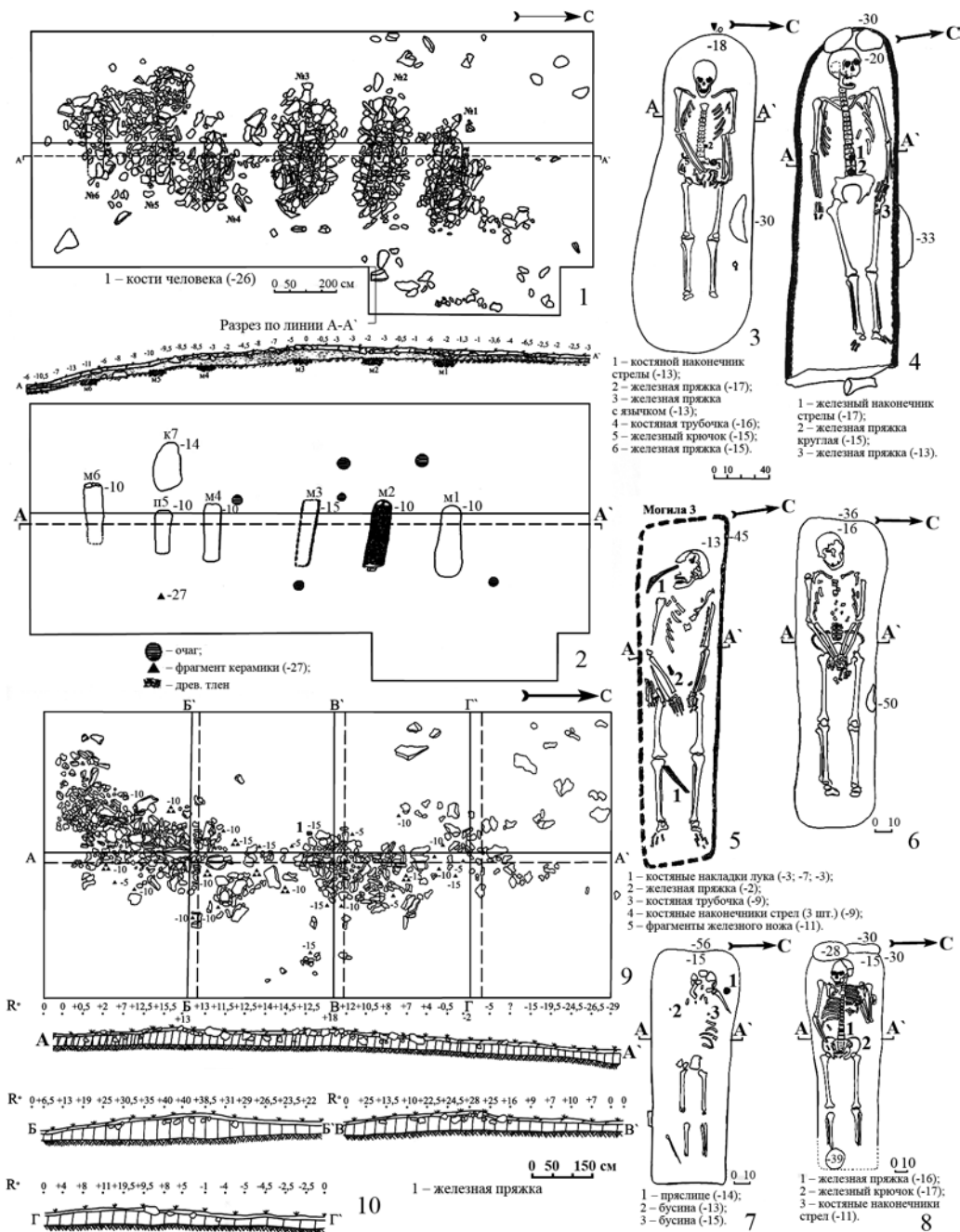

Рис. 5. Погребальные и ритуальные сооружения булан-кобинской культуры, исследованные на памятнике Тыткескень-VI: 1 – план и разрез курганов №1–7; 2 – план и разрез объекта №50; 3 – погребение кургана №1; 4 – погребение кургана №2; 5 – погребение кургана №3; 6 – погребение кургана №4; 7 – погребение кургана №5; 8 – погребение кургана №6

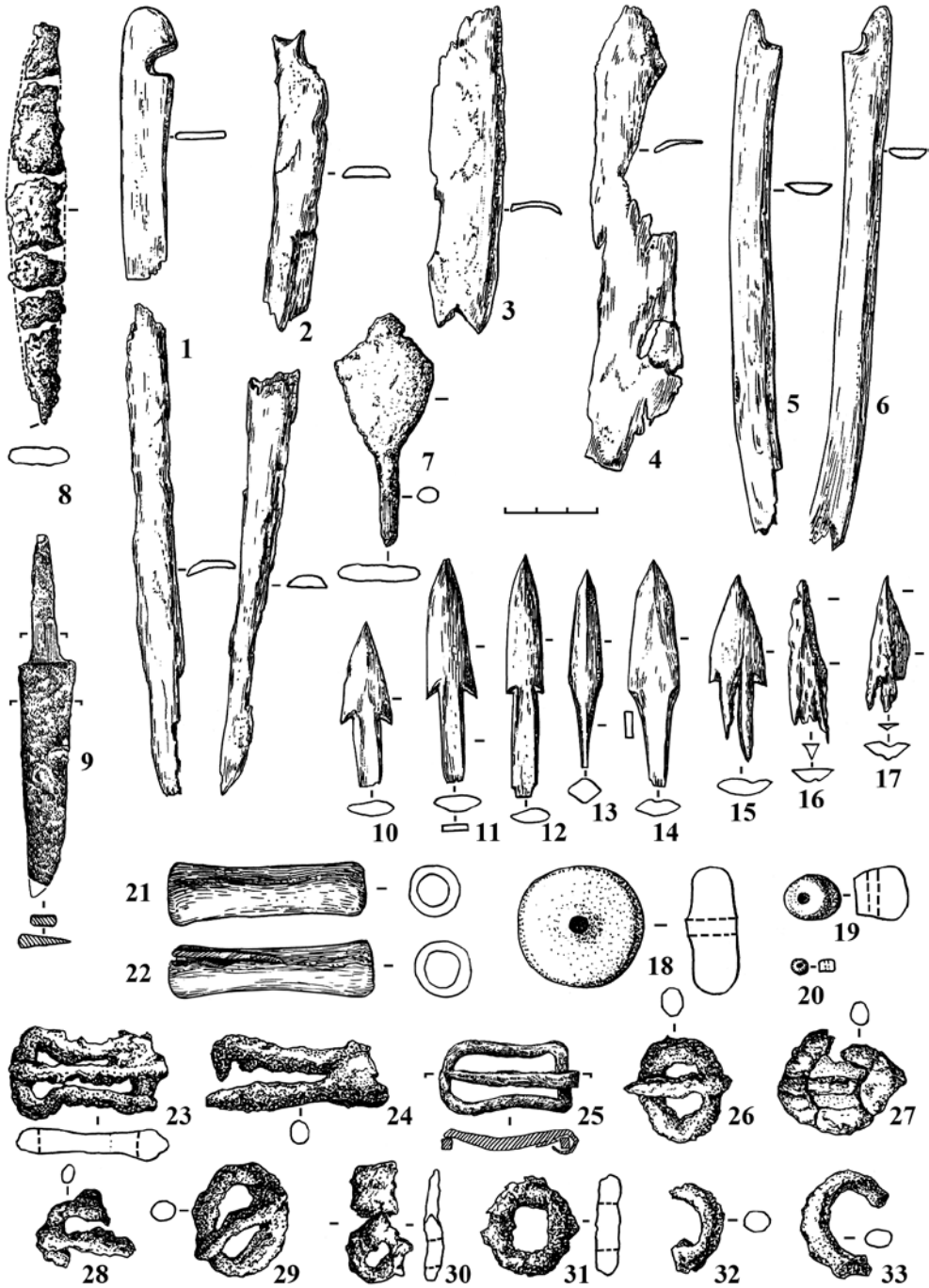

Рис. 6. Предметный комплекс булан-кобинской культуры из памятника Тыткескень-VI: 12, 22, 28-32 – курган №1; 7, 23, 26 – курган №2; 1-6, 8, 10, 14-15, 21, 24 – курган №3; 18, 19, 20 – курган №5; 11, 13, 16, 17, 27, 33 – курган №6; 25 – объект №50; 9 – объект №53. 1-6, 10-17, 21, 22 – рог/кость; 7-9, 23-33 – железо; 18 – керамика; 19-20 – камень

броской находилась могильная яма (размерами 2,3x0,64 м, глубиной 0,5 м) с широтной ориентацией по длинной оси (рис. 5.-4). У восточной и западной стенки могилы располагались камни, а по всему периметру шла полоса тлена (толщиной 3–4 см) от деревянной рамы. На большей части поверхности могильной ямы фиксировались остатки древесного перекрытия. Внутри могилы расчищено одиночное захоронение мужчины 50–55 лет, уложенного на спину, с прямыми нижними и верхними конечностями, головой на запад. У северной стенки, параллельно левой бедренной кости человека, находился крупный камень. Сопроводительный инвентарь включал железные предметы, среди которых наконечник стрелы (рис. 6.-7), обнаруженный на поясных позвонках острием в сторону головы покойного, а также пряжки с подвижным язычком: «т-образная» (рис. 6.-23), найденная у левой бедренной кости, и округлая, лежавшая в области таза (рис. 6.-26).

Между первым и вторым курганами (в 1,45 м к западу) выявлено пятно прокала от костра размерами 0,4x0,35 м, мощностью 2,5 см (рис. 5.-2).

Курган №3 оказался в центре раскопа. Он представлял собой уплощенную однослойную насыпь овальной формы размерами 4,3x2,25 м, состоявшую преимущественно из окатанных камней и вытянутую по линии 3–В. По внешнему контуру наброски прослеживалась кольцевая крепида (рис. 5.-1). После снятия каменной кладки, на глубине 0,45 м от уровня древней поверхности, зафиксирован контур могильной ямы (длина – 2,15 м, ширина – 0,54 м), который выделялся частично сохранившимися остатками деревянной рамы. Внутри этой камеры находился умерший мужчина 35–40 лет. Он лежал вытянуто, на спине, головой на запад. Руки покойного располагались вдоль туловища, а кисти были сложены ниже живота (рис. 5.-5). В центральной части могилы прослежен тлен деревянного перекрытия. С умершим обнаружены роговые накладки от сложносоставного лука (рис. 6.-1–6), зафиксированные в южной половине могилы, глубина которой достигала 0,58 м. Под срединными накладками, в области пояса человека, найдены три костяных наконечника стрел (рис. 6.-10, 14–15) и рядом костяная трубочка (рис. 6.-21). Кроме того, в могиле обнаружены сильно корродированный железный нож (у правого крыла таза) и сохранившаяся в обломках поясная пряжка (рис. 6.-8, 24).

Севернее контура могильной ямы выявлены два округлых прокала от горевших костров. Аналогичное пятно зафиксировано и к востоку (рис. 5.-2). Все они были разных диаметров.

Курган №4. Сохранившаяся каменная наброска (размерами 2,57x1,43 м) состояла преимущественно из окатанных камней, уложенных в один слой. По периметру сооружения прослеживались более крупные валуны, которые составляли овальную крепиду, ориентированную длинной осью в широтном направлении (рис. 5.-1). После разборки насыпи, на глубине 0,36 м от уровня древней поверхности, обнаружен прямоугольный с закругленными углами контур ямы (размерами 1,93x0,56 м), вытянутый с запада на восток. В могиле (на глубине 0,52 м) погребен мужчина 50–60 лет в вытянутом положении, на спине, головой на запад (рис. 5.-6). Руки человека были слегка согнуты в локтях, поэтому лучевые кости и фаланги кистей оказались на тазовых костях и ниже. Инвентарь в погребении отсутствовал. У северной стенки ямы, как в курганах №1 и 2, располагался одиночный камень. Следует указать на отсутствие большей части костей от ступней ног.

В 0,4 м к северо-западу от северной границы могильной ямы выявлены следы от костра.

Курган №5. Границы надмогильного сооружения данного объекта было сложно определить из-за близости трех насыпей. После разборки каменной кладки, состоявшей из окатанных камней, выявлен контур могильной ямы подпрямоугольной формы с закругленными углами (длина – 1,47 м, ширина – 0,55 м, ориентация по линии З–В). На дне могилы, глубиной 0,71 м от уровня древней поверхности, находилось погребение ребенка (предположительно – девочка 6–7 лет), который лежал в вытянутом положении, на спине, головой на запад (рис. 5.-7). Сопроводительный инвентарь включал неорнаментированное глиняное пряслице, располагавшееся у головы слева, и две бусины, лежавшие в районе правого плеча и шеи (рис. 6.-18–20). Сохранность костей зафиксированного скелета плохая. Такое же состояние отмечалось и при исследовании других погребений рассматриваемого комплекса.

Курган №6. Насыпь, форму которой из-за разрушений определить сложно, состояла преимущественно из окатанных камней. Местами по внешнему краю сохранившейся наброски фиксировались валуны более крупных размеров, образовавшие овальную крепиду (рис. 5.-1). Под центральной частью насыпи находилась могильная яма прямоугольной формы с закругленными углами (размерами 1,9х0,65 м), внутри которой на глубине 0,69 м от уровня древней поверхности был погребен мужчина в вытянутом положении, на спине, головой на запад (рис. 5.-8). Левая рука покойного была сильно согнута в локте и подтянута к плечу. Правая рука, слегка согнутая в локте, кистью покоилась на животе. У скелета отсутствовали кости стоп (рис. 5.-8). В области пояса человека найдены круглая железная пряжка с подвижным язычком (рис. 6.-27) и обломанное железное кольцо (рис. 6.-33), зафиксированное при разборке тазовых костей. С внешней стороны левого плеча лежали целые и плохо сохранившиеся костяные наконечники стрел (рис. 6.-11, 13, 16–17).

Курган №7 располагался к западу от объекта №5 и имел форму кольца, выложенного крупными рваными камнями с заполнением из более мелких окатанных валунов и галек. Под наброской зафиксирован овальный контур пятна темной супеси размерами 1,5х0,85 м (рис. 5.-1, 2). Захоронений и археологического материала курган не содержал. Данный объект является, скорее всего, ритуальным сооружением.

Проанализируем зафиксированные особенности обряда и предметный набор рассмотренных погребений.

Планиграфия исследованных на могильнике Тьткескень-VI курганов булан-кобинской культуры демонстрирует их «отстраненное» положение от памятников предшествующей пазырыкской общности. Это обусловлено не только хронологической дистанцией между данными комплексами, но и отсутствием генетической преемственности между культурами населения Алтая скифо-сакского и хуннуско-сянбийского периодов [Тишкин, 2004, с. 296–297; Матренин, 2005а, с. 12, 15–16; 2008; Тишкин, Матренин, 2007, с. 40–41, 50–52]. Полученные археологические материалы отражают одну из распространенных погребальных традиций, фиксируемых при изучении булан-кобинских памятников (II в. до н.э. – V в. н.э.). Ее отличительными чертами являются одиночная ингумация, отсутствие захоронений лошадей и ориентация умерших людей головой в западное направление. Среди других признаков данной группы погребений следует отметить следующие показатели: устройство каменных насыпей

с кольцевой крепидой; небольшая глубина могильных ям (чуть более 0,5 м); наличие внутримогильных сооружений в виде деревянных ящиков-рам, комбинированных каменно-деревянных камер, имитаций каменных ящиков из вертикально установленных плит у торцевых стенок могил или вообще без таковых; отсутствие ритуальной мясной пищи, фиксируемой по костям овец. Объекты с перечисленными параметрами в свое время были объединены в карбанскую группу погребений, представленную практически на всех этапах развития булан-кобинской культуры [Матренин, 2005б, с. 95–96; 2008; Тишкин, Матренин, 2007б, с. 48–49; Матренин, Тишкин, 2007, с. 103–108]. Они раскопаны на могильниках Карбан-I, Айрыдаш-I, Чендек, Верх-Уймон, Бике-I, Бош-Туу-I, Дялян, Усть-Бийке-III, Яломан-II, Кальджин-6 и 8, Степушка-I, II и др. В количественном отношении памятники «карбанцев» доминируют в Северном Алтае, где они известны с хуннского времени (II в. до н.э. – I в. н.э.) [Тишкин, Матренин, 2007б; Матренин, 2008].

Особое внимание в исследованном раскопе привлекают выявленные рядом с могилами следы кострищ. Они располагались с северо-восточной (курган №1), восточной (курган №3), северо-западной (курганы №2–4) стороны надмогильных конструкций, иногда почти вплотную к ним. Важно отметить, что рядом с захоронениями, исследованными по соседству в долине Катунь, следы использования огня не отмечались (например, см.: [Кубарев, Киреев, Черемисин, 1990]). Аналогии данному элементу имеются в погребальных комплексах кокэльской культуры Тувы, где в большом количестве зафиксированы очажные пятна рядом с наземными сооружениями и под насыпями в околмогильном пространстве [Вайнштейн, 1970, с. 72; Дьяконова, 1970а, с. 193; 1970б, с. 238; Николаев, 1991, с. 56–57]. Пока трудно сказать, какой смысл имели такие действия у кочевников Алтая хуннско-сяньбийско-жужанского времени. На других некрополях булан-кобинской культуры, раскапывавшихся большими площадями, прокалы и очаги массово не обнаружены. Однако в заполнении могильных ям и внутри погребальных камер угли встречались часто. В некоторых случаях точно установлено, что ими посыпали трупы людей, что следует рассматривать как свидетельство обряда «очищения» огнем.

В представленных курганах обнаружен немногочисленный, но хронологически выразительный сопроводительный инвентарь (хранится в фондах Национального музея Республики Алтай им. А.В. Анохина, г. Горно-Алтайск).

К предметам вооружения относятся остатки сложносоставного лука (рис. 6.-1–6) и железный наконечник стрелы (рис. 6.-7), найденные в кургане №3. Сохранившийся в обломках комплект из двух пар концевых и одной пары срединных боковых накладок позволяет предполагать, что длина лука с ослабленной тетивой составляла около 1,5 м. Важные для хронологической атрибуции детали оформления накладок не определяются [Горбунов, 2006, с. 9–21]. Поэтому можно принять условную датировку данного комплекта метательного оружия в широких рамках II в. до н.э. – V в. н.э.

Железный черешковый наконечник стрелы с плоским в сечении пером ромбической формы (длиной 7,5 см, без упора) имеет аналогии в сяньбийских погребениях конца I – начала III в. н.э. Приаргунья, Северо-Западной Маньчжурии и Внутренней Монголии [Чжао Юэ, 1990, рис. 5.-3–5, 7; Худяков, Юй Су-Хуа, 2000, рис. I.-25; Могильник Саньдаовань..., 2004, рис. 13.-7; Ковычев, 2006, рис. 5.-10–12, 15]. Похожие наконечники представлены в более поздних памятниках дуройской и бурхотуйской

культур Восточного Забайкалья [Худяков, 1991, с. 54–55, рис. 26.-17; рис. 27; Ковычев, 2006, рис. 6.-11; Зюзин, 2008, табл. I]. Сравнительно редко плоские наконечники стрел встречаются в памятниках хунну Забайкалья и Монголии. Они найдены преимущественно в комплексах конца I в. до н.э. – I в. н.э. [Коновалов, 1976, табл. I.-3–4, 6–7; Худяков, 1986, рис. 6.-2, 4–7; Давыдова, 1995, табл. 186.-46; Турбат, Амартувшин, Эрдэнэбат, 2003, с. 178].

На территории Тувы единственный плоский наконечник стрелы с таким абрисом представлен в могильнике Кокэль [Худяков, 1986, рис. 27.-23], который датируется не ранее 2-й половины – конца III в. н.э. [Николаев, 2000, с. 82; 2001, с. 21, 23–25]. Правда, двухлопастные железные наконечники достаточно часто встречались в погребальном комплексе Аймырлыг-XXXI, который относится к более раннему времени (видимо, к I – началу III в. н.э.) [Мандельштам, Стамбульник, 1992, табл. 82.-1, 4, 7].

Плоский асимметрично-ромбический экземпляр найден в таштыкском склепе Джесос [Худяков, 1986, с. 92; рис. 36.-24; Вадецкая, 1999, табл. 113.-I]. В Верхнем Приобье данные наконечники зафиксированы в ранних единцовских памятниках 2-й половины IV – V в. н.э. [Горбунов, 1993, рис. 3.-17; 2006, с. 36, 42]. Известны они и на территории Северного Алтая [Степанова, Горбунов, 1994, рис. 1].

В погребениях булан-кобинской культуры пока учтено не более пяти экземпляров железных однолопастных наконечников с заостренной геометрической формой пера. Изделия, наиболее близкие тыткескенскому, найдены при исследовании памятников Улита (раскопки Ю.Т. Мамадакова) и Урочище Балчикова-3 [Шульга, Горбунов, 2002, рис. 2.-3, с. 117]. Появление в булан-кобинской культуре однолопастных наконечников стрел может быть связано с влиянием раннесяньбийской военной традиции. С учетом известных на сегодняшний день аналогий начальный период бытования таких изделий на Алтае можно установить в рамках II–III вв. н.э.

Снаряжение человека представлено железными поясными пряжками с подвижным язычком (6 экз.), бляхой-накладкой с подвижным кольцом-блоком (1 экз.) и блоками-кольцами (3 экз.). Пряжки по форме рамки подразделяются на округлые (курганы №1, 6), овальные (курганы №1, 2), трапецевидные (курган №3) и «т-образные» (курган №2).

Округлые и овальные пряжки без щитков (рис. 6.-26–29) имеют многочисленные подобию в снаряжении многих народов Евразии II в. до н.э. – V в. н.э. На Алтае изделия такой конструкции появляются в хуннское время (II в. до н.э. – I в. н.э.) [Тетерин, 1995, рис. 4; Тишкин, Горбунов, 2005б; Матренин, 2013а]. Экземпляры из могильника Тыткескень-VI отличаются от ранних модификаций небольшими размерами (до 3,5 см) и преимущественно овальным абрисом рамок, что характерно для пряжек развитого (II – 1-я половина IV в. н.э.) и позднего (2-я половина IV – 1-я половина V в. н.э.) этапов булан-кобинской культуры.

«Т-образные» пряжки с подвижным язычком на основании рамки без щитка (рис. 6.-23–24) в булан-кобинской культуре встречаются редко. Известны всего три таких экземпляра в некрополях Булан-Кобы-IV и Бош-Туу-I (раскопки Ю.Т. Мамадакова). Следует отметить, что пряжка из могильника Тыткескень-VI является пока единственной находкой среди многочисленных ременных гарнитур булан-кобинских кочевников Северного Алтая. Похожие образцы зафиксированы в грунтовом могильнике таштыкской общности Абакано-Перевоз, в материалах фоминской культуры Усть-Абинского некрополя (не ранее 2-й половины III в. н.э.), а также при исследовании

памятника IV–VII вв. н.э. Боровое в Красноярской лесостепи [Мандрыка, Макаров, 1994, рис. 3.-36; Тетерин, 1999, рис. 2.-7, 9; Ширин, 2003, с. 67, рис. 4.-7, табл. LX.-6]. Конечно, география распространения поясных застежек рассматриваемой конструкции и формы намного шире. Например, они пользовались популярностью у населения центральноевропейского Барбарикума в I – начале III в. н.э., а также у кочевых народов Восточной Европы в среднесарматское время [Арсеньева, 1977, с. 104, табл. XXXV.-12; CLV.-4; Абрамова, 1989, табл. 111.-29; Дашевская, 1989, табл. 55.-48; 1991, с. 36, табл. 63.-13; Зайцев, Мордвинцева, 2004, с. 182–183, рис. 8.-39; Малашев, 2000, с. 208; Медведев, 2004, с. 89, рис. 1.-22; Труфанов, 2004, с. 164–167, 169, рис. 3.-3, 5–9). Морфологически близкие железные пряжки, но с подвижным пластинчатым щитком, происходят из булан-кобинских памятников Верх-Уймон и Яломан-II, которые относятся ко 2-й половине IV – 1-й половине V в. н.э. [Соенов, Эбель, 1992, рис. 34.-5; Тишкин, 2007, с. 181, 268–270, 275–277]. Изделие такого же типа найдено в Северо-Западной Монголии, в кургане из местности Хад-Узуур, отнесенном к сяньбийско-жужанскому времени [Худяков, Цэвэндордж, 1986, рис. 1].

Важно отметить, что на Алтае, в Алтайской лесостепи и Туве известны «т-образные» пряжки с подвижным язычком, закрепленным на цельной вертлюге [Дьяконова, 1970а, табл. XII.-33–34, 47; Уманский, 1974, рис. 3.-3; Николаев, 2000, рис. 1.-1; 3.-2; 4.-2, 5; Памятники кокзельской культуры..., 2010, с. 44; Матренин, 2013а, рис. 1.-11]. Самой оригинальной среди них является бронзовый экземпляр из могильника Балыктыюль [Сорокин, 1977, рис. 6.-6], декоративное оформление которого с помощью фасеток демонстрирует родство с ременными гарнитурами провинциально-римского облика и указывает на такую датировку: конец II – 1-я половина III в. н.э. [Малашев, 2007, с. 117].

Принимая во внимание ситуации нахождения пряжек с «т-образной» рамкой в датированных закрытых комплексах Сибири и Центральной Азии, прежде всего в памятниках кокзельской культуры, начало их распространения на территории Алтая можно определить не ранее рубежа II–III вв. н.э. [Матренин, 2013а].

Трапециевидная бесщитковая пряжка вытянутых пропорций из кургана №3 (рис. 6.-24) сохранилась фрагментарно. В булан-кобинской культуре такие пряжки встречаются крайне редко. При этом изделия с рамкой вытянутых пропорций характерны преимущественно для II–III вв. н.э.

Железная поясная бляха-полуобойма с кольцом (курган №1) является распространенной модификацией такой детали ременных гарнитур из погребений булан-кобинской культуры. Прототипом данных блях стали пряжки с подвижным язычком и подвижным щитком, а также распределители уздечных ремней с лопастями-полуобоймами, появившиеся впервые у хунну Забайкалья и Монголии около рубежа эр [Тишкин, Матренин, 2013]. Не последнюю роль в их генезисе сыграла хуннская традиция использования поясов с металлическими или каменными кольцами. В Центральной Азии наиболее ранние, но единичные находки таких изделий известны у сяньби Юго-Восточного Забайкалья в погребениях конца I – начала III в. н.э. могильника Зоргол-I и в более поздних захоронениях могильника Дурой-I [Яремчук, 2005, рис. 96.-5]. В этом регионе они использовались населением бурхотуйской культуры в IV–VI вв. н.э. [Кириллов И.И., Ковычев, Кириллов О.И., 2000, рис. 81.-4, 18–20]. Большое количество аналогичных предметов происходит из археологических комплексов кокзельской культуры

Тувы III–V вв. н.э. [Вайнштейн, Дьяконова, 1966, табл. XIII.-12, 22; Дьяконова, 1970а, табл. XI.-13–24, 47; XII.-5–7, 19, 23–28; Николаев, 2000, рис. 1.-4, 6, 10]. В Западной Сибири подобные железные бляхи имеются в памятниках фоминской культуры в предгорьях Кузнецкого Алатау не ранее 2-й половины III в. н.э. [Ширин, 2003, LXIII.-4, 6; LXVII.-1, 2]. Наиболее многочисленны они были у носителей верхнеобской общности в V–VI вв. н.э. [Беликова, Плетнева, 1983, рис. 10.-15, 16, 19; 13.-11; 17.-3, 4, 5; 55.-4; Троицкая, 1996, рис. 1.-1–4, 11, 15; Троицкая, Новиков, 1998, с. 53–54, табл. 8]. У населения Прикамья подобные поясные бляхи характерны для периода с III до 1-й половины VI в. н.э. На этом фоне в степях Восточной Европы и на Северном Кавказе бляхи указанной конструкции в позднесарматское (2-я половина II – IV в. н.э.) и гуннское (конец IV – V в. н.э.) время представлены единичными экземплярами из цветного металла [Мошкова, 1989, табл. 82.-82; Абрамова, 1997, рис. 20.-11, 12; Засецкая, 1994, табл. 15.-8; 47.-14, 16; 46.-4; Боталов, Гуцалов, 2000, рис. 6.-4–8; Малашев, 2000, рис. 6.-Д; 8.-В: 2; Кривошеев, 2004, рис. II.-24, с. 119].

На территории Алтая железные бляхи-полуобоймы с кольцами появляются во II в. н.э. и выступают одной из «этнографических» черт снаряжения булан-кобинских кочевников до V в. н.э. [Тишкин, Матренин, 2013]. Кольца небольшого размера (курганы №1, 6), применявшиеся в качестве подвесов или распределителей ремней, являются распространенной категорией находок в погребениях II–V вв. н.э.

С поясами из курганов №1 и 3 связаны костяные трубочки (рис. 6.-21–22). В памятниках Алтая хуннско-сяньбийско-жужанского времени нами учтено более 35 аналогичных изделий, которые происходят почти исключительно из захоронений мужчин и найдены в области тазовых костей. Больше всего таких предметов (гладких, рельефных, орнаментированных) обнаружено на могильниках Булан-Кобы-IV (10 экз.), Айрыдаш-I (10 экз.) и Белый-Бом-II (4 экз.). Функциональное назначение этих изделий до конца не понятно. Наиболее правдоподобным выглядит использование трубочек в роли подвесок, фиксирующихся к подвесным (портупейным) ремешкам. В количественном отношении костяные трубочки преобладают в булан-кобинских погребениях, датирующихся II – 1-й половиной IV в. н.э.

К костюмному комплексу относятся две каменные бусины (рис. 6.-19, 20), найденные в кургане №5. Одна из них – сплюснуто-шаровидная (диаметром 0,51 см), другая – эллипсоидная, симметрично усеченная (диаметром 1,86–1,65 см, толщиной 0,8 см). Хронология обозначенных украшений плохо разработана. Необходимо отметить, что геометрические бусы эллипсоидной формы с симметрично усеченным корпусом характерны для предметных комплексов бело-бомского (II – 1-я половина IV в. н.э.) и верх-уймонского (2-я половина IV – 1-я половина V в. н.э.) этапов булан-кобинской культуры. Они обнаружены в погребениях следующих могильников: Карбан-I, Айрыдаш-I, Верх-Уймон, Чендек, Курайка, Улита, Бош-Туу-I, Булан-Кобы-IV, Белый-Бом-II [Соенов, Эбель, 1992, рис. 10.-4; 26.-38; 1998, рис. 2.-2; 3.-3; Трифанова, 2006, рис. 13; и др.].

К орудиям труда принадлежат железный нож и глиняное пряслице, а также в определенной мере костяные наконечники стрел (8 экз.), которые по конструкции насада, сечению и форме пера представлены несколькими типами. К первому типу относится 1 экз. с расщепленным насадом, асимметрично-линзовидной формой в сечении, с треугольным шипастым пером из кургана №3 (рис. 6.-15). Общая его длина

составляет 6 см, из них 3,5 см приходится на боевую часть. Подобные наконечники у населения булан-кобинской культуры встречались достаточно редко и найдены в комплексах бело-бомского этапа (II – 1-я половина IV в. н.э.): в могильниках Булан-Кобы-IV, Степушка-I, Белый-Бом-II [Матренин, 2013б]. Ко второму типу принадлежит черешковый наконечник, асимметрично-линзовидный в сечении, с треугольным шипастым пером, длиной 5,4 см (боевая часть составляет 3,3 см) из кургана №3 (рис. 6.-10). Изделия с описанными морфологическими показателями, но обычно ромбические в сечении, представлены на Алтае немногочисленной серией находок в неопубликованных материалах II – 1-й половины IV в. н.э. памятников Карбан-I, Айрыдаш-I, Улита, Бош-Туу-I, Булан-Кобы-IV. Несколько таких экземпляров обнаружено в курганах II в. до н.э. – I в. н.э. на могильнике Усть-Эдиган [Худяков, 1997а, рис. II.-5–7]. Третий тип включает черешковые наконечники с асимметрично-линзовидным сечением, шипастым пером, килевидной формы, длиной 6,2–6,8 см (длина боевой части варьирует в пределах 4,3–4,5 см) в количестве двух изделий из курганов №1 и 6 (рис. 6.-11–12). Такие находки известны в памятниках развитого (II – 1-я половина IV в. н.э.) и позднего (2-я половина IV – 1-я половина V в. н.э.) этапов развития булан-кобинской общности. Больше всего их найдено в могильниках Карбан-I, Булан-Кобы-IV, Кок-Паш [Мамадаков, 1990, рис. 20.-10–11; 24.-6; 34.-8–12; 45; Бобров, Васютин А.С., Васютин С.А., 2003, рис. 18.-3–6; 15.-1]. В четвертый тип выделены черешковые наконечники с ромбическим овально-четырёхгранным пером килевидной формы, имеющим покатые плечики, которые плавно переходят в черенок. Он представлен двумя экземплярами из курганов №3 и 6 (рис. 6.-13–14). Общая длина изделий составляет 6,6–6,8 см. На боевую часть приходится 3,9–4,1 см. Подобные наконечники иногда встречаются в погребальных комплексах булан-кобинской культуры (Карбан-I, Айрыдаш-I, Булан-Кобы-IV, Кок-Паш), датируемых со II по V в. н.э. Среди них опубликованы пока только предметы из могильника Кок-Паш [Бобров, Васютин А.С., Васютин С.А., 2003, рис. 6.-3–4; 19.-15]. Еще два костяных наконечника из памятника Тыткескень-VI имеют плохую сохранность и не могут быть классифицированы (рис. 6.-16–17).

Железный черешковый нож из кургана №3 сохранился в обломках. Он имел слегка выпуклую спинку, треугольное сечение клинка и немного наклоненную рукоять. Реконструируемая общая длина изделия – 12,7 см, из которых 8,7 см приходится на клинок (рис. 6.-8). Ножи с подобными морфологическими характеристиками у булан-кобинского населения Алтая встречаются часто и датируются в широких рамках (1-я половина I тыс. н.э.).

Обнаруженное в кургане №5 глиняное пряслице в виде «диска» (диаметром 2,9 см, толщиной 1,4 см) в хронологическом отношении является малоинформативным (рис. 6.-18). Похожие предметы найдены при исследовании могильников Бике-I, Чендек, Усть-Эдиган, Кок-Паш и др. [Кубарев, Киреев, Черемисин, 1990, рис. 44.-7; Соенов, Эбель, 1992, рис. 5.-2; 17.-3; Худяков, 1997б, рис. 3.-7; Бобров, Васютин А.С., Васютин С.А., 2003, рис. 7.-36; 12.-44].

Опираясь на выполненный сравнительный анализ сопроводительного инвентаря, можно сделать вывод, что курганы булан-кобинской культуры, раскопанные на могильнике Тыткескень-VI, относятся к бело-бомскому этапу (II – 1-я половина IV в. н.э.) и датируются, скорее всего, концом II – началом III в. н.э. Все они сооружены в короткий отрезок времени, соответствующий периоду военно-политического господства

в Центральной Азии кочевой империи сяньби, в состав которой в качестве отдаленной периферии могли входить земли Алтая.

Во время археологических работ на памятнике в 1990 г. также получены единичные предметы хуннуско-сяньбийско-жужанского времени, зафиксированные при раскопках объектов №50 и 53 (рис. 2). Описание данных сооружений и обнаруженного археологического материала представляется впервые (находки хранятся в Музее археологии и этнографии Алтая АлтГУ, коллекция №587).

Объект №50 выявлен на гребне из небольших всхолмлений, идущих цепочкой посередине террасы с юга на север, к востоку от полевой дороги, в 28,6 м к западу от пазырыкского кургана №4 (рис. 2). В прямоугольном раскопе размерами 14х7 м расчищена гряда рваных камней, напоминающая четыре разрушенных каменных выкладки овальной формы, выстроенных по меридиану (рис. 5.-2). Среди камней найдены скопления и отдельные фрагменты неорнаментированной керамической посуды, а также колотые кости животных, залежавшие на глубине от 0,05 до 0,15 м от уровня современной поверхности. Данный объект является, по-видимому, ритуальным сооружением.

Из вещей обнаружена железная бесщитковая пряжка с подвижным язычком на основании, имеющая рамку арочной формы и удлиненных пропорций, со слабо вогнутыми боковыми сторонами (рис. 6.-25). Похожие модификации и производные от них экземпляры «восьмерковидной» формы известны в памятниках хунну Забайкалья (конца I в. до н.э. – I в. н.э.), в тесинских погребениях Среднего Енисея (2-й половины I в. до н.э. – начала II в. н.э.), в могильнике Аймырлыг-XXXII (начала III в. н.э.) в Центральной Туве, в сяньбийских погребениях Приаргунья* и Северо-Западной Маньчжурии (конца I – начала IV в. н.э.), в памятниках Средней Азии (I в. до н.э. – начала новой эры) [Коновалов, 1975, табл. XI.-15; Пшеницына, 1975, рис. 5.-7; Стамбульник, 1983, рис. 2; Субботин, 1983, рис. 1.-5; Седых, 1985, рис. 4.-4; Кузьмин, 1988, рис. 13.-19–20; 2008, с. 85; Чжан Ин, Ван Ся, Хэ Мин, 1985, рис. 10.-2; Маслов, Яблонский, 1996, с. 175–176; Яремчук, 2005, рис. 93.-3; 102.-1–2; Савинов, 2009, табл. XXIII.-2; XXV.-9, 10, 17; XXVII.-5, 6]. Начальный этап распространения таких пряжек на территории Алтая, судя по находкам из некрополя Усть-Эдиган [Тетерин, 1995, рис. 6], приходится на I – начало II в. н.э. Два аналогичных изделия найдены в курганах развитого этапа булан-кобинской культуры в погребальном комплексе Айрыдаш-I. Их предполагаемая датировка по сопутствующему инвентарю – II – 1-я половина III в. н.э. Следует отметить, что пряжки с арочной рамкой и прямыми боковыми сторонами появляются на Алтае раньше (видимо, во 2-й половине I в. до н.э.). Они обнаружены в курганном могильнике Яломан-II (неопубликованные материалы А.А. Тишкина).

Объект №53 находился за поворотом полевой дороги при подъеме террасы к западу, возле скального прижима, с юга от полотна старого Чуйского тракта (рис. 2). В раскопе прямоугольной формы размерами 6х5 м зафиксировано несколько разбросанных рваных камней, средние размеры которых составляли 0,35х0,25х0,15 м. В его северо-восточном углу находился выступ скальной породы. В юго-восточной части, возле каменной глыбы, в землю был воткнут железный черешковый нож с двумя прямыми плечиками при

* Авторы выражают признательность Е.В. Ковычеву за возможность познакомиться с материалами сяньбийского времени могильника Дурой-I, занимающими хронологическую лакуну между комплексами зоргольской (конец I – начало III в. н.э.) и бурхотуйской (IV–IX вв. н.э.) культур Юго-Восточного Забайкалья.

переходе клинка в рукоять (рис. 6.-9). В той же части раскопа обнаружено большинство фрагментов неорнаментированной керамической посуды, залежавших на глубине 0,15 м от уровня современной поверхности. Зафиксированный железный нож имеет аналогии в объектах булан-кобинской и тюркской культур. Для данного экземпляра наиболее предпочтительной выглядит датировка ближе к середине I тыс. н.э.

Комплекс вещественных находок II в. до н.э. – V в. н.э. из могильника Тыткескень-VI в будущем можно будет расширить за счет изучения керамических изделий, не характерных для скифо-сакского и тюркского времени. Идентификация среди коллекций, хранящихся ныне в Национальном музее Республики Алтай им. А.В. Анохина (г. Горно-Алтайск), материалов булан-кобинской культуры затруднена из-за недостаточной разработанности индикаторов культурно-хронологического разграничения фрагментированной керамики раннего железного века, обнаруживаемой в курганных насыпях, на площади могильников и поселений Алтая. К этому можно добавить общую немногочисленность глиняной посуды из булан-кобинских погребений II–V вв. н.э.

Следует отметить, что по соседству с вышерассмотренной группой булан-кобинских курганов (№1–7) в начале 1990-х гг. под руководством Ю.Т. Мамадакова было вскрыто еще несколько каменных выкладок с неглубокими могилами, внутри которых находились узкие каменные ящики (или обкладки) с одиночными безынвентарными погребениями людей, уложенными вытянуто на спину. Возможно, на представленном плане отмечена эта часть выявленных, но не идентифицированных раскопов (рис. 2). К сожалению, результаты исследования погребальных сооружений не были отражены в отчетной документации, а имевшиеся полевые чертежи не отложились в архиве Музея археологии и этнографии Алтая АлтГУ.

В завершение рассмотрения археологических материалов сянбийского времени могильника Тыткескень-VI необходимо отметить единственную радиоуглеродную дату (1970±105 лет), сделанную по отобраным образцам углей из кострища, зафиксированного в границах раскопа поселения, в его северо-западной («высокой») части [Тишкин, 2007, с. 180, 263–264]. Откалиброванные хронологические интервалы свидетельствуют о том, что для костра использовалась древесина разного происхождения. Полученные свидетельства подтверждают присутствие населения булан-кобинской культуры в долине Катуня, в том числе на левобережье, около устья р. Тыткескень.

Библиографический список

- Абрамова М.П. Ранние аланы Северного Кавказа в III–V вв. н.э. М. : ИА РАН, 1997. 165 с.
- Абрамова М.П. Центральный Кавказ в сарматскую эпоху // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М. : Наука, 1989. С. 268–281 (Археология СССР).
- Арсеньева Т.М. Некрополь Танаиса. М. : Наука, 1977. 152 с.
- Беликова О.Б., Плетнева Л.М. Памятники Томского Приобья в V–VIII вв. н.э. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1983. 243 с.
- Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А. Восточный Алтай в эпоху Великого переселения народов (III–VII века). Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2003. 224 с.
- Богалов С.Г., Гуцалов С.Ю. Гунно-сарматы Урало-Казахстанских степей. Челябинск : Рифей, 2000. 265 с.
- Вадецкая Э.Б. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. СПб. : Петербургское востоковедение, 1999. 440 с.
- Вайнштейн С.И. Раскопки могильника Кокэль в 1962 году // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. Т. III : Материалы по археологии и антропологии могильника Кокэль. Л. : Наука, 1970. С. 7–79.

Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. II : Наступательное вооружение (оружие). Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2006. 232 с.

Горбунов В.В. Грунтовый могильник с обрядом кремации Троицкий Елбан-I // Культура древних народов Южной Сибири. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1993. С. 80–90.

Давыдова А.В. Иволгинский археологический комплекс. Т. 1 : Иволгинское городище. СПб. : АзиатИКА, 1995. 287 с. (Археологические памятники Сибири. Вып. 1).

Дашевская О.Д. Поздние скифы (III в. до н.э. – III в. н.э.) // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М. : Наука, 1989. С. 125–145 (Археология СССР).

Дьяконова В.П. Большие курганы-кладбища на могильнике Кокэль (по результатам раскопок за 1963, 1965 гг.) // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. Т. III : Материалы по археологии и антропологии могильника Кокэль. Л. : Наука, 1970а. С. 80–209.

Дьяконова В.П. Археологические раскопки на могильнике Кокэль в 1966 г. // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. Т. III : Материалы по археологии и антропологии могильника Кокэль. Л. : Наука, 1970б. С. 210–238.

Зайцев Ю.П., Мордвинцева В.И. Варварские погребения Крыма II в. до н.э. – I в. н.э. // Сарматские культуры Евразии: Проблемы региональной хронологии. Краснодар : Фирма НСС, 2004. С. 174–204.

Засецкая И.П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV – V вв. н.э.). СПб. : Эллипс Лтд, 1994. 224 с.

Зюзин А.В. Предметы вооружения из сянбийского могильника Дурой-I в Восточном Забайкалье // Этнокультурная история Евразии: современные исследования и опыт реконструкций. Барнаул : Азбука, 2008. С. 168–169.

Кириллов И.И., Ковычев Е.В., Кириллов О.И. Дарасунский комплекс археологических памятников. Восточное Забайкалье. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2000. 176 с.

Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Мамадаков Ю.Т. Некоторые результаты археологических исследований памятника Тыткескень-VI на Средней Катунь // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. Барнаул : БГПИ, 1992. С. 125–130, 222–226.

Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Матренин С.С. Памятник скифо-сакского времени Тыткескень-VI: итоги изучения и культурно-хронологический анализ // «Terra Scythica». Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2011. С. 97–116.

Ковычев Е.В. Некоторые вопросы этнической и культурной истории Восточного Забайкалья в конце I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. // Известия лаборатории древних технологий. Иркутск : Изд-во Иркут. тех. ун-та, 2006. Вып. 4. С. 242–258.

Коновалов П.Б. Хунну в Забайкалье (погребальные памятники). Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1976. 221 с.

Кривошеев М.В. Хронология позднесарматской культуры Нижнего Поволжья // Сарматские культуры Евразии: Проблемы региональной хронологии. Краснодар : Фирма НСС, 2004. С. 117–126.

Кубарев В.Д., Киреев С.М., Черемисин Д.В. Курганы урочища Бике // Археологические исследования на Катунь. Новосибирск : Наука, 1990. С. 43–95.

Кузьмин Н.Ю. Тесинский могильник у деревни Калы // Памятники археологии в зонах мелиорации Южной Сибири. Л. : Наука, 1988. С. 55–82.

Кузьмин Н.Ю. Возможности корреляции радиоуглеродных и археологических дат для памятников скифского и гунно-сарматского времени Саяно-Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. 2008. №3 (35). С. 77–87.

Ларин О.В. Афанасьевские памятники среднего течения Катунь // Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая. Горно-Алтайск : ГАНИИИЯЛ, 1990. С. 3–30.

Малашев В.Ю. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону. Ростов на/Д : Терра, 2000. С. 194–232.

Малашев В.Ю. Археологические памятники южноуральских степей второй половины II – IV вв. н.э.: позднесарматская или гунно-сарматская культуры (вещевой комплекс) // Российская археология. 2007. №3. С. 111–121.

Мамадаков Ю.Т. Культура населения Центрального Алтая в первой половине I тыс. н.э. : дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1990. 317 с.

Мандельштам А.М., Стамбульник Э.У. Гунно-сарматский период на территории Тувы // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М. : Наука, 1992. С. 196–205 (Археология СССР).

Мандрыка П.В., Макаров Н.П. Погребения с трупосожжениями в окрестностях Красноярска (к вопросу о выделении памятников нового культурного типа) // Этнокультурные процессы в Южной Сибири и Центральной Азии в I–II тысячелетии н.э. Кемерово : КемГУ, 1994. С. 68–84.

Маслов В.Е., Яблонский Л.Т. Могильник Гаур-IV в Северной Туркмении // Российская археология. 1996. №2. С. 168–181.

Матренин С.С. Социальная структура населения Горного Алтая хунно-сяньбийского времени (по материалам погребальных памятников булан-кобинской культуры II в. до н.э. – V в. н.э.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2005а. 24 с.

Матренин С.С. К вопросу о выделении типов погребений (по материалам памятников Горного Алтая II в. до н.э. – V в. н.э.) // Западная и Южная Сибирь в древности. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2005б. С. 93–98.

Матренин С.С. Некоторые результаты сравнительного изучения погребальных памятников Горного Алтая скифо-сакского и хуннского времени // Известия Алтайского государственного университета. 2008. №4/2 (60). С. 127–135.

Матренин С.С. Комплексный анализ поясных пряжек кочевников Алтая сяньбийско-жужанского времени (по материалам могильника Степушка-I) // Известия Алтайского государственного университета. 2013а. №4/1 (80). С. 228–237.

Матренин С.С. Костяные наконечники стрел кочевников Алтая сяньбийско-жужанского времени (по материалам курганной группы Степушка-I) // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2013б. С. 201–205.

Матренин С.С., Тишкин А.А. Опыт выделения локально-территориальных групп населения Горного Алтая хуннского времени (по материалам погребальных памятников) // Теория и практика археологических исследований. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2007. Вып. 3. С. 102–115.

Медведев А.П. Периодизация и хронология сарматских памятников на Среднем и Верхнем Дону // Сарматские культуры Евразии: Проблемы региональной хронологии. Краснодар : Фирма НСС, 2004. С. 86–94.

Могильник Саньдаовань в аймаке Чаюхоуци // Открытие и исследование сяньбийских могильников во Внутренней Монголии. Пекин : Кэсюэ яизбаньшэ, 2004. Вып. XVIII. С. 16–54 (на кит. яз.).

Николаев Н.Н. К вопросу о погребальной обрядности могильника Кокэль // Проблемы хронологии и периодизации в археологии. Л. : ЛОИА АН СССР, 1991. Вып. 3. С. 54–60.

Николаев Н.Н. Поясные наборы могильника Кокэль // Мировоззрение. Археология. Ритуал. Культура. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2000. С. 70–85.

Николаев Н.Н. Культура населения Тувы 1-й пол. I тыс. н.э. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2001. 26 с.

Памятники кокэльской культуры Тувы: материалы и исследования. СПб. : ЭликСис, 2010. 252 с.

Пшеницына М.П. Третий тип памятников тесинского этапа // Первобытная археология Сибири. Л. : Наука, 1975. С. 150–162.

Савинов Д.Г. Минусинская провинция хунну (по материалам археологических исследований 1984–1989 гг.). СПб. : ИИМК РАН, 2009. 226 с.

Седых В.Н. Тагарский курган у с. Калы в Хакасии // Археологические исследования в районах новостроек Сибири. Новосибирск : Наука, 1985. С. 158–167.

Серегин Н.Н., Матренин С.С. Археологические комплексы Алтая II в. до н.э. – XI в. н.э.: история исследований и основные аспекты интерпретации. Барнаул : Азбука, 2014. 230 с. + вкл.

Соенов В.И., Эбель А.В. Курганы гунно-сарматской эпохи на Верхней Катуне. Горно-Алтайск : ГАГПИ, 1992. 116 с.

Сорокин С.С. Погребения эпохи Великого переселения народов в районе Пазырыка // АСГЭ. Л. : Аврора, 1977. Вып. 18. С. 57–67.

Стамбульник Э.У. Новые памятники гунно-сарматского времени в Туве (некоторые итоги работ) // Древние культуры Евразийских степей. Л. : Наука, 1983. С. 34–40.

Степанова Н.Ф., Горбунов В.В. Находки эпохи средневековья с поселений Малый Дуган и Узнезя-1 // Проблемы изучения культурно-исторического наследия Алтая. Горно-Алтайск : ГАНИИИЯЛ, 1994. С. 82–85.

Субботин А.В. Тесинский склеп в с. Береш // Древние культуры Евразийских степей. Л. : Наука, 1983. С. 64–66.

Тетерин Ю.В. Поясные наборы гунно-сарматской эпохи Горного Алтая // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1995. С. 131–135.

Тетерин Ю.В. Центрально-азиатские элементы таштыкского костюма (по материалам грунтовых могил) // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Новосибирск : НГУ, 1999. Вып. 2 : Горизонты Евразии. С. 56–65.

Тишкин А.А. О необходимости междисциплинарного изучения материалов гунно-сарматского времени Горного Алтая // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2004. С. 296–300.

Тишкин А.А. Создание периодизационных и культурно-хронологических схем: исторический опыт и современная концепция изучения древних и средневековых народов Алтая. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2007. 356 с.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Комплекс археологических памятников в долине р. Бийке (Горный Алтай). Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2005а. 200 с. + вкл.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Предметный комплекс из памятника Яломан-II на Алтае как отражение влияния материальной культуры хунну // Социогенез в Северной Азии. Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2005б. Ч. I. С. 327–333.

Тишкин А.А., Матренин С.С. Сравнительный анализ погребального обряда населения Горного Алтая скифо-сакского и хуннского времени // Теория и практика археологических исследований. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2007. Вып. 3. С. 39–56.

Тишкин А.А., Матренин С.С. Поясные бляхи сяньбийско-жужанского времени из могильника Степушка-I в Центральном Алтае // Известия Алтайского государственного университета. 2013. №4/1 (80). С. 204–213.

Трифанова С.В. Украшения населения Саяно-Алтая гунно-сарматской эпохи : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Горно-Алтайск, 2006. 22 с.

Троицкая Т.Н. Местные пояса населения верхнеобской культуры // Проблемы археологии, антропологии и этнографии Сибири. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1996. С. 154–162.

Троицкая Т.Н., Новиков А.В. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1998. 152 с.

Труфанов А.А. Пряжки ранних провинциально-римских форм в северном Причерноморье // Российская археология. 2004. №3. С. 160–170.

Уманский А.П. Могильники верхнеобской культуры на Верхнем Чумыше // Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск : Наука, 1974. С. 136–149.

Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск : Наука, 1986. 268 с.

Худяков Ю.С. Вооружение Центрально-азиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья. Новосибирск : Наука, 1991. 190 с.

Худяков Ю.С. Вооружение кочевников Горного Алтая хуннского времени (по материалам раскопок могильника Усть-Эдиган) // Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск : ГАГУ, 1997а. №2. С. 28–37.

Худяков Ю.С. Новые находки хуннского времени из могильника Усть-Эдиган в Горном Алтае // Источники по истории Республики Алтай. Горно-Алтайск : ГАИГИ, 1997б. С. 145–155.

Худяков Ю.С., Цэвэндорж Д. Свообразное впускное погребение из местности Хад Узуур Сагил сомона // *Studia Mongolica*. 1986. Т. XI (19). Fasc. 6. С. 60–64.

Худяков Ю.С., Юй Су-Хуа. Комплекс вооружения сяньби // Древности Алтая: Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск : ГАГУ, 2000. №5. С. 37–48.

Турбат Ц., Амартувшин Ч., Эрдэнэбат У. Археологические памятники долины реки Эгийн-гол (от бронзового века до монгольского времени). Улан-Батор : Монгольский пед. ун-т, 2003. 295 с.

Чжан Ин, Ван Ся, Хэ Мин. Краткое сообщение о раскопках части сяньбэйского могильника Лаохэшэнь в уезде Юйшу провинции Гири // Вэньу. 1985. №2. С. 68–82 (на кит. яз.).

Чжао Юэ. Сяньбийское погребение, открытое в Лабудалинь аймака Эю во Внутренней Монголии // Каогу. 1990. №10. С. 890–893 (на кит. яз.).

Ширинов Ю.В. Верхнее Приобье и предгорья Кузнецкого Алатау в начале I тыс. н.э. (погребальные памятники фоминской культуры). Новокузнецк : Кузнецкая крепость, 2003. 288 с.

Шульга П.И., Горбунов В.В. Фрагмент доспеха из тюркского кенотафа в долине р. Сентелек // Материалы по военной археологии Алтая и сопредельных территорий. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2002. С. 112–130.

Яремчук О.А. Могильник Зоргол-I – памятник хунно-сяньбийской эпохи степной Даурии : дис. ... канд. ист. наук. Чита, 2005. 295 с.

Y.F. Kiryushin, A.A. Tishkin, S.S. Matrenin

**THE ARCHAEOLOGICAL MATERIALS OF THE FUNERARY
AND MEMORIAL COMPLEXES BELONG TO XIANBEI TIME
FROM TYTKESKEN-VI IN THE ALTAI REGION**

The article is devoted to the publication of the archaeological materials of the Bulan-Koby culture that was obtained during the field research of burial ground in Tytkesken-VI. There are six burial mounds and one layout which were discovered at this cemetery in the 1989. Also there were found individual items in the 1990, perhaps they have ritual purposes in the past, which were fixed in terrestrial constructions. The authors have carried out a comparative analysis of real sources, according to the given current state of knowledge on the archaeology of the Altai at the Xianbei-Zhuzhan Time as well as recent changes were adjusted to the periodization of archaeological cultures of nomads in North and Central Asia, at the II BC – the V century AD. The study focuses on the chronological attribution of weapons, buckles and belt set. Correlation of artifacts relating to the accompanying inventory led to the conclusion that the study refers to a group of burials Xianbei Time and can be dated at the end of II – in beginning of the III century AD. Artifacts from burial ground conventionally which called ritual objects №50 and №53 can be related with so called Belyj-Bom's period of the Bulan-Koby culture (the II – the 1st half of the IV century AD). The aggregate of archaeological data has confirmed the relevance with the study on the chronology of the obsequies complexes from Altai region at the epoch of the Great Migration of peoples.

Keywords: Altai, the Bulan-Koby culture; Altai, the Bulan-Koby culture, the Xianbei-Zhuzhan Time, the burial ground, the accompanying inventory, the analogy, the dating, the chrono- indicators, the Great Migration of Peoples.

ТИПОЛОГИЯ И ХРОНОЛОГИЯ АНДРОНОВСКИХ БРАСЛЕТОВ С КОНУСОВИДНЫМИ СПИРАЛЯМИ НА ОКОНЧАНИЯХ

В статье приводится наиболее полный свод известных в настоящий момент находок андроновских браслетов с конусовидными спиралями на окончаниях. Общий территориальный охват свода включает районы Тувы, Верхнего и Томского Приобья, Барабы, Среднего Прииртышья, Восточного, Центрального, Северного и Южного Казахстана, лесостепного Притоболья и Средней Азии. Установлены морфологические прототипы указанных андроновских браслетов, бытовавшие на сейминско-турбинском культурно-хронологическом горизонте и отличающиеся плоскими спиралями. Кроме того, приводятся примеры позднебронзовых деривативных форм, в основе которых остаются параметрические признаки подобных украшений. Выделены и браслеты переходных форм, сочетающие признаки более ранних и собственно андроновских изделий. Основной отличительной особенностью подобных браслетов представляется высота спирали, утрачивающей плоскую форму, хотя и собственно конусовидные параметры для нее еще не характерны. Предлагаемая абсолютная хронология украшений основана на датировках по ^{14}C комплексов, однокультурных, давших подобные браслеты, с учетом местонахождения и морфологии изделий.

Ключевые слова: андроновская культура, браслеты с конусовидными спиралями, прототипы, типология, хронология.

DOI: 10.14258/tpai(2014)2(10).-02

Наиболее представительными бронзовыми изделиями, датирующими андроновские древности, представляются браслеты с конусовидными спиралями на окончаниях. Они известны из Тувы, районов Верхнего и Томского Приобья, Барабы, Среднего Прииртышья, Восточного, Центрального, Северного и Южного Казахстана, лесостепного Притоболья, а также из Средней Азии. Браслеты найдены в могильниках Аймырлыг [Стамбульник, Чугунов, 2006, с. 301–302, рис. 30], Кытманово [Кузьмина, 1985, с. 34], Быково-II [Кирюшин, 1987, с. 33, рис. 3, 4], Фирсово-XIV [Шамшин, 1992, с. 44–45, рис. 1, 4; Шамшин, Ченских, 1994, с. 49; Федорук, Федорук, Папин, 2013, с. 275–276, рис. 1, 2], Быково-IV [Абдулганеев, Лузин, Кунгурова, 1993, с. 104, рис. 1, 7, 10], Рублево-VIII [Кирюшин, Папин, Позднякова, Шамшин, 2004, с. 68], у с. Чайкино, Чекановский Лог-2 [Белоусов, Запрудский, Кулагина, 2006, с. 12–13, рис. 2.-2], Ново-Александровка, ЕК-II [Матюшенко, 1973, с. 97–98; Матюшенко, 2004, с. 71, рис. 93.-1; с. 367, рис. 417.-43], Томском могильнике на Большом мысу [Комарова, 1952, с. 31, рис. 17.-5], Сопка-II [Молодин, 1985, с. 64–65, рис. 31.-1–10], Боровянка-XVII [Погодин, Полеводов, 2003, с. 58], Малое Карасу [Ермолаева, 2001, с. 102, 105, рис. 3], Маринка [Ткачев, Винокурова, 1994, с. 54; Ткачева, Ткачев, 2008, с. 111, рис. 31.-15], Кенжеколь-1 [Мерц, Казизов, Мерц, 2007, с. 38], Айшрак, Аксу-Аюлы [Маргулан, Акишев, Кадырбаев, Оразбаев, 1966, с. 273], Сангру-II [Маргулан, Акишев, Кадырбаев, Оразбаев, 1966, с. 103–104; Кадырбаев, Курманкулов, 1992, с. 110, рис. 81.-3], Беласар Б [Маргулан, 1979, с. 41, рис. 20], Койшоки-II, Шет-I, Шет-III [Кадырбаев, Курманкулов, 1992, с. 84, рис. 54.-1, 2; с. 90, 98, рис. 68.-12], Жиланды [Кадырбаев, 1974, с. 32, рис. 4.-4], Ельшибек [Аванесова, 1991, рис. 54.-16], Ташик [Евдокимов, Новоженков, Ломан, 1985, с. 27], Лисаковский [Усманова, 1989, с. 117; Усманова, 2005, с. 210, 212, рис. 69.-6, 7; 71.-5], Алыпкаш [Зданович, 1988, с. 170, табл. 10.-18], Кожабала [Ковтун, 1999, с. 27, рис. 1], Ой-Джайляу-III и, возможно, Ой-Джайляу-VII [Горя-

чев, 2008, с. 46, 48, 51, 57, рис. 4.-4], Субботино [Потемкина, 1985, с. 238, рис. 101.-2], а также на поселениях Камышное-I, Камышное-II [Потемкина, 1985, с. 108, рис. 39.-4; с. 101, рис. 34.-9], Большой Лог-I [Кирюшин, Лузин, 1990, с. 52–53, рис. 5.-5] и в кладе у с. Палацы [Черников, 1960, с. 205, табл. X]. Среднеазиатские экземпляры происходят из верховьев р. Чирчик [Кузьмина, 1966, с. 71, 145, табл. XIV.-15 (?)], из погребения в окрестностях Ташкента в с. Искандер, также на р. Чирчик [Кузьмина, 1966, с. 71, 145, табл. XIV.-18, 20; Аванесова, 1991, с. 69, рис. 54.-25, 28, 29; с. 200], из Узгенского района либо с рудника Аурахмат [сравн.: Кузьмина, 1966, с. 71, 145, табл. XIV.-21; Аванесова, 1991, с. 69, рис. 54.-27; с. 200].

Прототипами этих украшений представляются браслеты с плоскими спиралями из памятников культур, бытовавших в основном на сейминско-турбинском хронологическом горизонте, в то время как браслеты с конусовидными спиралями в сейминско-турбинских или синхронных им комплексах не обнаружены. По мнению Н.А. Аванесовой [1991, с. 69–70], традиция исходной формы браслетов с плоскими и коническими спиралями восходит к таким петровским (или нуртайским. – *И.К.*) комплексам, как Улубай, Нуртай и Графские развалины. Но, вероятно, истоки морфологии браслетов с плоскими спиралями уходят еще глубже – к эпохе бытования аркаимо-синташтинских древностей. Это удостоверяется их находками в памятниках, давших подобные материалы (см. напр.: [Куприянова, 2008, с. 20–21]).

Отдельные экземпляры изделий с плоскими спиралями «доживают» до поздне-бронзового периода, примером чему являются материалы Осинкинского могильника на Северном Алтае [Савинов, 1975, с. 96, рис. 2, 14, 16] или позднеандроновского могильника Самара Центрального Казахстана [Ткачев, 2002, с. 58, 62, 63]. Природа подобных реминисценций проясняется при обращении к параллелям со сходным принципом моделировки деталей, а именно к браслетам с выпуклостями на концах и биконическим перстням из памятников карасукского времени [Новгородова, 1970, с. 130–131, рис. 42; Максименков, 1975, с. 49–52; и др.]. Соответствующую картину рисует и Н.А. Аванесова [1991, с. 69–70], допускающая сохранение традиции изготовления рассматриваемых браслетов и в эпоху поздней бронзы, но в форме имитации такой детали, как спирали на окончаниях.

Помимо этого известны браслеты, которые безоговорочно нельзя отнести ни к одному из указанных типов. Такие украшения происходят, в частности, из Борисоглебовского могильника поздняковской культуры [Попова, 1970, с. 195, рис. 34.-2], из могильников Былкылдак-1 [Маргулан, Акишев, Кадырбаев, Оразбаев, 1966, с. 125, табл. XII], Ой-Джайляу-III [Марьяшев, Горячев, 1992, с. 7, рис. 3], Койшоки-IV [Кадырбаев, Курманкулов, 1992, с. 86, рис. 56] и др. Согласно классификации Е.Н. Черных [1970, с. 70–71, рис. 61.-59–61] это округложелобчатые браслеты со спиральными концами. Но по форме и технологии изготовления их спирали не могут считаться ни плоскими (щитковидными), ни коническими, ни литыми. Поэтому в сравнении с ранее рассмотренными изделиями украшения, классифицированные Е.Н. Черных, представляются браслетами с намечающимися конусовидными спиралями, образующими морфологически переходную форму.

Браслеты с плоскими и намечающимися конусовидными спиралями могли бытовать достаточно длительное время. Например, в могильнике Ташик зафиксирован случай, когда погребенному(-ой?) сопутствовали браслет с плоскими и браслет с ко-

нусовидными спиралями: «концы браслета с правой руки были закруглены в виде конусовидных спиралей, концы браслета с левой руки – плоские, закругленные» [Евдокимов, Новоженев, Ломан, 1985, с. 21].

Однако этот неординарный случай составляет единичное исключение из правила, косвенно подтверждая различные горизонты бытования двух типов браслетов. По аналогии со схожими, но отличающимися изобразительными группами петроглифов, не исключены и различные стилистические истоки [Ковтун, Русакова, 2005, с. 353] этих типов украшений. Поэтому нижний хронологический рубеж браслетов с оформившимися конусовидными спиралями удостоверяется верхними абсолютными датами типологически предшествующих браслетов с плоскими спиралями. Такие украшения синхронны сейминско-турбинским древностям (напр.: [Ковтун, 2006, с. 65–72]) и их верхний рубеж в основном ограничен XVIII (XVII) в. до н.э. Вероятно, это же время следует принять за нижнюю дату производных от данных изделий браслетов с конусовидными спиралями на окончаниях.

Примечательно отсутствие браслетов с конусовидными спиралями в андроновских памятниках Кузнецкой котловины, Ачинско-Мариинской лесостепи и Среднего Енисея. Это может указывать на их сравнительно раннюю верхнюю дату. Поэтому браслеты из Тувы и Томского Приобья знаменуют финал подобной морфологической формы, в собственно андроновской среде удостоверяя ее эпизодическое бытование в начале формирования свиты андронидных культур. Помимо могильников Аймырлыг и ЕК-II, к указанной культурно-хронологической стадии, вероятно, относятся браслеты с конусовидными спиралями из Томского могильника на Большом мысу, из Боровянки-XVII. По-видимому, в этот же хронологический ряд следует включить и браслеты из Сопки-II, отражающие сложение позднекротовской (черноозерской) культуры [Молодин, 2014, с. 53, и др.], поздний этап которой (черноозерский) обладает идентифицирующими признаками андронидного образования.

Исторические причины отсутствия браслетов с конусовидными спиралями в андроновских памятниках Кузнецкой котловины, Ачинско-Мариинской лесостепи и Среднего Енисея могли быть вызваны ограничением доступа «андроновцев», проживавших в междуречье Томи и Енисея, к источникам касситерита и сокращением общей численности и номенклатуры изделий из бронзы (об этом подр. см.: [Ковтун, 1998, с. 251]).

Е.Е. Кузьмина [1966, с. 72] определяла нижнюю дату подобных украшений по среднеазиатским аналогиям временем после 3-й четверти II тыс. до н.э., иначе говоря, с середины XIII в. до н.э. Не исключено, что для экзотических и морфологически вычурных (и орнаментированных) экземпляров из верховьев р. Чирчик, из погребения в окрестностях Ташкента в с. Искандер, а также у р. Чирчик из Узгенского района (по Е.Е. Кузьминой) либо с рудника Аурахмат (по Н.А. Аванесовой) справедлива дата, близкая указанной Е.Е. Кузьминой. Но для браслетов с конусовидными спиралями с территории Северо-Западной Азии имеются основания для удревления хронологического диапазона данных изделий.

Сейчас известны радиоуглеродные датировки для некоторых памятников юга Западной Сибири, в том числе давших браслеты с конусовидными спиралями, – Рублево-VIII – XVIII–XIV вв. до н.э., Чекановский Лог-X – XVI–XV вв. до н.э., Манжиха-V – около XV в. до н.э. К XVIII–XVI вв. до н.э. по результатам радиоуглеродного датирования отнесены грунтовые могильники Подтуруно, Восход-I, Телеутский

Взвоз-I, а также Фирсово-XIV. Однако разброс девяти фирсовских дат охватывает период с XXII до III в. до н.э. [Кирюшин, Грушин, Орлова, Папин, 2007, с. 256–258], что, конечно, не добавляет уверенности в датировке могильника в целом.

Небезынтересно, что на Среднем Енисее, где подобные браслеты не обнаружены, андроновское время по ^{14}C укладывается между 1715±65 и 1420±40 гг. до н.э. [Gorsdorf, Parzinger, Nagler, 2004, p. 88], а по другой процедуре подсчета тех же данных – с 1610 по 1410 г. до н.э. [Епимахов, 2005, с. 172–173]. В более поздней работе среднеенисейские андроновские памятники датируются по ^{14}C в диапазоне 1744–1407 гг. до н.э. [Svyatko, Malloy, Murphy, Polyakov, Reimer, Schulting, 2009, p. 251].

Собственно андроновские захоронения на некрополе Старый Тартас-4 [Молодин, Новиков, Жемерикин, 2002, с. 48–62] датированы по органическим материалам, которые указали на XVIII–XV вв. до н.э. [Молодин, Марченко, Гришин, 2011, с. 251–252]. Радиоуглеродные даты позднекротовских захоронений Сопки-2/5 относят их к XXI–XVIII/XVII вв. до н.э., а хронология синкретичного андроновско-позднекротовского комплекса могильника Тартас-1 укладывается в XVII–XIV вв. до н.э. [Молодин, Марченко, Гришин, 2011, с. 251]. Последняя дата дает косвенные основания ограничить период бытования андроновских браслетов с конусовидными спиральями на юге Западной Сибири окончанием 1-й половины II тыс. до н.э.

Библиографический список

- Абдулганеев М.Т., Лузин С.Ю., Кунгурова Н.Ю. Раскопки у с. Быково // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1993. Ч. 1. С. 102–105.
- Аванесова Н.А. Культура пастушеских племен эпохи бронзы азиатской части СССР (по металлическим изделиям). Ташкент : ФАН, 1991. 200 с.
- Белоусов Р.В., Запрудский С.С., Кулагина Ю.Н. Новые поступления археологического материала в Каменский краеведческий музей // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае. 2005 г.: Археология, этнография, устная история. Барнаул : БГПУ, 2006. С. 11–15.
- Горячев А.А. О погребальных традициях племен поздней бронзы урочища Ой-Джайляу в Чулийских горах // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. Барнаул : Азбука, 2008. Вып. II. С. 44–59.
- Евдокимов В.В., Новоженев В.А., Ломан В.Г. Археологические исследования на территории Карагандинской области летом 1984 года. Караганда, 1985 (полевой отчет).
- Епимахов А.В. О возможности формирования единой системы хронологии бронзового века Северной Евразии // Западная и Южная Сибирь в древности. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2005. С. 169–173.
- Ермолаева А.С. Погребения эпохи бронзы могильников Малое Карасу и Ковалевка левобережного Иртыша // История и археология Семиречья. Алматы : Фонд «Родничок», Фонд «XXI век», 2001. Вып. 2. С. 102–111.
- Зданович Г.Б. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей (основы периодизации). Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1988. 184 с.
- Кадырбаев М.К. Могильник Жиланды на реке Нуре // Вглубь веков. Алма-Ата : Наука, 1974. С. 24–45.
- Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж. Культура древних скотоводов и металлургов Сары-Арки. Алматы : Гылым, 1992. 247 с.
- Кирюшин Ю.Ф. Работы в лесостепном Алтае // Исследования памятников древних культур Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск : Изд-во ИИФиФ СО АН СССР, 1987. С. 32–35.
- Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Орлова Л.А., Папин Д.В. Хронология бронзового века на Алтае (проблемы радиоуглеродного датирования) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2007. Т. XIII. С. 255–259.

Кирюшин Ю.Ф., Лузин С.Ю. Поселение Большой Лог I – новый памятник андроновской культуры Верхнего Приобья // Проблемы археологии и этнографии Южной Сибири. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1990. С. 42–56.

Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В., Позднякова О.А., Шамшин А.Б. Погребальный обряд древнего населения Кулундинской степи в эпоху бронзы // Аридная зона юга Западной Сибири в эпоху бронзы. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2004. С. 62–85.

Ковтун И.В. Особенности андроновской экспансии на юге Западной Сибири // Сибирь в панораме тысячелетий (Материалы международного симпозиума). Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1998. Т. I. С. 246–253.

Ковтун И.В. Андроновский могильник Кожа-Бала // Археология, этнография и музейное дело. Кемерово : Никалс, 1999. С. 27–31.

Ковтун И.В. Фигуративные навершия выгнутообушковых ножей сейминско-турбинского типа // Алтай в системе металлургических провинций бронзового века : сб. науч. трудов. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2006. С. 65–72.

Ковтун И.В., Русакова И.Д. Новые исследования и ранее неизвестные петроглифы Тутальской писаницы // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск : ИАЭТ СО РАН, 2005. Т. XI, часть I. С. 352–354.

Комарова М.Н. Томский могильник, памятник истории древних племен лесной полосы Западной Сибири // Материалы и исследования по археологии Сибири. Т. I. М. : Изд-во АН СССР, 1952. №24. С. 7–50.

Кузьмина Е.Е. Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии. М. : Наука, 1966. 150 с. (САИ. Вып. В4–9).

Кузьмина Е.Е. Классификация и периодизация памятников андроновской культурной общности // Информационный бюллетень Международной ассоциации по изучению культур Центральной Азии. М. : Наука, 1985. Вып. 9. С. 24–45.

Куприянова Е.В. Тень женщины. Женский костюм эпохи бронзы как «текст»: (по материалам некрополей Южного Зауралья и Казахстана). Челябинск : Авто Граф, 2008. 244 с.

Максименков Г.А. Современное состояние вопроса о периодизации эпохи бронзы Минусинской котловины // Первобытная археология Сибири. Л. : Наука, 1975. С. 48–58.

Маргулан А.Х. Бегазы-дандыбаевская культура. Алма-Ата : Наука, 1979. 360 с.

Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата : Наука, 1966. 435 с.

Марьяшев А.Н., Горячев А.А. Археологические памятники эпохи бронзы урочища Ой-Джайляу (Семиречье) // Археологические исследования в Казахстане. Алма-Ата : КазНИИИНКИ, 1992. С. 3–15.

Матющенко В.И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век). Ч. 3 : Андроновская культура на Верхней Оби // ИИС. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1973. Вып. 11. 118 с.

Матющенко В.И. Еловский археологический комплекс. Ч. II : Еловский II могильник. Доирменские комплексы. Омск : Изд-во ОмГУ, 2004. 468 с.

Мерц В.К., Казизов В.С., Мерц И.В. Новые исследования могильника Кенжеколь-1 в Павлодарском Прииртышье // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае. 2006 г.: Археология, этнография, устная история. Барнаул : БГПУ, 2007. Вып. 3. С. 36–40.

Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск : Наука, 1985. 200 с.

Молодин В.И. К вопросу о позднекротовской (черноозерской) культуре (Прииртышская лесостепь) // Археология, этнография и антропология Евразии, 2014. №1 (57). С. 49–54.

Молодин В.И., Марченко Ж.В., Гришин А.Е. Радиоуглеродная хронология позднекротовских и андроновских (федоровских) памятников центральной части Барабинской лесостепи (Западная Сибирь) // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. СПб. ; М. ; Великий Новгород, 2011. Т. I. С. 251–252.

Молодин В.И., Новиков А.В., Жемерикин Р.В. Могильник Старый Тартас-4 (новые материалы по андроновской историко-культурной общности) // Археология, этнография и антропология Евразии, 2002. №3 (11). С. 48–62.

- Новгородова Э.А. Центральная Азия и карасукская проблема. М. : Наука, 1970. 192 с.
- Погодин Л.И., Полеводов А.В. «Шаманские» погребения могильника эпохи бронзы Боровянка-XVII в Среднем Прииртышье // Социально-демографические процессы на территории Сибири (древность и средневековье). Кемерово : КемГУ ; ИАЭт СО РАН, 2003. С. 56–60.
- Попова Т.Б. Племена поздняяковской культуры // Окский бассейн в эпоху камня и бронзы. Труды ГИМ. М. : Советская Россия, 1970. Вып. 44. С. 154–230.
- Потемкина Т.М. Бронзовый век лесостепного Притоболья. М. : Наука, 1985. 376 с.
- Савинов Д.Г. Осинкинский могильник эпохи бронзы на Северном Алтае // Первобытная археология Сибири. Л. : Наука, 1975. С. 94–100.
- Стамбульник Э.У., Чугунов К.В. Погребения эпохи бронзы на могильном поле Аймырлыг // Окуневский сборник 2. Культура и ее окружение. СПб. : Эликсис Принт, 2006. С. 292–302.
- Ткачев А.А. Центральный Казахстан в эпоху бронзы. Тюмень : ТюмГНГУ, 2002. Ч. 2. 243 с.
- Ткачев А.А., Винокурова Е.И. Могильник эпохи бронзы Маринка // Археология и этнография Сибири и Дальнего Востока. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1994. С. 53–55.
- Ткачева Н.А., Ткачев А.А. Эпоха бронзы Верхнего Прииртышья. Новосибирск : Наука, 2008. 304 с.
- Усманова Э.Р. Андроновский могильник Лисаковский // Маргулановские чтения. Алма-Ата : Тип-я МВД Каз. ССР, 1989. С. 116–118.
- Усманова Э.Р. Могильник Лисаковский I: факты и параллели. Караганда ; Лисаковск, 2005. 232 с.
- Федорук О.А., Федорук А.С., Папин Д.В. К вопросу об особенностях парных захоронений разнополых индивидов в андроновской культуре Верхнего Приобья (по материалам раскопок могильника Фирсово XIV. 2010–2011 гг.) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул : Концепт, 2013. Вып. XVIII–XIX. С. 272–279.
- Черников С.С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1960. 272 с. (МИА. №88).
- Черных Е.Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. М. : Наука, 1970. 180 с.
- Шамшин А.Б. Богатое андроновское погребение из могильника Фирсово XIV // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии Алтая. Горно-Алтайск, 1992. С. 44–45.
- Шамшин А.Б., Ченских О.А. Новый памятник андроновской культуры в Верхнем Приобье // Археология и этнография Сибири и Дальнего Востока. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1994. С. 47–50.
- Gorsdorf J., Parzinger H., Nagler A. ¹⁴C dating of the Siberian steppe zone from Bronze Age to Scythian time // Impact of the Environment on Human Migration in Eurasia. Dordrecht ; Boston ; London : Kluwer Academic Publishers, 2004. P. 83–89.
- Svyatko S.V., Mallory J.P., Murphy E.M., Polyakov A.V., Reimer P.J., Schulting R.J. New radiocarbon dates and a review of the chronology of prehistoric populations from the Minusinsk basin, Southern Siberia, Russia // Radiocarbon. 2009. Vol. 51, Nr 1. P. 243–273.

I.V. Kovtun

TYOLOGY AND CHRONOLOGY OF ANDRONOVO BRACELETS WITH CONE-SHAPED SPIRALS ENDS

The article contains the most complete corpus of the known Andronovo bracelets with cone-shaped spiral ends. The total territory of the corpus includes Tuva, Upper and Tomsk Ob' region, Baraba, Middle Irtysh region, Eastern, Central, Northern and Southern Kazakhstan, forest-steppe Tobol region and Central Asia. The morphological prototypes of Andronovo bracelets with flat spirals from Seymino-Turbino cultural and chronological layer were determined. Besides, examples of Late Bronze derivative forms with parametric attributes of such adornments are given. The bracelets of intermediary forms combining attributes of earlier time and Andronovo objects are described as well. The main specific characteristic of such bracelets is the spiral bigness losing its flat form but without cone-shaped parameters yet. The proposed absolute chronology of the adornments is based on C14 dating of the complexes of the same culture taking into account the objects location and morphology.

Keywords: Andronovo culture, bracelets with cone-shaped spirals, prototypes, typology, chronology.

В.А. Подобед, А.Н. Усачук, В.В. Цимиданов

Донецкий областной краеведческий музей, Донецк, Украина

ТАРАННЫЕ КОСТИ КРУПНОГО РОГАТОГО СКОТА В КУЛЬТУРАХ ЭПОХИ БРОНЗЫ СТЕПНОЙ И ЛЕСОСТЕПНОЙ ЕВРАЗИИ

Авторы статьи рассматривают бытование астрагалов крупного рогатого скота в культурах эпохи бронзы степной и лесостепной Евразии (синташтинской, петровской, алакульской, срубной и др.). Анализ собранных данных свидетельствует о том, что эти астрагалы, с одной стороны, служили сырьем для изготовления утилитарных изделий, главным образом орудий, а с другой – являлись атрибутами различных обрядов. В частности, рассматриваемые кости помещали в могилы в качестве погребального инвентаря (преимущественно в захоронения лиц 6–12 лет и женщин). Их также клали на перекрытия могил, близ могильных ям, в ровики, т.е. на границы, отделявшие живых от мертвых. В ходе поселенческих обрядов астрагалы крупного рогатого скота оставляли на границах жилищ (близ стен, углов, входов), а также в ямах и колодцах, которые, очевидно, считались каналами связи с потусторонним миром. По мнению авторов, астрагалы крупного рогатого скота в культурах эпохи бронзы были полисемантическими – в зависимости от характера обряда их знаковая нагрузка являлась разной. В частности, эти предметы могли использоваться для открытия канала связи с иным миром или его блокирования, выступать в качестве символов животных.

Ключевые слова: астрагалы крупного рогатого скота, эпоха бронзы, Евразия, обряды.

DOI: 10.14258/tpai(2014)2(10).-03

Для археологов... кардинально важно понимать, что в их руках находятся источники, содержащие необыкновенные информационные возможности. Для этого необходимо выйти за пределы обветшалых установок типа «вещи говорят сами». Ни о чем они не говорят, пока мы их не способны расспросить.

*Е.В. Антонова**

Одной из категорий артефактов, с которыми сталкиваются исследователи культур эпохи бронзы степной и лесостепной Евразии, являются таранные кости животных, обычно именуемые в литературе астрагалами**. Поскольку эти кости встречаются в погребениях, а на поселениях порой образуют компактные группы, внимание на них было обращено уже давно. Так, О.А. Кривцова-Гракова [1948, с. 72, 125] сочла скопления «овечьих» астрагалов, обнаруженные на Алексеевском поселении (Казахстан), наборами для игр. В 1950–1960-е гг. аналогичным образом трактовали астрагалы мел-

* См.: [Антонова, 2013, с. 48].

** Реже встречаются термины «альчики», «лодыжки», «козны», «сачки», «костыги» и «бабки» (ср.: [Литвиненко, 2005, с. 74]). Последний наименее удачен, ибо бабками в литературе называют не только таранные кости различных животных [Панковский, 2013, с. 454, прим. 3], но и путовые кости лошади (см., например: [Лопатин, 2010, с. 130 и др.]). Поэтому если автор публикации пишет о «бабках» без каких-либо уточнений, зачастую не ясно, что на самом деле имеется в виду. В предлагаемой работе мы будем использовать в качестве синонима словосочетанию «таранная кость» термин «астрагал», что, строго говоря, тоже не вполне корректно, потому что у древних греков, от которых данный термин пришел к нам, он являлся многозначным (в частности, астрагалами именовали позвонки животных) [Юдин, 2009, с. 146].

ких копытных (далее – МК)* из погребальных и поселенческих комплексов различных культур эпохи бронзы и некоторые другие авторы (см., например: [Мерперт, 1954, с. 113; Смирнов, 1959, с. 222; Черников, 1960, с. 29; Сальников, 1967, с. 165]). В последующие десятилетия интерес к этим артефактам нарастал, итогом чего, в частности, стало появление серии обобщающих работ, где анализируются бабинские [Литвиненко, 2005] и срубные погребения с таранными костями МК [Ковалева, 1990; Цимиданов, Чаур, 1997; Цимиданов, 2001; Юдин, 2009]. Привлекали внимание и астрагалы МК культур бронзового века Азии – окуневской [Вадецкая, 2012, с. 216–217], синташтинской [Марков, 2002; Нуралимова, 2008, с. 138–139], «синташтинско-петровского периода» [Ворошилова, 2008], алакульской [Усманова, 1992, с. 100], сумбарской [Хлопин, 1983, с. 29], «бегазы-саргаринской» [Горячев, 2013, с. 358, 359], карасукской [Савинов, 1996, с. 27], маргианской [Сатаев, 2008а, с. 158–160; 2009]. Интересное исследование посвящено интерпретации астрагалов из детских погребений ряда культур, в том числе синташтинской, петровской и алакульской [Сотникова, 2014].

Итак, об использовании населением эпохи бронзы таранных костей МК написано уже немало. А вот астрагалы крупного рогатого скота (далее – КРС) вызывали значительно меньший интерес. Это обусловлено тем, что они нечасто обнаруживаются в явных обрядовых контекстах. Отсюда их трактовали в основном как чисто профанные предметы. Так, С.С. Черников [1960, с. 29] допустил, что комплекс из 20 астрагалов КРС, обнаруженный на Алексеевском поселении, являлся, как и выявленные там же скопления «овечьих» астрагалов, набором для игры. К.В. Сальников [1967, с. 165] интерпретировал таким же образом «грудки» астрагалов коровы из комплексов бронзового века Южного Урала. В работе Э.Р. Усмановой, В.К. Мерца и А.В. Колбина [2006, с. 73] астрагалы КРС, присутствовавшие в одном из захоронений алакульской культуры, также были трактованы как игральные кости. С.В. Сотникова [2014, с. 31–32] допустила, что таранные кости КРС, локализовавшиеся вместе с астрагалами других животных, являлись битами**. На наш взгляд, астрагалы КРС в ряде культур бронзового века использовались не только (а, скорее всего, не столько) для игр. Это мы намерены продемонстрировать в предлагаемой работе.

Таранные кости КРС, пусть и нечасто, но встречаются в культовых комплексах различных культур Азии***. Так, при раскопках грунтового могильника *елунинской культуры Телеутский Взвоз-1* (Алтайский край, Россия) был обнаружен жертвенный комплекс (объект №13), представлявший собой вытянутую по линии запад – восток

* Термин «астрагалы мелких копытных» более обтекаем, чем расхожий в литературе термин «астрагалы мелкого рогатого скота» (далее – МРС). Дело в том, что носители ряда рассматриваемых культур использовали в обрядовой практике и таранные кости свиньи, дикого кабана, косули, сайгака. Например, в захоронениях срубной культуры Самарского Поволжья частота встречаемости таранных костей свиньи практически не уступает показателю по МРС [Рослякова, 2014а, с. 15]. Но отличить астрагалы свиньи, косули, сайгака или дикого кабана от астрагалов овцы или козы неспециалисту затруднительно. Следовательно, если в публикации или отчете пишется об астрагалах мелкого рогатого скота без уточнения, произвел ли это определение археозоолог, следует делать поправку на то, что данные предметы могут являться и таранными костями других копытных.

** Уточним, что, по мнению автора, гипотетические игры, в которых применялись данные «биты», могли иметь ритуальную окраску [Сотникова, 2014, с. 32].

*** Выше упоминалось об использовании астрагалов МК древним населением Маргианы. Обратим внимание на то, что население Гонур Депе изредка применяло в погребальных и иных обрядах и таранные кости КРС [Сатаев, 2008а, с. 145, 157; 2008б, с. 142].

овальную яму размерами 3,6х3,3 м. В ее заполнении выявлены черепа и нижние челюсти КРС, черепа четырех баранов и другие кости. Вероятно, все они первоначально размещались на перекрытии ямы, а затем, после его разрушения, провалились вниз. В центральной части дна рассматриваемой ямы находилась подпрямоугольная яма меньших размеров (1,3х0,8 м). Там найдены череп КРС и лежавший под ним астрагал КРС [Грушин, 2007, с. 79–80]. Добавим, что астрагал КРС (правый) был обнаружен и во рву №3 данного памятника [Грушин, 2007, с. 79]. Однако во рву присутствовали и другие кости правой конечности КРС. Отсюда нельзя быть уверенным в том, что интересующий нас артефакт попал в ров как самостоятельный предмет – он мог оказаться там будучи частью конечности жертвенного животного.

На поселении *уральской абашевской культуры Мало-Кизильское* (Челябинская обл., Россия) в придонном золистом слое рва* обнаружены разрушенные вдоль астрагалы КРС**. Другие остеологические остатки, находившиеся во рву, также были намеренно измельчены [Сальников, 1952, с. 53]. Отмеченное состояние костей служит аргументом в пользу того, что они, прежде чем оказаться во рву, использовались в ходе обрядовых манипуляций***. Да и другие артефакты, приуроченные к данному объекту, фиксируют его связь с обрядовой практикой. Так, при исследовании рва были выявлены, помимо иных находок, комков охры диаметром около 20 см, костяк теленка без черепа и множество украшений (пронизей, бляшек, обоймочек). Добавим, что к югу от рва находилось еще одно захоронение теленка [Сальников, 1952, с. 52–53].

В погребении *синташтинской культуры* из **Солнца-II**, 11/1 (Челябинская обл., Россия) выявлено «...скопление астрагалов и плюсневых костей крупного рогатого скота и лошади (?)». Оно размещалось в южном углу могильной ямы – рядом со скоплением костей, включавшим два черепа КРС, один череп МРС, серию челюстей животных, хвостовой позвонок и кости крыла гуся****. Все эти артефакты находились выше дна могилы, т.е., вероятно, первоначально лежали на перекрытии. Погребение было «ограблено»***** вскоре после его совершения. Кости умершего (взрослого), относящиеся в основном к нижней части скелета, лежали кучей посередине ямы. Из инвентаря уцелели только сосуд, два бронзовых крючка и костяной предмет вычурной формы***** [Епимахов, 1996, с. 32–33; рис. 10–II]. Применительно к данному погребению заострим внимание на том, что в тазовой конечности КРС между таранной костью и плюсневыми костями находятся кости заплюсны (см., например: [Попеско, 1978, рис. 30]), но они в погребении отсутствовали. Таким образом, в обряде использовались астрагалы, вычлененные из конечностей. Добавим, что в западном углу могилы размещалось скопление «альчиков» [Епимахов, 1996, с. 33], но вид животного в публикации не уточняется.

* Подчеркнем, что ров, судя по его параметрам, не являлся оборонительным (см.: [Сальников, 1952, с. 52]).

** Из текста публикации не ясно, сколько астрагалов КРС было обнаружено во рву, и все ли они подверглись разрушению.

*** Об измельчении костей животных с обрядовой целью см.: [Антипина, 2004, с. 194–195, 210; 2011, с. 178; Усачук, 2012а, с. 232].

**** Судя по расположению последних, в погребальном обряде было использовано целое крыло птицы.

***** Подверглось ритуальному разрушению?

***** По автору публикации, «окончание кибити сложного лука».

В погребении синташтинской культуры могильника **Большекараганский**, 25/16 (Челябинская обл., Россия) четыре астрагала КРС находились в компактном скоплении таранных костей различных животных, клыка кабана, резцов бобра, костяных предметов за спиной погребенного [Зданович, 2002, с. 64, 67; Панковський, 2012, с. 86]. Реконструируется довольно сложное погребальное сооружение [Зданович, 2002, с. 67], куда «на травяную подстилку и шкуру поместили тело ребенка (девочки?) 7–7,5 лет. ... под головой находилась подушка из травы. Под руки погребенного положили медный нож с деревянной рукоятью. За спиной разместили мешочек с набором астрагалов, зубами животных, изделием из рога (?) и костяным диском, хотя диск мог лежать и поверх мешочка. В СВ углу ямы разместили сосуд. Возможно, южная часть ямы также была занята инвентарем (одеждой?, шкурами?) ...» [Зданович, 2002, с. 68].

В погребении синташтинской культуры могильника **Кривое Озеро**, 9/7 (Челябинская обл., Россия) астрагал КРС находился в верхней части заполнения могильной ямы. В заполнении (отдельно от интересующего нас артефакта) выявлены и другие кости животных – обломок длинной кости МРС, два черепа и сочлененные кости восьми конечностей МРС, один череп и кости конечностей КРС. Очевидно, перечисленные артефакты первоначально размещались на перекрытии погребения. В могиле была похоронена девочка 9–10 лет, страдавшая при жизни двусторонним мастоидитом и артрозом, вызвавшим разрушение и деформацию костной ткани черепа*. Погребальный инвентарь состоял из сосуда, двух астрагалов МРС, бронзового шила, бусин из бронзы и фаянса и семи подвесок из зубов *Canis*** . На дне ямы находились также кости МРС, в том числе череп [Виноградов, 2003, с. 100, 102, 105].

Наконец, в синташтинском погребении из **Каменного Амбара-5**, 2/5 (Челябинская обл., Россия) в южном углу ямы выявлено компактное скопление из 147 астрагалов, в том числе 111 – овцы, 27 – сайги, 6 – козули, 1 – кабана и 2 – КРС. В «ограбленной» могиле находились останки восьми умерших с возрастом от примерно 1 года до 17–22 лет и разнообразный инвентарь. Стоит подчеркнуть, что упомянутое скопление размещалось особняком и не тяготело ни к одному из усопших [Епимахов, 2005, с. 20–28].

Отметим, что нами учтено 248 погребений синташтинской культуры, но только лишь в четырех описанных выше случаях можно уверенно констатировать использование в обряде астрагалов КРС***. Таранные кости МК, напротив, часто попадали в синташтинские захоронения, на что уже обращал внимание В.В. Ткачев [2007, с. 202]. Так, в могильниках Синташты они в качестве инвентаря присутствовали, как минимум, в 14 погребениях из 67 [Генинг и др., 1992, с. 112–340], что составляет почти пятую часть исследованных захоронений.

На укрепленном поселении синташтинской культуры **Аркаим** (Челябинская обл., Россия) астрагалы КРС входили в состав ряда скоплений костей животных. При этом в двух случаях, исходя из отсутствия в скоплениях костей, которые примыкают в ко-

* См.: [Рыкушина, 2003, с. 350].

** Основная масса бусин является остатками наборных ручных и ножных браслетов, остальные, как и часть зубов *Canis*, вероятно, входили в состав украшений кос.

*** Астрагалы КРС выявлены и в ряде других захоронений синташтинской культуры (см., например: [Генинг и др., 1992, с. 236, 303; Косинцев, 2003, с. 335, 337, 338]), но применительно к данным захоронениям нельзя быть уверенным, что таранные кости не попали в комплексы как части конечностей жертвенных животных.

нечности к таранной, можно утверждать, что астрагал попал в комплекс как самостоятельный предмет. Одно такое скопление локализовалось в углу жилища 1–11 (раскоп 5). Там фрагмент таранной кости коррелировался с другими костями КРС – целым черепом, тремя зубами, двумя фрагментами ребер и одним фрагментом пясти. В скоплении находились также кости овцы (один фрагмент плюсны), козы (один фрагмент мозгового отдела черепа) и лошади (четыре зуба и один фрагмент берцовой кости) [Косинцев, 2000, с. 25]. Присутствие в скоплении целого черепа КРС делает трактовку комплекса как культового вполне вероятной*.

Во внешнем (оборонительном) рву, проходившем за жилищами 2–12 и 2–13 (раскоп 19), в скоплении находились один астрагал, один фрагмент лицевой части черепа, восемь половинок нижних челюстей (в том числе шесть парных), четыре зуба, один атлант, один фрагмент берцовой кости, один фрагмент пястной кости, два фрагмента плюсны, одна I фаланга, одна II фаланга и одно копыто КРС (кости, вероятно, от пяти особей). Здесь присутствовали также один фрагмент лопатки овцы, один фрагмент верхней челюсти, два фрагмента нижней челюсти, один фрагмент берцовой кости МРС (кости, вероятно, от двух особей) и один фрагмент таза лошади [Косинцев, 2000, с. 26]. В данном случае рассматривать комплекс как культовый позволяет присутствие серии челюстей животных. Последние часто использовались в качестве обрядовых атрибутов (см., например: [Горбов, Мимоход, 1999, с. 44; Косинцев, 2000, с. 28; Подобед и др., 2011, с. 110–111]). Отметим, что нами были учтены 42 поселенческих культовых комплекса синташтинской культуры. Два описанных выше «текста» составляют в этом массиве 4,8%. Соответствующий показатель по погребениям – 1,6%. Таким образом, носители синташтинской культуры использовали астрагалы КРС в поселенческой обрядности значительно чаще, чем в погребальной.

В захоронении 35 могильника **Бестамак** (Костанайская обл., Казахстан), относящемся к «синташтинско-петровскому кругу памятников», у черепа женщины 25–30 лет лежало изделие из астрагала КРС. Артефакт представлял собой половинку таранной кости, расколотой по длинной оси. В корпусе предмета имелось отверстие [Калиева, Логвин, 2008, рис. 8.-9]. Рядом с поделкой находились кости крыла утки, бронзовая «проколка» и остатки деревянного изделия (сохранились древесный тлен и две бронзовые скрепки). Захоронение подчеркнуто неординарно. Об этом свидетельствуют большие размеры могильной ямы (3,4x1,9 м), остатки обильных жертвоприношений животных в ее заполнении (в том числе два костяка лошадей, череп и конечности овцы, другие кости четырех овец и одного ягненка) и разнообразие погребального инвентаря (помимо упомянутых выше артефактов, в могиле выявлены пять керамических сосудов, пастовые и каменные бусы, бронзовые браслет, серп, две стамески (с роговой и деревянной рукоятями), два ножа, «штыковидное орудие», шило с деревянной рукоятью, «шплинт», игла, два каменных наконечника стрел, шлифовальный камень, костяные пряслице и проколка, другие изделия) [Калиева, Логвин, 2008, с. 38–43].

Три погребения с таранными костями КРС известны нам в *петровской культуре*. Одно из них выявлено в раскопе VI поселения **Убаган I** (Курганская обл., Россия). В могиле, где были погребены взрослый, подросток 6–9 лет и ребенок 4–6 лет, нахо-

* Об использовании голов животных в ходе жертвоприношений см., например: [Кривцова-Гракова, 1948, с. 96; Шарафутдинова, 1980, с. 44; Горбов, Мимоход, 1999, с. 44; Косинцев, 2000, с. 28; Сотникова, 2008, с. 310–313].

дился один астрагал КРС. Из публикации не ясно, кому из умерших он принадлежал. Стоит отметить, что в захоронении присутствовали и астрагалы МРС, но они лежали отдельно от интересующего нас артефакта. Другой инвентарь представлен бронзовым браслетом (был на руке взрослого). В могиле обнаружены также кости конечностей КРС, а за ее пределами – у восточной стенки – черепа и конечности четырех особей МРС. Над могильной ямой прослежены остатки кострища [Потемкина, 1985, с. 201–202].

В захоронении петровской культуры из **Кривого Озера**, 1/2 (Челябинская обл., Россия) у северной стенки находилась выкладка из таранных костей, среди которых были четыре астрагала КРС и 22 астрагала МРС. Погребение оказалось разрушенным. Судя по уцелевшим костям, в могиле были погребены взрослый, подросток и ребенок. К кому из них тяготело скопление таранных костей, установить невозможно. Помимо упомянутых астрагалов, в яме выявлены семь сосудов разной степени сохранности, бронзовое тесло, два наконечника стрел (из кости и кремневого сланца, роговые псалии и уздечная бляха, 39 астрагалов МРС [Виноградов, 2003, с. 39–40, 44].

В петровском захоронении из **Восточно-Курайли I**, 10/4 (Актюбинская обл., Казахстан) у кистей рук подростка* размещались «альчики овцы и коровы» (число их не указано). Другой инвентарь – два сосуда и пастовые бусы. В ногах умершего располагался костяк барана [Ткачев, 2005, с. 45].

Три погребения с таранными костями КРС мы знаем в *алакульской культуре*. При этом в захоронении из **Кулевчи VI**, 5/3 (Челябинская обл., Россия) 38 «астрагалов КРС и лошади» обнаружены в засыпке ямы у юго-восточной стенки – по всей глубине вплоть до дна. В могиле были погребены трое умерших: шести, шести и семи лет. Погребальный инвентарь представлен сосудами, разнообразными и многочисленными украшениями, в том числе фрагментами сложного головного убранства, амулетом из клыка *Canis*, астрагалами МРС. На дне ямы лежали также остатки напутственной пищи – кость конечности и ребро [Виноградов, 2000, с. 27–29].

Второе погребение алакульской культуры выявлено в кургане №9 могильника **Купухга** (Оренбургская обл., Россия). Там в могиле подростка присутствовали более 100 таранных костей коровы и овцы [Кузьмина, 1963, с. 103].

Третий алакульский комплекс был обнаружен при исследовании ограда №8 могильника **Лисаковский IV** (Костанайская обл., Казахстан). В ограде находились несколько захоронений. Из них шесть демонстрировали следы проникновений, совершившихся, вероятно, в древности и преследовавших, скорее всего, ритуальные цели. В погребении 3, оставшемся нетронутым, выявлены два черепа детей (возраст – 4–5 лет). Кости посткраниальных скелетов отсутствовали. Как полагают авторы, «головы перед помещением их в могилу были отделены от тел умерших». Кроме того, были разрушены верхняя и нижняя челюсти одного из покойников, а извлеченные из них зубы положены близ останков головы в три ряда. Там, где должны были располагаться кости ног погребенных, лежала кость передней ноги барана. В юго-западном углу могильной ямы (близ черепов и трех сосудов) выявлены «девять коровьих таранных костей со следами обработки, явно предназначенные для игры» [Усманова, Мерц, Колбина, 2006, с. 73]. Авторы отмечают: «Наличие игральные кости указывает на то, что

* В публикации возраст умершего не уточняется. То, что он являлся подростком, можно допустить с учетом параметров костяка.

погребение, вероятно, принадлежало мальчикам, находившимся, исходя из одинакового возраста... и захоронения в одной могиле, в родственных отношениях. Возможно, они были братьями-близнецами» [Усманова, Мерц, Колбина, 2006, с. 75].

В *саргаринско-алексеевской культуре* обрядовые «тексты», включавшие таранные кости КРС, известны нам только на поселениях. В частности, на поселении **Алексеевское** (Костанайская обл., Казахстан) близ юго-восточного угла землянки 1 (снаружи) находилась компактная куча из 20 астрагалов КРС [Кривцова-Гракова, 1948, с. 125; табл. III].

На поселении этой же культуры **Садчиковка** (Костанайская обл., Казахстан) в заполнении землянки 3 (близ юго-западной стенки) размещались костяные наконечник дротика, проколка и расколота «бабка» КРС со сверлиной [Кривцова-Гракова, 1951, с. 177; рис. 2].

На поселении финальной бронзы **Кузьминки II** (Оренбургская обл., Россия) в юго-западной части котлована постройки была выявлена яма 4, где находился костяк человека, сильно скорченного на правом боку и ориентированного на северо-запад. На черепе имелись следы древнего пролома. За спиной погребенного* лежали «альчики» КРС (число их не указано). Рядом с костяком локализовались также кости животных, а в заполнении – угли, комки обожженной глины и куски мела. Авторы публикации считают, что захоронение можно трактовать как жертвоприношение [Моргунова и др., 2001, с. 102–103].

Весьма репрезентативны материалы, которые нам удалось собрать по *срубной культуре*. Следует отметить, что астрагалы КРС, выявленные в погребениях и на поселениях этой культуры, уже привлекали внимание некоторых исследователей (см., например: [Горбов, Мимоход, 1999, с. 27, 29, 31; Крамарев, Кузьмина, 1999, с. 85–86; Изотова, 2000, с. 121; Цимиданов, 2008, с. 69; Антипина, 2011а, с. 195–196; 2011б, с. 230; Усачук, 2011, с. 208–209; 2012, с. 232; Горбов, Усачук, 2011, с. 55–56; Рослякова, 2011, с. 271; Рослякова, Косинцев, 2012, с. 356, 358, табл. 9, 11; 2013, с. 211 и след.]). Однако знаковая нагрузка рассматриваемых предметов почти не изучалась. Для того чтобы продвинуться в ее понимании, мы обработали серию комплексов срубной культуры, содержащих интересующие нас артефакты. Данные комплексы уместно разбить на три блока:

I. Погребения, где астрагалы КРС были помещены на дне могильных ям, т.е. являлись погребальным инвентарем. Таких комплексов учтено 28 (см. приложение).

II. Астрагалы КРС, положенными вне могильных ям (учтено пять).

III. Поселенческие комплексы (их нам известно шесть).

Комплексы I блока

Данные комплексы составляют лишь 0,31% в массиве из учтенных нами 8488 захоронений срубной общности. При этом частота встречаемости погребальных комплексов данного блока на восточной территории общности (Южный Урал, Среднее и Нижнее Поволжье) значительно выше, чем на западной (Подонье, Предкавказье, Подонцовье, Приазовье, Крым, юг Среднего Поднепровья и Нижнее Поднепровье) – 0,55% против 0,15%. Самый высокий показатель дает север Нижнего Поволжья (в пределах Саратовской обл., Россия) – 1,17%.

* Судя по параметрам костяка, он являлся подростком.

Из учтенных нами 20 захоронений **восточной территории**, где астрагалы КРС выступали в качестве погребального инвентаря, одно оказалось разрушенным, а потому возраст умершего не устанавливается. По остальным комплексам он известен в тех или иных пределах. Двое погребенных являлись взрослыми (женщины, в том числе молодая), что составляет 10,5% от 19 захоронений с определенным возрастом. Остальные (89,5%) были детьми и подростками. Среди них – лица 2,5–3, 5–6, 6–7 (три случая), 7–8, 8, 7–10 (2), 8–10, 10–12 и 12 лет. Возраст четырех умерших обозначен термином «ребенок», а одного – «подросток». Итак, на восточной территории с астрагалами КРС погребали по большей части тех, кто умер в возрастном интервале 6–12 лет.

В погребениях восточной территории встречено разное число астрагалов КРС – от 1 до 24. Стоит обратить внимание на то, что в 14 погребениях астрагалы КРС входили в состав одного «текста» с астрагалами других животных (ниже – погребения группы А). В частности, «текст» «астрагалы КРС + астрагалы МРС» зафиксирован в шести случаях, «текст» «астрагалы КРС + астрагалы МРС + астрагалы свиньи» – в трех. По одному разу встречены «тексты» «астрагал КРС + астрагалы овцы + астрагалы козы», «астрагалы КРС + астрагалы свиньи», «астрагалы КРС + астрагал овцы + астрагал козы + астрагал свиньи», «астрагал КРС + астрагал козы + астрагал МРС + астрагалы свиньи» и «астрагалы КРС + астрагалы МРС + астрагалы свиньи + астрагалы лошади». Таким образом, «связку» «астрагалы КРС + астрагалы МРС» демонстрировали 11 «текстов», «связку» «астрагалы КРС + астрагалы свиньи» – семь, а «связку» «астрагалы КРС + астрагалы лошади» – лишь один. Отсюда видно, что различные в видовом плане сочетания таранных костей имели разную степень «популярности», что, очевидно, было предопределено величиной их семиотического статуса.

В шести захоронениях восточной территории астрагалы КРС выступали в качестве самостоятельных знаков – они не были дополнены астрагалами других животных (ниже – группа Б).

Вопрос о том, что различало умерших из групп А и Б, пока труден в решении, ибо сводка анализируемых погребений недостаточно репрезентативна. Тем не менее некоторые наблюдения сделать все-таки можно:

1) погребения взрослых присутствуют только в группе А. Вместе с тем в этой группе есть и погребения детей и подростков, в том числе 2,5–3, 5–6, 7–10 и 12 лет. Из этого вытекает, что попадание в могилу набора, включавшего астрагалы животных разных видов, не предопределялось возрастом умершего;

2) в 50% погребений группы Б находились украшения – височные подвески, бусы (Неприк, 2/2; Максютново, 3/7; Южный, 11/1). В группе А погребений с височными подвесками и бусами нет вообще. В одном захоронении (Владимировка-I, 2/1), правда, обнаружены остатки браслета, но это погребение являлось разрушенным и к тому же – коллективным, а потому не ясно, тяготели ли астрагалы именно к тому покойнику, который был погребен с браслетом. Но даже если это и так, можно отметить, что в погребениях группы А украшения встречаются намного реже, чем в группе Б;

3) только в захоронениях группы А встречены сосуды с иррегулярным орнаментом (Съезжее-II, п. 32; Владимировка-I, 2/3);

4) только в группе А присутствуют захоронения, сопровождавшиеся жертвоприношениями животных (Владимировка-I, 2/1; Новая Михайловка-IV, 5/6; Максютново, 3/3).

На **западной территории** учтены восемь погребений с астрагалами КРС. Возраст одного из умерших не известен. Из остальных семи двое (28,6%) были взрослыми (при этом в одном случае пол определен как женский со знаком вопроса). Пять умерших являлись детьми или подростками (в том числе 7–14 и 16–18 лет). Таким образом, на западной территории астрагалы попадали в захоронения взрослых значительно чаще, чем на восточной. Тем не менее и на западной территории они более коррелировались с детьми и подростками, чем со взрослыми. Вдобавок очень осторожно можно допустить, что в тех случаях, когда рассматриваемые предметы клались в могилы взрослых, последние являлись женщинами.

Число астрагалов КРС в погребениях различно – от 1 до 37. Пять погребений относятся к группе Б, а три – к группе А. Последние демонстрировали «тексты» «астрагалы КРС + астрагалы МРС» (два случая) и «астрагалы КРС + астрагалы МК + I фаланги лошади». Как можно заметить, на западной территории в массиве захоронений с астрагалами КРС удельный вес комплексов группы Б значительно выше, чем на восточной – 62,5% против 30,0%. Сравнить захоронения двух отмеченных групп западной территории между собой пока не имеет смысла из-за незначительного объема выборки. Отметим лишь то, что самое неординарное по трудовым затратам погребение из учтенных нами на западной территории (Новониколаевка-I, 1/5)* относится к группе А.

Комплексы II блока

В кургане 1 из **Березового Гая VI** (Самарская обл., Россия) правый астрагал КРС находился в насыпи, не тяготея при этом ни к одному из погребений [Рослякова, 2014б, с. 32]. Более интересная ситуация была зафиксирована в кургане №2 из **Бобровки-VI** (Самарская обл., Россия). Там астрагал КРС (также правый) выявлен в южном секторе рва [Рослякова, 2014б, с. 33].

Еще три учтенных комплекса выявлены в Приазовье. В частности, в кургане №1, исследованном близ **Широкой Балки** (Донецкая обл., Украина), к югу от погребений 2 и 7 (в 0,47 и 0,45 м соответственно) размещалось по одному астрагалу КРС. Добавим, что эти астрагалы являлись левыми и демонстрировали заполированность отдельных участков гребней. В могилах погребены дети 3–5 лет (1/2) и 2–4 лет (1/7). Оба захоронения ординарны. Погребальный инвентарь представлен сосудами (по одному в каждом) [Горбов, Усачук, 2011, с. 48, 49–50]. Третье захоронение, напротив, подчеркнуто неординарно. Это – п. 7 к. 3 могильника **Новоукраинка** (Запорожская обл., Украина). Оно было совершено между двумя ранними курганами и сопровождалось досыпкой, соединявшей данные курганы**. С погребением были связаны кострище, локализовавшееся на краю выкида, и обожженная жертвенная площадка размерами 7,0x4,8 м, в центре которой лежали лопатка животного и один астрагал КРС. Умерший являлся взрослым. В могиле, помимо глиняного сосуда, находились бронзовая пластинка и остатки деревянной чаши с бронзовыми накладками [Антонов, Отрошенко, 2004, с. 21, 23–24]. Стоит отметить, что подобные чаши в срубной культуре являлась маркером статуса служителя культа [Цимиданов, 2004б, с. 75–76].

* Повышенные трудовые затраты в данном случае проявились в рытье большой могильной ямы (площадь – 2,4 кв. м), сооружении сруба, возведении над могилой досыпки.

** Такие соединительные досыпки на западной территории срубной общности маркировали лиц высшего ранга [Цимиданов, 2004б, с. 40, 69]. О семантике данных досыпок см.: [Цимиданов, 2004а].

Приведенная информация о комплексах II блока позволяет сделать два наблюдения:

- 1) в такие комплексы попадало по одному астрагалу;
- 2) в ходе обрядов, приводивших к образованию данных комплексов, вероятно, какую-то роль играло южное направление.

Комплексы III блока

На поселении **Олаир** (Башкортостан, Россия), относящемся к так называемым срубно-алакульским памятникам, в колодце 4 обнаружен астрагал КРС с отпиленной половиной (рис. 1.-8). Другие находки из колодца – фрагменты керамики, два фрагментированных глиняных пряслица, заготовка пряслица из стенки сосуда, обломок костяной рукояти и каменное орудие неясного назначения [Сунгатов, Бахшиев, 2008, с. 31, 55]. При интерпретации данного комплекса следует учесть, что колодцы у многих народов, в том числе и у носителей срубной культуры, считались сакральными объектами. В частности, они нередко рассматривались как входы в потусторонний мир [Подобед и др., 2014, с. 287]. То, что интересующий нас колодец являлся не только сугубо утилитарным сооружением, свидетельствует выявленный в нем на глубине 1,0–1,1 м слой прокала (общая глубина колодца – 1,6 м) [Сунгатов, Бахшиев, 2008, с. 31]. Очевидно, данный слой мог образоваться лишь тогда, когда колодец был частично заполнен грунтом. Но разжигание огня в полузасыпанном колодце едва ли можно рассматривать как профанное действие. Скорее всего, оно преследовало обрядовые цели. Отсюда правомерно допущение, что и предметы, находившиеся в заполнении колодца, попали туда в ходе обрядовых манипуляций.

Еще один астрагал КРС с данного памятника (рис. 1.-7) был выявлен в квадрате E-18 [Сунгатов, Бахшиев, 2008, с. 56; рис. 69.-15], через который проходила стенка постройки [Сунгатов, Бахшиев, 2008, рис. 5]. И хотя не вполне ясно, размещался ли артефакт в постройке или рядом с ней, факт его тяготения к стене представляется нам заслуживающим внимания. Вспомним, что стены жилищ имели повышенный семиотический статус, поскольку являлись границей, отделявшей «свое», «безопасное», «освоенное», «чистое» пространство от внешнего мира, считавшегося «чужим», «опасным», «неосвоенным», «нечистым» [Булава, 2005, с. 95]. В определенных ситуациях внешний мир рассматривался как мир мертвых [Байбурин, 1983, с. 138]. Соответственно, предметы, обнаруженные на границах жилищ, скорее всего, были помещены туда намеренно. В случае с астрагалом из Олаира важным моментом является наличие на данном артефакте орнамента. Эта деталь свидетельствует о высокой знаковой нагрузке кости.

Серия астрагалов КРС находилась в «ритуальном комплексе» (термин автора публикации), выявленном на поселении **Макаровская Речка** (Саратовская обл., Россия). Объект представлял собой яму размерами 1,87x1,16 м (по верхнему краю) и глубиной 0,6 м, локализовавшуюся в центральной части котлована постройки и ориентированную по линии ССВ–ЮЮЗ. Некоторые из астрагалов КРС обнаружены в заполнении ямы (наряду с астрагалами барана, скребками из стенок сосудов, каменным орудием неясного назначения, фрагментами керамики и костями животных). Другие размещались на дне, занимая следующие позиции:

- а) в северной части ямы (3 экз.) между двумя скоплениями золы, одно из которых содержало частички коричневой охры, угольки и кальцинированные косточки; близ астрагалов лежали фрагмент сосуда и обломок кости животного;

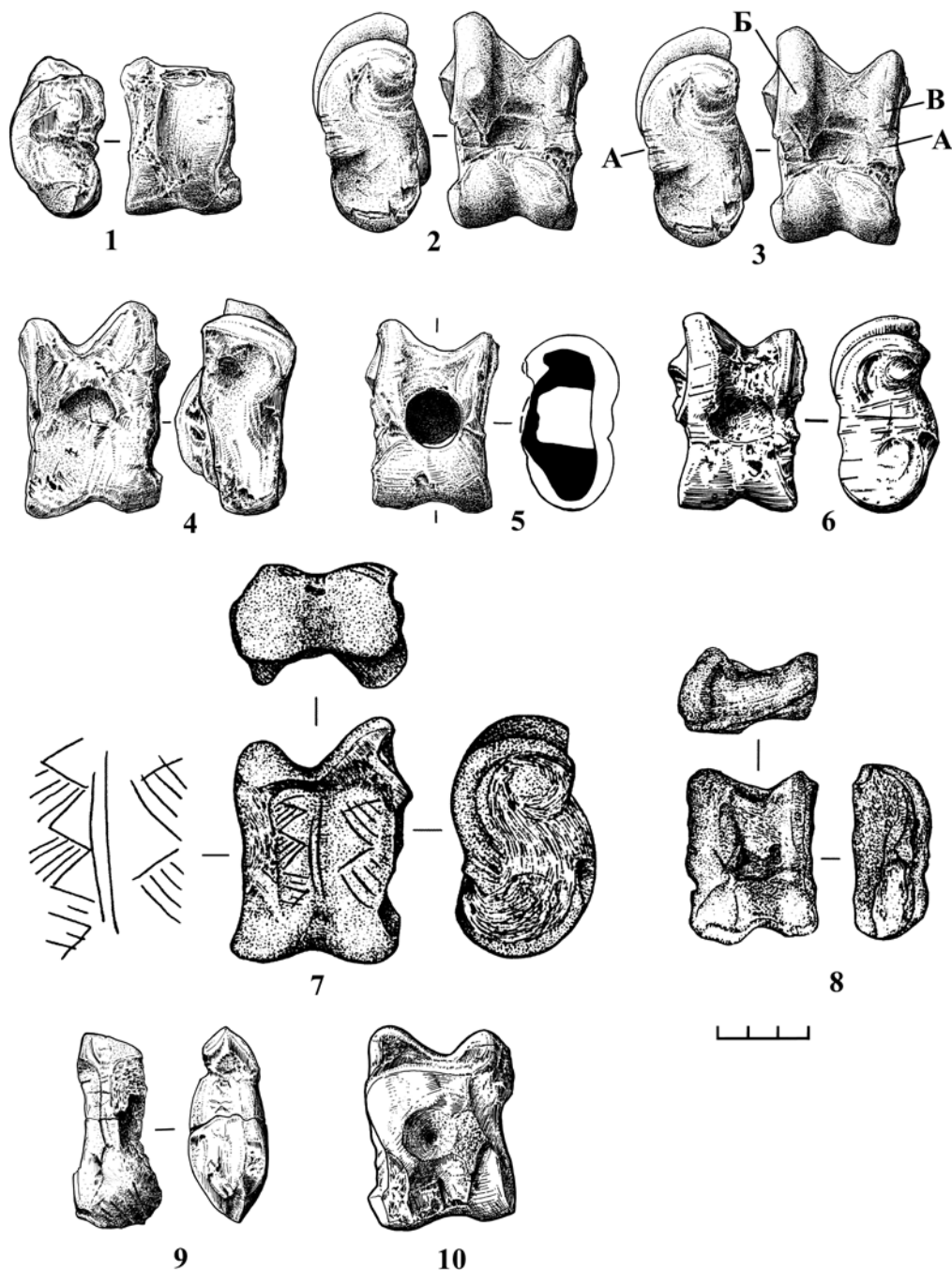

Рис. 1. Астралаги (таранные кости) КРС: 1–5 – пос. Безыменное-II (3 – схема расположения следов резки и шлифованных участков на астралаге); 6 – пос. Староласпинское; 7, 8 – пос. Олаир (по: [Сунгатов, Бахшиев, 2008]); 9 – пос. Раздолье-1 (по: [Усачук, 2011]); 10 – Суботовское городище

б) в северо-западном углу;
в) в центральной части; рядом выявлены кусочек желтой охры и остатки светло-зеленого глина.

Добавим, что на дне ямы – ближе к северо-восточному углу – лежали астрагал барана и тупик из челюсти КРС, у северной стенки – кусочки красной и желтой охры, у восточной стенки – астрагал барана, у западной стенки – астрагал барана, фрагмент сосуда и кость животного [Изотова, 2000, с. 121; 2006, с. 159–160].

На поселении **Ляпичев Хутор** (Волгоградская обл., Россия) в яме 14, находившейся в землянке 3, были обнаружены пять таранных костей КРС. На двух из них видны следы резки, оставленные острым металлическим лезвием [Усачук, 2012а, с. 232]*. Вероятно, таранные кости из ямы 14 были целенаправленно расколоты, поскольку в коллекции они представлены склеенными экземплярами. В этом же жилище на полу размещались, как отметил М.П. Грязнов в полевом дневнике, «кучки расколотых астрагалов быка» [Горбов, Усачук, 2011, с. 56]. Сколько выявлено таких кучек, в дневнике не уточняется. Но то, что они связаны с обрядовой практикой, едва ли может вызывать сомнения.

На поселении **Халаджи Бахчи** (Донецкая обл., Украина) во входе в постройку (справа) выявлена компактная кучка из 13 астрагалов КРС, которые были, вероятно, помещены в небольшую ямку [Привалов и др., 2001].

Отметим, что нами учтен 491 поселенческий культовый комплекс срубной культуры. В этом массиве перечисленные выше комплексы III блока составляют только 1,22%** . Для сравнения: соответствующий показатель по астрагалам МК – 3,05%.

Стоит сказать и об астрагалах КРС, обнаруженных на срубных поселениях вне явных культовых комплексов, а именно о тех из них, которые демонстрируют следы различных манипуляций, производившихся с данными костями. В частности, большая серия отмеченных артефактов была выявлена при раскопках поселения **Безыменное-II** (Донецкая обл., Украина). Среди этих предметов, в зависимости от характера имеющихся на них антропогенных следов и сочетаний разных следов, можно выделить следующие группы:

- 1) астрагалы со следами резки (вычленения из конечностей), производившейся металлическим лезвием (4 экз.);
- 2) астрагалы с залощенной поверхностью (4 экз.); в одном случае лощение выражено очень сильно;
- 3) астрагалы со следами резки и лощения (11 экз.); в трех случаях лощение было сильным;
- 4) астрагал (рис. 1.-2) со следами резки (рис. 1.-3А) и пришлифованными участками (рис. 1.-3Б, В) на краниальной стороне (1 экз.);
- 5) астрагалы со сточенными участками (3 экз.); возможно, они являлись заготовками для каких-то изделий (рис. 1.-1, 4);
- 6) астрагал – «упор» (1 экз.) (рис. 1.-5);

* Подобные следы свидетельствуют о целенаправленном вычленении астрагалов из конечностей животных [Антипина, 2004, с. 191; 2011, с. 195; Усачук, 2011, с. 209; Рослякова, 2014б, с. 72].

** При подсчетах из-за недостаточности информации по жилищу 3 поселения Ляпичев Хутор мы условно рассматривали кучки расколотых астрагалов, находившиеся на полу постройки, как один комплекс.

7) орудие из астрагала неясного функционального назначения (1 экз.)*.

Следы резки, свидетельствующие о вычленении таранных костей из конечностей, демонстрируют и пять астрагалов КРС с поселения **Староласпинское** (Донецкая обл., Украина). Данные следы при этом были многочисленны и находились на разных сторонах костей [Усачук, 2000, с. 107] (рис. 1.-6).

Подобные следы имеются также на двух таранных костях КРС (правой и левой), обнаруженных при раскопках поселения срубной культуры **Лесопитомник-4** (Тульская обл., Россия) [Антипина, 2011, с. 195; Усачук, 2011, с. 209], и левом астрагале КРС с поселения **Раздолье-1** (Тульская обл., Россия) [Усачук, 2011, с. 207]. На последнем памятнике обнаружен и еще более интересный артефакт – изделие из астрагала быка [Антипина, 2011, с. 195–196]. В качестве сырья для поделки была выбрана левая таранная кость. Ее раскололи надвое и сильно подрезали (см.: [Усачук, 2011, рис. 2.-1]) (рис. 1.-9). Поверхность артефакта залощена. Очевидно, это является следствием какого-то использования поделки [Усачук, 2011, с. 207, 208]. И хотя характер использования вещи, равно как и ее функциональное назначение, не ясны**, велика вероятность, что рассматриваемый предмет функционировал в культовой сфере [Усачук, 2011, с. 208].

Говоря о следах резки на таранных костях КРС, укажем на материалы **Мурадымовского** поселения срубной культуры (Башкортостан, Россия) [Усачук и др., 2010, с. 169]. Помимо этого, среди костяных орудий и изделий мурадымовской коллекции присутствует таранная кость КРС с пробитым отверстием***.

Среди материалов из раскопок рудника **Червонэ озеро-1** (Луганская обл., Украина) найдено орудие из таранной кости КРС. Трасологическая обработка этого орудия позволяет считать ее абразивом (лощиком?)**** по твердому материалу [Загородняя, 2014, с. 144–145, 214]. Впрочем, О.Н. Загородняя [2014, с. 145] говорит о полифункциональности подобных изделий.

Осмысление информации о таранных костях КРС, выявленных на срубных поселениях вне явных культовых комплексов, позволяет сделать следующие выводы:

1) астрагалы КРС целенаправленно извлекались из конечностей животных, что свидетельствует о важности данных предметов для жителей поселений;

2) лишь немногие из вычлененных астрагалов шли затем на изготовление орудий. Что делали с прочими – не ясно. Наличие на некоторых из них следов, не связанных с использованием данных костей в качестве орудий (главным образом, лощения), позво-

* Обратим внимание на то, что далеко не все таранные кости КРС, найденные на Безыменном-II, имели следы антропогенного воздействия. В свое время, например, С.М. Паленой были проведены промеры таранных костей КРС срубных поселений Безыменное-I, Безыменное-II и Широкая Балка-II в рамках обработки археозоологических коллекций этих памятников [Паленая, 2000, с. 83] под руководством Е.Е. Антипиной. В таблице промеров таранных костей КРС Безыменного-II значатся 102 экз. (архив А.Н. Усачука), в то время как следы выявлены только на 24 экз.

** Напомним об астрагале КРС с отпиленной половиной, обнаруженном в колодце 4 поселения Олаир. Возможно, он предназначался для тех же манипуляций, что и поделка из Раздолья-1.

*** Трасологическое изучение костяных изделий из Мурадымово в разные годы начала XXI в. было осуществлено одним из авторов. По поводу интересующего нас изделия в рабочих записях написано: «Таранная кость КРС с пробитым отверстием. Края отверстия после этого немного подправлены лезвием. Очень легкая залощенность поверхности изделия и еще более слабая залощенность края отверстия. Канал отверстия без лощения» (архив А.Н. Усачука). Трасологических данных явно недостаточно для выяснения функции пробитого астрагала.

**** Вопрос поставлен О.Н. Загородней [2014, с. 214, табл. 3].

ляет допускать, что рассматриваемые предметы находили применение в неутилитарной сфере. Служили ли они для игр или являлись обрядовыми атрибутами – проблема, требующая дальнейшей разработки, причем лишь трасологические исследования позволят хоть в какой-то мере продвинуться в данном направлении. Пока же отметим то, что ни на одном из упомянутых выше астрагалов КРС не имелось следов забитости, т.е. данные предметы не использовались в качестве биток для игры в кости, как это зафиксировано, например, у таджиков [Пещерева, 1957, с. 65].

Возвращаясь к таранным костям с антропогенными следами, выявленным на поселении Безыменное-II, заострим внимание на некоторых нюансах их размещения в пределах поселения. Более половины данных артефактов (13 из 24) обнаружены на участке, где локализовался специализированный производственный комплекс, связанный с обработкой кожи [Горбов, Усачук, 2000, с. 98–99] (рис. 2). При этом ни один из астрагалов не демонстрирует следов, которые говорили бы о его использовании в кожевенном производстве. Отсюда, на наш взгляд, возможны два вывода:

- 1) таранные кости КРС были каким-то образом связаны с данным производством;
- 2) отмеченная связь носила не технологический, а, скорее всего, обрядовый характер.

Показателен и еще один нюанс: 7 из 13 астрагалов, тяготевших к производственному участку, одновременно находились на восточном краю памятника (рис. 2). Напомним, что граница селения у многих народов считалась обителью злых сил (см., например: [Сказки..., 1991, с. 43; Толстая, 1991, с. 396]), рубежом, отделяющим людей от мира мертвых [Афанасьев, 1995, с. 20].

Говоря об изделиях из таранных костей КРС, следует упомянуть и заготовку, скорее всего, рукоятки-«упора» (рис. 1.-10) из материалов **Суботовского** городища (Черкасская обл., Украина), относящегося к *чернолесской культуре*.

Обобщая приведенные выше факты, можно констатировать, что в культурах эпохи бронзы астрагалы КРС использовались в самых разнообразных обрядовых манипуляциях. Важнейшими из них (судя по повторяемости) являются следующие:

1. Таранные кости клали в могилы в качестве погребального инвентаря. Применительно к срубной культуре вырисовывается корреляция астрагалов КРС с лицами 6–12 лет и женщинами. Материалы по другим культурам нерепрезентативны. Тем не менее они демонстрируют близкую картину. В пяти случаях рассматриваемые предметы являлись инвентарем детей и подростков (Большекараганский, 25/16; Восточно-Курайли-I, 10/4; Купухта, к. 9; Лисаковский-IV, ограда 8, погребение 3; Кузьминки-II, яма 4). В погребении 35 из Бестамака обработанный астрагал КРС выступал в качестве атрибута женщины. В захоронении из Убагана-I выявлены костяки лиц 4–6, 6–9 лет и взрослого возраста. При этом взрослый сопровождался бронзовым браслетом. Данная категория украшений в культурах эпохи бронзы рассматриваемой территории относилась к женским, а не к мужским атрибутам [Усманова, 1992, с. 98–99, 102; Калиева, Логвин, 2008, с. 48; Хаванский, 2012, с. 124, 125]. Таким образом, независимо от того, кому сопутствовали астрагалы КРС в рассматриваемом погребении, комплекс демонстрирует связь этих предметов с детьми, подростками или женщинами. Наконец, в погребении из Кривого Озера, 1/2 находились останки ребенка, подростка и взрослого, причем не известно, кого из них сопровождали астрагалы. Итак, нет ни одного бесспорного случая, где астрагалы КРС сопутствовали бы взрослому мужчине.

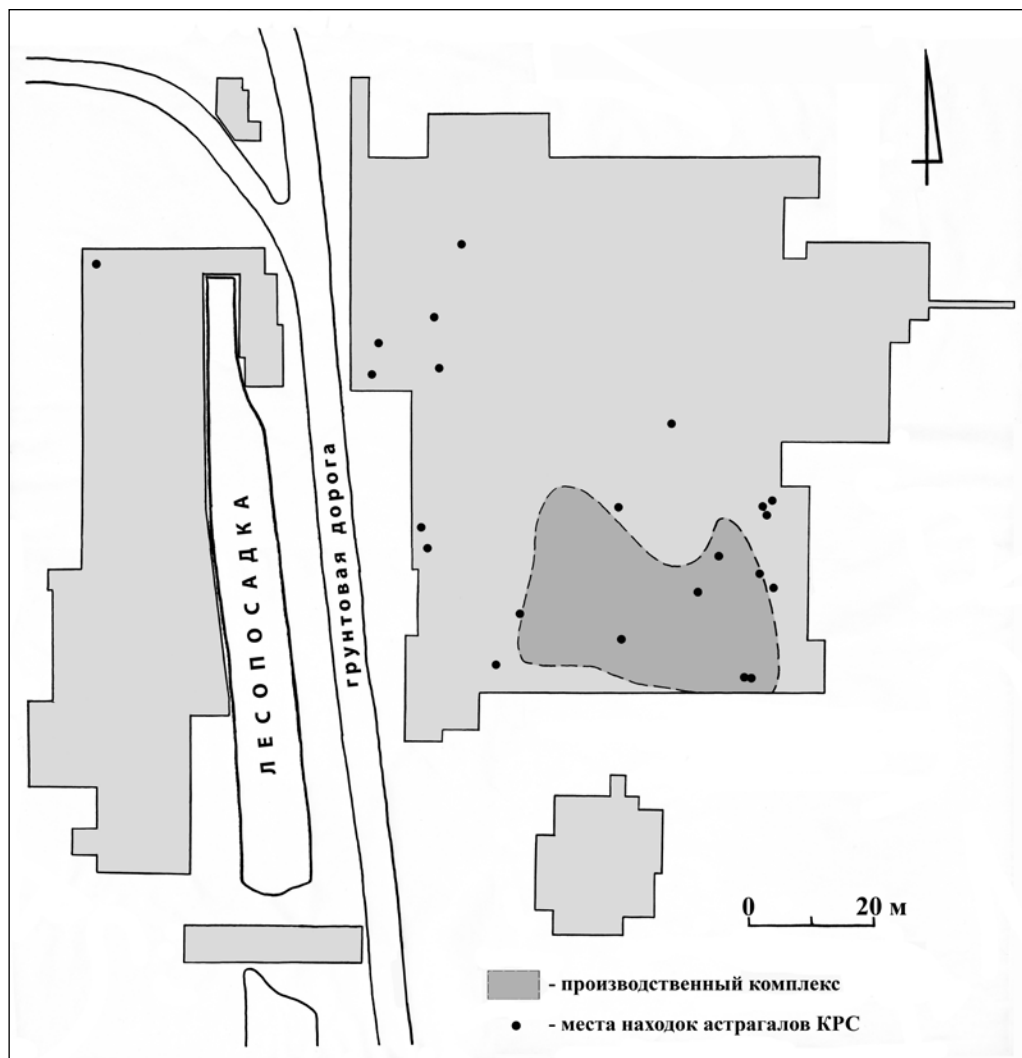

Рис. 2. Схема находок астрагалов КРС в рамках центральной части пос. Безыменное-II (без раскопов III и III-A, расположенных севернее, и раскопа XIV, расположенного юго-западнее) по отношению к производственному комплексу, связанному с обработкой кожи

2. Астрагалы КРС клали на перекрытия захоронений (Солнце-II, 11/1; Кривое Озеро, 9/7; вероятно, Кулевчи-VI, 5/3), около могил (Широкая Балка, 1/2, 1/7), во рвы, окружавшие подкурганные площадки (Бобровка-I, к. 2), т.е. на границы, отделявшие могильные ямы (входы в потусторонний мир) от мира живых.

3. Таранные кости КРС помещали и у границ жилищ – близ стен (Олаир, кв. Е-18; Садчиковка, землянка 3), углов построек (Аркаим, жилище 1–11; Алексеевское, землянка 1), входов в жилища (Халаджи-Бахчи). В одном случае (Безыменное-II) астрагалы демонстрировали повышенную концентрацию на краю поселения (рис. 2).

Отмеченное тяготение таранных костей КРС к границам между мирами живых, с одной стороны, и мертвых и демонов – с другой, позволяет предположить, что астрагалы КРС призваны были блокировать каналы связи с потусторонним миром. То, что рассматриваемые предметы могли выполнять охранительную функцию, подтверждается фактом присутствия астрагала КРС в одном «тексте» с наконечником дротика и проколом в землянке 3 поселения Садчиковка. Последние два предмета, будучи острыми, могли использоваться для отпугивания нечисти (см., например: [Подобед и др., 2013а, с. 33–34; 2013б, с. 42–43]). Вероятно, астрагалы, обнаруженные во рвах поселений Мало-Кизильское и Аркаим и ровике кургана №2 могильника Бобровка-1, были помещены туда с аналогичной целью, поскольку рвы (оборонительные и иные) выполняли не только утилитарную функцию, но и считались магическими преградами от злых сил [Подобед и др., 2013а, с. 33]. Подобным же образом правомерно трактовать и факт обнаружения астрагала в колодце поселения Олаир, если мы вспомним, что колодцы считались путями в иной мир.

Словом, астрагалы КРС в контексте некоторых обрядов могли выступать в качестве медиаторов, выполнявших блокирующую функцию. Но медиаторы обладают семантической двунаправленностью. Они используются как для «замыкания» границы между мирами, так и для ее преодоления [Топорков, 1989, с. 66; Новикова, 2008, с. 434; Сериков, 2009, с. 406]. Последнее действие преследовало цель вступить в контакт с высшими силами ради получения определенных благ. Не исключено, что именно для этого использовались астрагалы КРС, найденные в ямах поселений Марковская Речка и Ляпичев Хутор. Здесь нелишне вспомнить, что дважды астрагалы КРС размещались рядом с крыльями птиц – утки и гуся (Солнце-П, 11/1; Бестамак, п. 35). Поразительно, но, несмотря на крайне малый объем учтенной нами сводки погребений с таранными костями КРС, «текст» «астрагал КРС + крыло птицы» встречен дважды. Отсюда видно, что он имел высокий семиотический статус. В связи с этим стоит сказать, что птицы семейства утиных, куда относятся различные виды уток, гусей и лебедей, во многих мифологических системах предстают как медиаторы между мирами (см., например: [Селиванова, 1998, с. 373–379; Шалганова, 2001, с. 502, 504–505]). Медиативность названных птиц отразилась, в частности, в фольклоре. Вспомним хотя бы известную русскую сказку «Гуси-лебеди», где эти «гуси-лебеди» несут мальчика к Бабе-Яге [Народные русские сказки, 1982, с. 73–75], т.е., согласно разработкам В.Я. Проппа [1986, с. 11], в потусторонний мир, или украинскую сказку «Телесик», где гуси, напротив, спасают ребенка от змеи-людоедки* [Українські народні казки, 1989, с. 167–173], т.е. выносят из потустороннего мира. Добавим, что крылья птиц во многих культурах выступали как символы перемещения, в том числе между мирами, и отсюда они (или перья) нередко являлись атрибутами шаманов (см., например: [Итс, 1990, с. 223; Березницкий, 1999, с. 112, 115; и др.]). В данном плане показательны детали убранства головного убора из знаменитого сакского захоронения кургана Иссык (Казахстан). На лицевой стороне колпака были прикреплены золотые пластины в виде птичьих крыльев [Акишев К.А., 1978, рис. 62]. Очевидно, в сознании творцов головного убора изображения крыльев символизировали средство перемещения. По гипотезе А.К. Акишева [1978, с. 45–46], украшения иссыкского колпака были связаны с идеей полета жреца, осуществлявшего связь между мира-

* Данный персонаж семантически тождествен Бабе-Яге.

ми. Из всего отмеченного правомерен вывод, что астрагалы КРС, коррелировавшиеся с птичьими крыльями, тоже могли мыслиться как средства, позволяющие отправляться в иномирье.

Кроме двух реконструированных выше обрядовых функций, у астрагалов КРС была, как минимум, еще одна – та, что предопределяла их вхождение в состав погребального инвентаря, особенно в состав «текстов», включавших, помимо астрагалов КРС, таранные кости других животных. Не исключено, что подобные наборы являлись игровыми. Правда, как показывают этнографические материалы и другие источники, в играх использовались по большей части астрагалы МРС или других МК (см., например: [Андреев, Половцов, 1911, с. 33; Пещерева, 1957, с. 61; Клейн, 1997, с. 53; Жуковская, 1988, с. 56–57; Гущина, Засецкая, 1994, с. 21; Морозов и др., 1997, с. 205–207; Буксикова, 2002, с. 94; Морозов, Слепцова, 2004, с. 652–664; Маразов, 2007, с. 73; Сатаев, 2008а, с. 159; Стрельник та ін., 2009, с. 35; Завьялов, 2010, с. 340; Усачук, 2012б, с. 153; Панковський, 2012, с. 84–89; Панковський, 2013, с. 454–455; и др.]). Тем не менее у ряда народов зафиксированы и игры, где, наряду с астрагалами МК, использовались и таранные кости КРС [Пещерева, 1957, с. 65, 66; Петерс, 1986, с. 77–84*; Бородовский, 1997, с. 45, Флерова, 2001, с. 111; Малахов, Соков, 2008, с. 61; Татаурова, 2008, с. 198; Стрельник та ін., 2009, с. 38, 40, 41, 42; Сергеева, 2011, с. 99; Шуликов, 2013, с. 71; и др.]**.

Вместе с тем астрагалы КРС, как и некоторые другие кости, в ряде культур выступали в качестве символов животных. Это имело место, например, в детских играх*** и культах народов Сибири и Центральной Азии [Липский, 1966, с. 116; Павлинская, 1988, с. 229–230, 237–238; Ботякова, 1991, с. 36; Кустова, 1996, с. 14; Молодин, Ефремова, 1998, с. 305–306; Буксикова, 2002, с. 94; Кидиекова, Кустова, 2012, с. 216; Назаркин, 2013, с. 95****]. Аналогичная информация есть и по индейцам Южной Америки [Фріч, 1979, с. 117]. Широкий территориальный разброс данной практики позволяет допускать ее обусловленность общечеловеческими особенностями восприятия. Отсюда правомерно предполагать, что в рассмотренных «текстах» (или, во всяком случае,

* Б.Г. Петерс [1986, табл. XVI.-1, 2; XVII.-2, 11, 12, 14, 19] использует в своей сводке в основном изделия из таранных костей МК, но в иллюстрациях присутствуют и астрагалы КРС.

** Р.М. Сатаев [2008а, с. 159] отмечает, что «...игры с использованием астрагалов МРС имеют место и у современных туркмен». Очевидно, ситуация с играми в кости в туркменской среде более богатая. В начале октября 1993 г. один из авторов (А.Н. Усачук) во время работы в ЮТАКЭ под руководством В.М. Массона (отряд Н.Ф. Соловьевой) в доме Ахмеда Реджепова (с. Меана, Кахинский этрап, Ахалский вেলাят, Туркменистан) наблюдал игру, где применялись таранные кости МРС (10 экз.) и КРС (2 экз.). Астрагалы хранились в небольшом детском ведерке (использовались детьми в своих играх?). Бросались одной рукой, при этом более легкие астрагалы МРС часто переворачивались, в отличие от массивных астрагалов КРС. Подсчет очков шел по сторонам, оказавшимся после броска верхними. Играющие очень хорошо знали стороны астрагалов, поэтому считали очки чуть ли не мгновенно после броска, затем кости быстро собирал и бросал следующий игравший.

*** Обращение к детским играм в нашем случае вполне корректно, поскольку игры вообще и детские в том числе, как правило, являются отголосками древних обрядов и магических действий [Цивьян, 1988; Тайлор, 1989, с. 71–73; Сагалаев, Октябрьская, 1990, с. 131; Зогович, 2009, с. 57].

**** Отголосками данной символики является, вероятно, использование на Русском Севере термина «бык» применительно к таранной кости, которая в ходе игры упала вогнутой поверхностью кверху, и словосочетания «быков катать» для именованя самой игры (см.: [Морозов, Слепцова, 2004, с. 656]).

в части их) астрагалы КРС могли выступать как символы коров и быков и являться в контексте обряда либо символическими жертвами божествам, предкам и т.д.* , либо закодированными просьбами о ниспослании обилия скота. Впрочем, проблема трактовки упомянутых «текстов» из погребений заслуживает отдельного рассмотрения, тем более что рамки работы не позволяют углубиться в эту тему.

Нелишне заострить внимание и на следующем. Одним из обрядовых действий, производившихся с астрагалами КРС, было их раскалывание по продольной оси**, что фиксируют артефакты с поселений Мало-Кизильское и Ляпичев Хутор. Возможно, половинки астрагалов из Олаира и Раздолья-1 также имели отношение к отмеченной манипуляции. Раскалывание таранных костей, похоже, играло определенную роль в поселенческой обрядности (ср. [Антипина, 2004, с. 194–195, 210; 2011, с. 178]), но пытаться реконструировать семантику данного действия преждевременно, так как для этого необходимо расширение базы источников.

Подводя итог, можно сделать вывод, что астрагалы КРС в культурах эпохи бронзы, с одной стороны, служили сырьем для изготовления утилитарных изделий, главным образом орудий, а с другой – являлись атрибутами различных обрядов. При этом они, скорее всего, были полисемантически – в зависимости от характера обряда знаковая нагрузка астрагалов КРС была различной***.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Список учтенных погребений срубной культуры с астрагалами КРС

РОССИЯ

Самарская обл.

1. Бузаевка-I, 4/4, костяк 2 [Рослякова, Косинцев, 2013, с. 213; Рослякова, 2014б, с. 72–74; 2014в, табл. 104; 106].
- 2, 3. Владимировка-I, 2/1 [Кузьмина и др., 2003, с. 223–224], 2/3 [Кузьмина и др., 2003, с. 224–225].
4. Неприк, 2/2 [Васильев, 1975, с. 23].
5. Новая Михайловка-IV, 5/6 [Васильева и др., 2012, с. 202; Рослякова, Косинцев, 2012, с. 356].
6. Рождествено-I, 2/7 [Крамарев, Кузьмина, 2012, с. 89–90; Рослякова, Косинцев, 2012, с. 358].
- 7, 8. Съезжее-II, п. 32 [Колев, 2003, табл.; Горбов, Усачук, 2011, с. 55], п. 36 [Колев, 2003, табл.]****.
9. Тростянка-I, 1/13, костяк 2 [Рослякова, 2014б, с. 87–88; 2014в, табл. 104; 106].
10. Широценка, 3/2 [Васильев, 1975, с. 27].

* Стоит отметить, что гипотеза об использовании астрагалов в качестве символической замены жертвенных животных уже высказывалась применительно к таранным костям МК [Ворошилова, 2008, с. 159; Нуралинова, 2008, с. 139].

** Любопытно, что с астрагалами МК, насколько нам известно, ничего подобного не делали.

*** Авторы считают приятным долгом поблагодарить своих коллег Н.М. Малова, В.Б. Панковского, Ю.Б. Полидовича и О.А. Полякову за помощь, оказанную при написании этой работы.

**** В данном погребении находились два астрагала КРС, а не один (ср.: [Горбов, Усачук, 2011, с. 55]).

Саратовская обл.

11–13. Максютово, 3/3 [Синицын, 1958, с. 298; Памятники..., 1993, табл. 1, №1], 3/6 [Синицын, 1958, с. 300–301; Памятники..., 1993, табл. 1, №4], 3/7 [Синицын, 1958, с. 301; Памятники..., 1993, табл. 1, №5].

14–16. Новопокровка-2, 1/3 [Юдин, 2007, с. 146–147; 2010, с. 54–55; Панковский, 2012, с. 87], 3/4 [Юдин, 2007, с. 149; 2010, с. 72], 3/5 [Юдин, 2007, с. 149–150; 2010, с. 72–73].

17. Ровное (Зеельман), А11/1 [Памятники..., 1993, табл. 1, №222].

18. Южный, 11/1 [Захариков, Цыбрий, 2009, с. 106].

Волгоградская обл.

19. Бережновка-II, 93/1 [Синицын, 1960, с. 95].

20. Новоникольский-II, п. 19 [Шилов, 1975, с. 38].

Воронежская обл.

21. Лощина, 1/1 [Березуцкий, Гринев, 2008, с. 107].

22. Русская Тростянка, 2/6 [Гуляев, 1964, с. 170].

Ростовская обл.

23. Пирамида-IV, 1/10 [Ромашенко, 2007, с. 156].

24. Сагва-II, 1/4 [Балабина, 1993, с. 40–42].

25. Сухо-Чалтырская, 1/8 [Ильюков, Ларенок, 1982, с. 159–160].

УКРАИНА

Луганская обл.

26. Александровск, 9/50 [Братченко и др., 2004, с. 69]*.

Донецкая обл.

27. Новониколаевка, 1/5 [Санжаров, 1996, с. 195]**.

Днепропетровская обл.

28. Николаевка-I, 6/5 [Ковалева и др., 1979, с. 32].

Библиографический список

Акишев А.К. Идеология саков Семиречья (по материалам кургана Иссык) // КСИА. 1978. Вып. 154. С. 39–48.

Акишев К.А. Курган Иссык. Искусство саков Казахстана. М. : Искусство, 1978. 132 с.

Андреев М.С., Половцов А.А. Материалы по этнографии иранских племен Средней Азии: Иш-кашим и Вахан // Сборник Музея антропологии и этнографии. Вып. IX. Т. 1. СПб. : Тип. Акад. наук, 1911. 41 с.

Антипина Е.Е. Археозоологические материалы // Каргалы, т. III : Селище Горный: Археологические материалы: Технология горно-металлургического производства: Археобиологические исследования. М. : Языки славянской культуры, 2004. С. 182–239.

Антипина Е.Е. Археозоологические коллекции из поселений эпохи поздней бронзы на территории Тульской области // Гак Е.И. Поселения эпохи бронзы на северной окраине донской лесостепи. М. : ГИМ, 2011а. С. 166–201.

* В публикации пишется, что в захоронении присутствовали «игральные кости – шесть больших, пять маленьких, три среднего размера» [Братченко и др., 2004, с. 69]. Судя по рис. 23.-8 из данной публикации, речь идет о путовых костях лошади (I фалангах), астрагалах МК и астрагалах КРС.

** Автор пишет о семи «овечьих астрагалах» [Санжаров, 1996, с. 195]. Судя по рис. 4, 5 из данной публикации, среди «овечьих» астрагалов находился и астрагал КРС.

Антипина Е.Е. Острая Лука Дона в эпоху бронзы: кости животных на поселении Балахнинское-2 // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов. М. : Институт археологии РАН, 2011б. Вып. 2. С. 225–242.

Антонов А.Л., Отрощенко В.В. Особливості ритуального посуду зрубної спільноти // Археологія. 2004. №1. С. 18–30.

Антонова Е.В. О символизации жилища // Текст. Контекст. Подтекст : сборник статей в честь М.Н. Погребовой. М. : Институт востоковедения РАН, 2013. С. 34–57.

Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу : в 3 т. М. : Современный писатель, 1995. Т. 3. 416 с.

Байбурин А.К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л. : Наука, 1983. 189 с.

Балабина В.И. Курганный могильник Сагванский II // Вестник Шелкового пути. Археологические источники. М. : МГУ, 1993. С. 36–89.

Березницкий С.В. Мифология и верования орочей. СПб. : Петербургское востоковедение, 1999. 208 с.

Березуцкий В.Д., Гринев А.М. Россошанские курганы. Воронеж : Пресса ИПФ, 2008. 174 с.

Бородовский А.П. Древнее косторезное дело юга Западной Сибири (вторая половина II тыс. до н.э. – первая половина II тыс. н.э.). Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1997. 224 с.

Ботякова О.А. Детские игрушки у народов Средней Азии // «Мир детства» в традиционной культуре народов СССР. Л. : ГМЭ народов СССР, 1991. Ч. II. С. 31–42.

Братченко С.Н., Балонов Ф.Р., Гершкович Я.П. Погребения эпохи энеолита и бронзового века Александровского кургана №9 на р. Лугань // Матеріали та дослідження з археології Східної України. Вип. 3. Луганськ : Вид-во СНУ ім. В. Даля, 2004. С. 30–74.

Булава А. Дом и его «обитатели» в мифологии восточных славян // Антропологические исследования в Молдове. Кишинев : ВАШ, 2005. С. 93–103.

Буксикова О.Б. Семантика десяти альчилов из гуннского погребения в Забайкалье // Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск ; Ханты-Мансийск : Изд-во Омского пед. ун-та, 2002. С. 94–95.

Вадецкая Э.Б. Культ диких животных в похоронной практике и мировоззрении племен окуневской культуры // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. СПб. : ИИМК РАН, «Периферия», 2012. Кн. 2. С. 208–220.

Васильев И.Б. Новые памятники срубной культуры на востоке Куйбышевской области // Вопросы отечественной и всеобщей истории. Куйбышев : КГПИ, 1975. С. 21–41.

Васильева И.Н., Кулакова Л.С., Салугина Н.П. Новые памятники срубной культуры на востоке Самарской области // Бронзовый век. Эпоха героев (по материалам погребальных памятников Самарской области). Самара, 2012. С. 198–222.

Виноградов Н.Б. Могильник эпохи бронзы Кулевчи-VI в Южном Зауралье (по раскопкам 1983 года) // Проблемы истории, филологии, культуры. М. ; Магнитогорск, 2000. Вып. VIII. С. 24–53.

Виноградов Н.Б. Могильник бронзового века Кривое Озеро в Южном Зауралье. Челябинск : Южно-Уральское книж. изд-во, 2003. 362 с.

Ворошилова С.А. Астрагалы – особый элемент детского погребального обряда (по материалам могильника Бестамак) // XL Международная Урало-Поволжская археологическая студенческая конференция. Самара : Изд-во СГПУ, 2008. С. 157–159.

Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В. Синташта. Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. Челябинск : Южно-Уральское книж. изд-во, 1992. Ч. 1. 408 с.

Горбов В.Н., Мимоход Р.А. Культурные комплексы на поселениях срубной культуры Северо-Восточного Приазовья // Древности Северо-Восточного Приазовья. Донецк : Український культурологічний центр, 1999. С. 24–69.

Горбов В.Н., Усачук А.Н. Специализированный производственный комплекс на поселении бронзового века Безыменное-II // Археология и древняя архитектура Левобережной Украины и смежных территорий. Донецк : Східний видавничий дім, 2000. С. 97–100.

Горбов В.Н., Усачук А.Н. Курган бронзового века в Северо-Восточном Приазовье // Археологический альманах. №25. Донецк : Донбасс, 2011. С. 46–70.

Горячев А.А. Вопросы типологии и хронологии поселений эпохи бронзы на северных склонах Заилийского Алатау // Далалық Еуразияның бегазы-дәндібай мәдениеті. Ж. Құрманқұловтың 65 жылдық мерейтойына арналған ғылыми мақалалар жинағы. Алматы, 2013. С. 348–370.

Грушин С.П. Ритуальные комплексы елунинской культуры на памятнике Телеутский Взвоз I // Проблемы археологии: Урал и Западная Сибирь (к 70-летию Т.М. Потемкиной). Курган : Изд-во Курганского гос. ун-та, 2007. С. 76–84.

Гуляев В.И. Памятники эпохи бронзы у с. Русская Тростянка // Либеров П.Д. Племена Средне-го Дона в эпоху бронзы. М. : Наука, 1964. С. 162–174.

Гущина И.И., Засецкая И.П. «Золотое кладбище» Римской эпохи в Прикубанье. Российская археологическая библиотека. 1. СПб. : Фарн, 1994. 172 с.

Епимахов А.В. Курганный могильник Солнце-II – некрополь укрепленного поселения Устье эпохи средней бронзы // Материалы по археологии и этнографии Южного Урала. Челябинск : ТО «Каменный пояс», 1996. С. 22–42.

Епимахов А.В. Ранние комплексные общества севера Центральной Евразии (по материалам могильника Каменный Амбар-5). Челябинск : ОАО «Челябинский дом печати», 2005. Кн. 1. 192 с.

Жуковская Н.Л. Категории и символика традиционной культуры монголов. М. : Наука, 1988. 197 с.

Завьялов В.И. Игрушки и игры в Переяславле Рязанском // Материалы по истории и археологии России. Рязань : Александрия, 2010. Т. I. С. 337–348.

Загородняя О.Н. Орудия металлопроизводства бережновско-маевской срубной культуры (по материалам Картамышского археологического микрорайона) : дис. ... канд. ист. наук. К., 2014. 363 с.

Захариков А.П., Цыбрий В.В. Охранные раскопки курганного могильника «Южный» в 2003 году // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов : Научная книга, 2009. Вып. 7. С. 98–122.

Зданович Д.Г. Археология кургана 25 Большекараганского могильника // Аркаим: некрополь (по материалам кургана 25 Большекараганского могильника). Челябинск : Юж.-Урал. кн. изд-во, 2002. Кн. 1. С. 17–106.

Зогович С. Ознаки деяких дитячих ігор із Македонії та їхня збереженість із минулого й дотепер // Народна творчість та етнографія. 2009. №3. С. 57–67.

Изотова М.А. Ритуальные комплексы поселения эпохи поздней бронзы «Макаровская речка» // Срубная культурно-историческая общность в системе древностей эпохи бронзы евразийской степи и лесостепи. Воронеж : ВГУ, 2000. С. 118–124.

Изотова М.А. Поселение эпохи бронзы Макаровская Речка // Нижневолжский археологический вестник. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2006. Вып. 8. С. 154–172.

Ильюков Л.С., Ларенок П.А. Сухо-Чалтырские курганы бронзового века // Советская археология. 1982. №4. С. 157–164.

Итс Р. Шепот Земли и молчание Неба. Этнографические этюды о традиционных народных верованиях. М. : Политиздат, 1990. 318 с.

Калиева С.С., Логвин В.Н. Могильник у поселения Бестамак (предварительное сообщение) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень : Изд-во ИПОС СО РАН, 2008. №9. С. 32–58.

Кидиекова И.К., Кустова Ю.Г. Женское божество-охранитель из конской лодыжки // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. СПб. : ИИМК РАН, «Периферия», 2012. Кн. 1. С. 215–217.

Клейн Л.С. Происхождение нуля, или древнейшая эволюция игры в кости между Дунаем и Индом // Стратум: структуры и катастрофы. Сборник символической индоевропейской истории. СПб. : Нестор, 1997. С. 47–66.

Ковалева И.Ф. Срубные погребения с наборами альчиков // Исследования по археологии Поднепровья. Днепропетровск : ДГУ, 1990. С. 59–71.

Ковалева И.Ф., Ромашко В.А., Андросов А.В. Срубные курганные могильники Среднего Присамарья // Курганные древности степного Поднепровья III–I тыс. до н.э. Днепропетровск : ДГУ, 1979. Вып. III. С. 25–44.

Колев Ю.И. Грунтовый могильник срубной культуры Съезжее-II (материалы раскопок) // Материальная культура бассейна реки Самара в бронзовом веке. Самара : Изд-во СГПУ, 2003. С. 88–111.

Косинцев П.А. Костные остатки животных из укрепленного поселения Аркаим // Археологический источник и моделирование древних технологий. Челябинск, 2000. С. 17–44.

Косинцев П.А. Животные в жертвенных комплексах могильника Кривое Озеро // Виноградов Н.Б. Могильник бронзового века Кривое Озеро в Южном Зауралье. Челябинск: Юж.-Ур. книж. изд-во, 2003. С. 333–344.

Крамарев А.И., Кузьмина О.В. Кости животных в погребальном обряде срубной культуры (По материалам погребальных памятников Среднего Поволжья) // XIV Уральское археологическое совещание. Челябинск : Рифей, 1999. С. 83–87.

Крамарев А.И., Кузьмина О.В. Раскопки Рождественского I курганного могильника на юге Самарской Луки // Бронзовый век. Эпоха героев (по материалам погребальных памятников Самарской области). Самара, 2012. С. 83–157.

Кривцова-Гракова О.А. Алексеевское поселение и могильник // Археологический сборник. Труды ГИМ. М., 1948. Вып. XVII. С. 57–164.

Кривцова-Гракова О.А. Садчиковское поселение (Раскопки 1948 г.) // Материалы и исследования по археологии Сибири. 1951. №21. С. 154–181.

Кузьмина Е.Е. Купухта – могильник андроновской знати // КСИА. 1963. Вып. 93. С. 96–105.

Кузьмина О.В., Михайлова О.В., Субботин И.П. Курганный могильник эпохи бронзы Владимировский-I // Вопросы археологии Поволжья. Самара : Изд-во СНЦ РАН, 2003. Вып. 3. С. 217–260.

Кустова Ю.Г. Ребенок и детство в традиционной культуре хакасов : автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1996. 19 с.

Липский А.Н. К вопросу об использовании этнографии для интерпретации археологических материалов // Советская этнография. 1966. №1. С. 105–118.

Литвиненко Р.О. Похоронки культурного кола Бабине з астрагалами // Древности 2005. Харьков : НМЦ «МД», 2005. С. 74–86.

Лопатин В.А. Смеловский могильник: модель локального культурогенеза в степном Заволжье (середина II тыс. до н.э.). Саратов : Наука, 2010. 244 с.

Малахов С.Н., Соков П.В. Знаки на астрагалах и изделиях из кости с раннесредневековых поселений Средней Кубани (VIII–IX вв.) // Археологический журнал. 2008. №11. С. 60–64.

Маразов И. Играта на ашици, гатанката, гадаенето // Миф. 12. Обредът. София : Изд-во на Нов български университет. С. 68–101.

Марков С.С. Астрагалы в погребальной обрядности эпохи бронзы Южного Зауралья // Вестник общества открытых исследований древности. Челябинск, 2002. Вып. 1. С. 39–48.

Мерперт Н.Я. Материалы по археологии Среднего Заволжья // Материалы и исследования по археологии Сибири. 1954. №42. С. 39–156.

Молодин В.И., Ефремова Н.С. Коллекция астрагалов святилища Кучерла-1 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1998. Т. IV. С. 300–309.

Моргунова Н.Л., Халяпин М.В., Халяпина О.А. II Кузьминковское поселение эпохи бронзы // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2001. Вып. V. С. 99–125.

Морозов И.А., Слепцова И.С. Круг игры. Праздник и игра в жизни северорусского крестьянина (XIX–XX вв.). М. : Индрик, 2004. 920 с.

Морозов И.А., Слепцова И.С., Островский Е.Б., Смольников С.Н., Минюхина Е.А. Духовная культура Северного Белозерья : этнодиалектный словарь. М., 1997. 432 с.

Назаркин А.Д. Тофаларские народные игры // Интеграция археологических и этнографических исследований. Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2013. С. 93–97.

Народные русские сказки. М. : Художественная литература, 1982. 320 с.

Новикова О.И. Ритуальные комплексы в жилищах эпохи поздней бронзы – переходного времени Западной Сибири // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. М. : ИА РАН, 2008. Т. I. С. 433–434.

Нуралинова А.Г. Дети в обществе эпохи поздней бронзы в Южном Зауралье (по материалам погребальных памятников) // XL Международная Урало-Поволжская археологическая студенческая конференция. Самара : Изд-во СГПУ, 2008. С. 137–139.

Павлинская Л.Р. Игрушка и мир ребенка в традиционных культурах Сибири // Традиционное воспитание детей у народов Сибири. Л. : Наука, 1988. С. 222–252.

Паленая С.М. Кости животных из поселений Доно-Донецкого региона эпохи поздней бронзы: особенности мясного рациона и животноводческой деятельности населения // Археология и древняя архитектура Левобережной Украины и смежных территорий. Донецк : Східний видавничий дім, 2000. С. 82–85.

Памятники срубной культуры Волго-Уральского междуречья. Саратов : Изд-во СГУ, 1993. 200 с. (САИ. Вып. В.1–10).

Панковський В.Б. Лолінсько-бабинська дзига // Донецький археологічний збірник. 2012. Донецьк : Вид-во Донецьк. ун-ту, 2012. №16. С. 77–99.

Панковский В.Б. Индустрия скелетных материалов нижнего слоя Михайловки // Котова Н.С. Деревянная культура и памятники Нижнемихайловского типа. К. ; Харьков : Майдан, 2013. С. 449–483.

Петерс Б.Г. Косторезное дело в античных государствах Северного Причерноморья. М. : Наука, 1986. 191 с.

Пещерева Е.М. Игрушки и детские игры у таджиков и узбеков // Сборник Музея антропологии и этнографии. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1957. Т. XVII. С. 22–94.

Подобед В.А., Усачук В.Н., Цимиданов В.В. Исчезнувшие верования и позабытые герои (кожевенный инструментарий в ритуалах эпохи бронзы степной и лесостепной Евразии) // Материалы по археологии Северного Причерноморья. Одесса : Печатный дом ; Фаворит, 2011. Вып. 12. С. 86–124.

Подобед В.А., Усачук А.Н., Цимиданов В.В. Конская узда – атрибут инициаций? (По материалам культур степной и лесостепной Евразии финала поздней бронзы и начала раннего железа) // Древности Сибири и Центральной Азии. Горно-Алтайск : ГАГУ, 2013а. №5 (17). С. 23–44.

Подобед В.А., Усачук А.Н., Цимиданов В.В. Манипуляции в столбовых ямах (культуры эпохи бронзы Азии и Восточной Европы) // Теория и практика археологических исследований. 2013б. №1 (7). С. 33–48.

Подобед В.А., Усачук А.Н., Цимиданов В.В. Колодцы в картине мира племен эпохи бронзы лесостепной и степной Евразии // Верхнедонской археологический сборник. Липецк : РИЦ ФГБОУ ВПО «ЛГПУ», 2014. Вып. 6. С. 283–293.

Попеско П. Атлас топографической анатомии сельскохозяйственных животных. Братислава : Природа, 1978. Т. 3. 195 с.

Потемкина Т.М. Бронзовый век лесостепного Притоболья. М. : Наука, 1985. 376 с.

Привалов А.И., Привалова О.Я., Косиков В.А. Отчет об археологических исследованиях поселений Староласпинское и Халаджи Бахчи в бассейне реки Кальмиус // Научный архив ИА НАН Украины. 2001/73.

Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. Л. : Изд-во ЛГУ, 1986. 366 с.

Ромашенко Н.И. Курганный могильник «Пирамида IV» // Археологические записки. Ростов на/Д : РРОО «Донское археологическое общество», 2007. Вып. 5. С. 150–169.

Рослякова Н.В. Ритуальная практика населения срубной культуры Самарского Поволжья: роль и место животных в погребальном обряде // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. СПб. ; М. ; Великий Новгород : ИА РАН, 2011. Т. I. С. 270–271.

Рослякова Н.В. Погребальные комплексы с костями животных из могильников срубной культурно-исторической общности Самарского Поволжья : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2014а. 27 с.

Рослякова Н.В. Погребальные комплексы с костями животных из могильников срубной культурно-исторической общности Самарского Поволжья : дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2014б. Т. I. 183 с.

Рослякова Н.В. Погребальные комплексы с костями животных из могильников срубной культурно-исторической общности Самарского Поволжья : дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2014в. Т. II. 155 с.

Рослякова Н.В., Косинцев П.А. Археозоологические комплексы из могильников эпохи поздней бронзы Самарского Поволжья // *Бронзовый век. Эпоха героев (по материалам погребальных памятников Самарской области)*. Самара, 2012. С. 348–378.

Рослякова Н.В., Косинцев П.А. Археозоологическое изучение комплексов погребального инвентаря из погребений срубной культуры лесостепного Поволжья // *Известия Самарского научного центра Российской академии наук*. 2013. Т. 15, №1. С. 211–218.

Рыкушина Г.В. Антропологическая характеристика населения эпохи бронзы Южного Урала по материалам могильника Кривое Озеро // *Виноградов Н.В. Могильник бронзового века Кривое Озеро в Южном Зауралье*. Челябинск : Южно-Уральское книж. изд-во, 2003. С. 345–360.

Савинов Д.Г. Древние поселения Хакасии: Торгажак. СПб. : Центр «Петербургское востоковедение», 1996. 112 с.

Сагалаев А.М., Октябрьская И.В. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Знак и ритуал. Новосибирск : Наука, 1990. 209 с.

Сальников К.В. Южно-Уральская археологическая экспедиция // *КСИИМК*. 1952. Вып. XLV. С. 48–61.

Сальников К.В. Очерки древней истории Южного Урала. М. : Наука, 1967. 408 с.

Санжаров С.Н. Раннесрубные погребения Новониколаевского могильника на Северском Донце // *Древние культуры Восточной Украины*. Луганск : Изд-во ВУГУ, 1996. С. 187–197.

Сатаев Р.М. Животные в хозяйстве и духовной жизни древнего населения Гонур Депе // *Труды Маргианской археологической экспедиции*. М. : Старый сад, 2008а. Т. 2. С. 143–160.

Сатаев Р.М. Животные из раскопок городища Гонур-Депе // *Труды Маргианской археологической экспедиции*. М. : Старый сад, 2008б. Т. 2. С. 138–142.

Сатаев Р.М. Астрагалы мелких копытных в ритуальной практике древнего населения Гонур-Депе (Туркменистан) // *Роль естественно-научных методов в археологических исследованиях*. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2009. С. 313–315.

Селиванова Л.Л. Аполлоновы лебеди (К семантике образа в религиозных представлениях античности) // *Человек и общество в античном мире*. М. : Наука, 1998. С. 363–397.

Сергеева М.С. Косторізна справа у Стародавньому Києві. Київ : КНТ, 2011. 256 с.

Сериков Ю.Б. Кремневая скульптура Урала (вопросы хронологии, происхождения и семантики) // *Тверской археологический сборник*. Тверь : Триада, 2009. Вып. 7. С. 391–410.

Синицын И.В. Памятники родового общества степей Заволжья // *Ученые записки СГУ*. Т. LXVI. Выпуск исторический. Саратов : СГУ, 1958. С. 278–309.

Синицын И.В. Древние памятники в низовьях Еруслана // *Материалы и исследования по археологии Сибири*. 1960. №78. С. 10–168.

Сказки цыган СССР. М. : Наука, 1991. 398 с.

Смирнов К.Ф. Курганы у сел Иловатка и Политотдельское Сталинградской области // *Материалы и исследования по археологии Сибири*. 1959. №60. С. 206–322.

Сотникова С.В. Мотив «обновления мира» в ритуальной практике андроновского населения // *Время и культура в археолого-этнографических исследованиях древних и современных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: проблемы интерпретации и реконструкции* : мат. XIV Западно-Сибирской археолого-этнографической конф. Томск : Аграф-Пресс, 2008. С. 309–313.

Сотникова С.В. Детские погребения с наборами альничков и роль игры в обществах степного населения эпохи бронзы // *Вестник археологии, антропологии и этнографии*. 2014. №2 (25). С. 26–34.

Стрельник М.О., Хомчик М.А., Сорокіна С.А. Гральні кості (II тис. до н.е. – XIV ст. н.е.) з колекції Національного музею історії України // *Археологія*. 2009. №2. С. 34–49.

Сунгатов Ф.А., Бахшиев И.И. Поселение эпохи бронзы Олаир / *Материалы охранных раскопок и исследований по археологии Южного Урала*. Уфа : ГУП «Уфимский полиграфкомбинат», 2008. Т. II. 200 с.

Тайлор Э.Б. Первобытная культура. М. : Политиздат, 1989. 573 с.

Татаурова Л.В. Игры и игрушки русского населения Среднего Прииртышья в XVII–XIX вв. (по данным археологии) // *Время и культура в археолого-этнографических исследованиях древних и современных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: проблемы интерпретации*

и реконструкции : мат. XIV Западно-Сибирской археолого-этнографической конф. Томск : Аграф-Пресс, 2008. С. 197–200.

Ткачев В.В. Могильник Восточно-Курайли-I на Илеке и проблема формирования западноалакульской культурной группы // Вопросы археологии Западного Казахстана. Актобе : Актюбинский гос. ун-т, 2005. Вып. 2. С. 36–69.

Ткачев В.В. Степи Южного Приуралья и Западного Казахстана на рубеже эпох средней и поздней бронзы. Актобе : Актюбинский обл. центр истории, этнографии и археологии, 2007. 384 с.

Толстая С.М. Нечистая сила // Мифологический словарь. М. : Советская Энциклопедия, 1991. С. 396–397.

Топорков А.Л. Символика и ритуальные функции предметов материальной культуры // Этнографическое изучение знаковых средств культуры. Л. : Наука, 1989. С. 89–101.

Українські народні казки. К. : Веселка, 1989. 414 с.

Усачук А.Н. Коллекция костяных изделий Староласпинского поселения эпохи поздней бронзы // Археология и древняя архитектура Левобережной Украины и смежных территорий. Донецк : Східний видавничий дім, 2000. С. 107–110.

Усачук А.Н. Изделия из кости поселений эпохи поздней бронзы в бассейне Верхнего Дона // Е.И. Гак. Поселения эпохи бронзы на северной окраине донской лесостепи. М. : ГИМ, 2011. С. 202–214.

Усачук А.Н. Костяные орудия поселения эпохи поздней бронзы Ляпичев хутор в Подонье (по материалам раскопок М.И. Артамонова и М.П. Грязнова) // VIII исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова (к 110-летию со дня рождения). Омск : Амфора, 2012а. С. 226–235.

Усачук А.Н. Коллекция костяных изделий Степановского поселения // Ю.М. Бровендер. Степановское поселение срубной общности на Донецком кряже. Алчевск : ДонГТУ, 2012б. С. 140–156.

Усачук А.Н., Обыденнова Г.Т., Шутелева И.А., Щербаков Н.Б. Трасологический и функционально-типологический анализ коллекции костяных изделий раскопа IX Мурадымовского поселения (раскопки 2007 г., Республика Башкортостан) // XVIII Уральское археологическое совещание: культурные области, археологические культуры, хронология. Уфа : Изд-во БГПУ, 2010. С. 168–173.

Усманова Э.Р. Дифференцированный подход к умершему в погребальном обряде (по материалам могильника Лисаковский) // Маргулановские чтения. 1990. М. : ИА АН РК, 1992. Ч. I. С. 97–104.

Усманова Э.Р., Мерц В.К., Колбина А.В. О некоторых сюжетах в «тексте» погребального обряда эпохи бронзы (по материалам могильника Лисаковский и Кара-Тумсук) // Изучение памятников археологии Павлодарского Прииртышья. Павлодар : ЭКО, 2006. Вып. 2. С. 70–80.

Флерова В.Е. Резная кость юго-востока Европы IX–XII веков: искусство и ремесло. По материалам Саркела-Белой Вежи из коллекции Государственного Эрмитажа. СПб. : Алетейя, 2001. 352 с.

Фріч А. Високий мисливець. К. : Веселка, 1979. 200 с.

Хаванский А.И. Особенности половозрастных традиций синташтинского погребального обряда // Материалы III Международной научной конференции «Кадырбаевские чтения – 2012». Актобе, 2012. С. 120–128.

Хлопин И.Н. Юго-Западная Туркмения в эпоху поздней бронзы. По материалам Сумбарских могильников. Л. : Наука, 1983. 243 с.

Цивьян Т.В. О связи игра – ритуал (игрушки – ритуальные предметы) // Международный симпозиум «Античная балканистика б». Этногенез народов Юго-Восточной Европы. Этнолингвистические и культурно-исторические взаимодействия Балкан и Циркумпонтийской зоны. М. : Ин-т славяноведения и балканистики, 1988. С. 55–57.

Цимиданов В.В. Астрагалы в погребениях степных культур эпохи поздней бронзы и раннего железа // Археологический альманах. Донецк : ООО «Лебедь», 2001. №10. С. 215–248.

Циміданов В.В. З'єднувальні досипки у курганній архітектурі зрубної культури: проблема семантики // Матеріали та дослідження з археології Східної України. Луганськ : Вид-во СНУ ім. В. Даля, 2004а. Вып. 3. С. 229–248.

Цимиданов В.В. Социальная структура срубного общества. Донецк, 2004б. 204 с.

Цимиданов В.В. Возрастная стратификация общества срубной культуры // Матеріали та дослідження з археології Східної України. Луганськ : Вид-во СНУ ім. В. Даля, 2008. Вып. 8. С. 56–82.

Цимиданов В.В., Чаур Н.А. Погребения с астрагалами срубной культурно-исторической общности // Древности Подонцовья. Луганск : ОСИРИС, 1997. С. 50–61.

Чагдуров С.Ш. Происхождение Гэсэриады. Опыт сравнительно-исторического исследования древнего словарного фонда. Новосибирск : Наука, 1980. 172 с.

Черников С.С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы // Материалы и исследования по археологии Сибири. 1960. №88. 272 с.

Шалганова Т. Орнитоморфни и зооморфни глинени предмети от културата на инкрустираната керамика по Долни Дунав // Миф 7. На акад. Дмитри Сергеевич Раевски: ἀποθέωσις. София, 2001. С. 489–510.

Шарафутдинова Э.С. Памятники предскифского времени на Нижнем Дону (кобяковская культура). Л. : Наука, 1980. 128 с. (САИ. В1–11).

Шилов В.П. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л. : Наука, 1975. 208 с.

Шуликов М.Г. Хутор Веселый. Батайск, 2013. 210 с.

Юдин А.И. Погребения с астрагалами из Новопокровки-II: служители культа или «игроки»? // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов : Научная книга, 2009. Вып. 7. С. 146–170.

Юдин А.И. Курганы эпохи бронзы у села Новопокровка и станции Чернавка // Археологические памятники Саратовского Правобережья: от ранней бронзы до средневековья (по материалам исследований в 2005–2006 гг.). Саратов : Научная книга, 2010. С. 50–118.

V.A. Podobed, A.N. Usachuk, V.V. Tsimidanov

ASTRAGALS OF HORNED CATTLE IN CULTURES OF BRONZE AGE STEPPE AND FOREST-STEPPE EURASIA

The authors of the paper consider an existing of astragals of horned cattle in cultures of the Bronze Age steppe and forest-steppe Eurasia (Sintashta, Petrovskaja, Alkaulskaja, Timber Grave, etc.). The analysis of the data collected by authors testifies that these astragals served as raw materials for manufacturing of utilitarian products, mainly tools, on the one hand, and were attributes of various ceremonies, on the other hand. In particular, the bones were placed in graves as grave goods (mainly in burials of teenagers and women). They were also put on covers of graves, next to grave pits, in ditches, i.e. on the borders which separate the live from the dead. During ceremonies at settlements astragals of horned cattle were left on borders of dwellings (next to walls, corners, entrances), and also in pits and wells which were obviously considered as communication channels with the other world. According to the authors, the astragals of horned cattle in cultures of Bronze Age were poly-semantic, i.e. their sign loading was different depending on character of a ceremony. In particular, these objects could be used for opening of a communication channel with the other world or its blockings, to be symbols of animals as well.

Keywords: astragals of horned cattle, Bronze Age, Eurasia, ceremonies.

**НАСКАЛЬНОЕ ИСКУССТВО И ШАМАНИЗМ:
ФЕНОМЕНОЛОГИЯ, КОНТЕКСТ И ЭТИКА***

В статье представлен опыт изучения проблем интерпретации памятников наскального искусства с точки зрения влияния шаманизма. Вопросы, рассматриваемые в публикации, определили необходимость обращения к общей историографии шаманизма, а также отдельным аспектам исследования особенностей проявления этой традиции в петроглифах различных хронологических периодов. Анализ имеющихся материалов, полученных в ходе работ на территории Центральной Азии, позволил выявить отдельные изображения и сюжеты, которые могут демонстрировать влияние шаманизма на наскальное искусство древнего населения региона. Наиболее показательные в этом отношении памятники относятся главным образом к эпохе бронзы. Это подтверждают и результаты раскопок немногочисленных погребальных комплексов того времени. В заключение статьи рассмотрены этические вопросы интерпретации археологических материалов, в том числе памятников наскального искусства, в контексте влияния на их черты традиций шаманизма. Предложено различать шаманизм как религиозную систему населения Сибири и Центральной Азии и шаманизм, проявления которого фиксируются в наскальном искусстве древних народов этих регионов.

Ключевые слова: шаманизм, наскальное искусство, Центральная Азия, интерпретация, эпоха бронзы, символика.

DOI: 10.14258/tpai(2014)2(10).-04

Одной из наиболее обсуждаемых тем в области изучения наскального искусства является вопрос о соотношении фиксируемых изображений и шаманизма. Большая часть исследователей рассматривают данную проблему в контексте свидетельств возникновения искусства, обнаруживаемых в материалах палеолитических комплексов Южной Африки, Северной Америки или Западной Европы (например: [Lewis-Williams, 2002b]), и трактуют шаманизм как универсальное явление. Такой подход, который соответствует представлениям, сформированным М. Элиаде [1972], основан на предположении о том, что у людей имеется врожденная склонность к расширению пределов сознания, и шаманизм мог быть одним из проявлений таких устремлений. Однако эта феноменологически ориентированная интерпретация шаманизма упускает важные характеристики данного явления у сибирских народов, нередко рассматриваемых как носителей «классического» варианта шаманизма.

Пренебрежение азиатским контекстом в дискуссии о ранней истории шаманизма имеет естественные причины. Так, существенный вклад в разработку теоретических аспектов изучения наскального искусства, наблюдаемый в последние годы, внесен англоговорящими учеными. Ярким примером является работа «The Archaeology of Rock-Art» [Chippindale, Таҫон, 1998]. Но она не содержит ссылок на исследователей, пишущих на других языках. «Естественный» языковой барьер многие годы препятствовал эффективному сопоставлению результатов работ представителей Запада и Востока в области изучения наскального искусства. Только в конце XX столетия на английском языке были изданы первые переводы трудов российских и азиатских авторов [Martynov, 1991; Samashev, 1993; Tashbayeva, Khujanazarov, Ranov, Samashev, 2001]. При этом обозначенные работы в плане теоретических подходов существенно отличаются от исследований западных ученых. Имеются также попытки объедине-

* Перевод с английского языка осуществлен Н.Н. Серегиним.

ния западных и восточных авторов в решении вопросов интерпретации азиатского наскального искусства в контексте шаманизма [Rozwadowski, Koško 2002; Rozwadowski, Koško, Dowson 1999]. Недавние исследования наскального искусства Северной и Центральной Азии с этой точки зрения дают возможность для целого ряда ценных заключений, имеющих большое значение для понимания шаманизма как такового.

Что отличает сибирский шаманизм от других шаманистических традиций, так это различное восприятие данного явления в Азии, Африке, а также на Западе. В то время как в Африке шаманизм – это типологическое понятие, определяющее ритуальный характер данной культуры, в Сибири же – это не просто антропологическая конструкция, а живая традиция. Слово «шаман» имеет в Сибири религиозную ценность. Поэтому известная критика того, что данный термин используется слишком широко [Kehoe, 2000], в известной степени оправдана, и это применимо в области интерпретации наскального искусства. Подчеркивая шаманистическую природу наскального искусства в контексте его варибельности в материалах памятников Африки, Америки или Европы и признавая ее универсальный характер, исследователи создают впечатление упрощения сложности как азиатских, так и неазиатских культур. Свободное использование данного термина может также спровоцировать этическую дискуссию, так как создается впечатление, что нечто очень важное «отнимается» от культуры сибирских народов и «передается» в другой культурный и исторический контекст.

Следуя восторженному подходу М. Элиаде, можно также прийти к упрощению в понимании религиозной жизни народов Сибири. Транс, независимо от его важности для практики шаманизма, не всегда эквивалентен последнему. Поэтому попытки выявления следов транса и опыта видения в наскальном искусстве слишком уязвимы для критики особенно в тех случаях, когда они являются доказательством для наличия шаманизма. Льюис-Уильямс, исследования которого стали причиной оживленного обсуждения проблемы распространения шаманизма в древности, утверждает, что универсальное определение шаманизма вызывает стирание особенностей, характерных для различных шаманистических традиций, а также «...маскирует разнообразие социальных контекстов, в которых они развивались» [Lewis-Williams, 2002a, p. 191]. Поэтому после публикации нейропсихологической модели [Lewis-Williams, Dowson, 1988] он попытался пойти дальше простой интерпретации пещерной живописи и выделить особенности палеолитического искусства, которые могли бы подтвердить верность шаманистического контекста, например, социальные и топографические характеристики пещеры и ее внутренних стен [Lewis-Williams, 1997a, 1997b; Clottes, Lewis-Williams, 1998].

Дискуссия о шаманизме в наскальном искусстве неразрывно связана с проблемой определения самого шаманизма или, скорее, с отсутствием общего определения. Трудно предположить, что в ближайшее время будет выработана единая точка зрения о таком явлении, принимаемая всем академическим сообществом. В связи с разнообразием научных дисциплин, представители которых принимают участие в этой дискуссии (археология, психология, психиатрия, религиоведение, социология, лингвистика), достигнуть согласия в данном вопросе будет весьма проблематично. Однако это не означает, что следует смириться с произвольностью трактовок. Если мы принимаем определение Марико Нэмбы Уолтера (Mariko Namba Walter), согласно которому шаманизм – это «религиозная система взглядов, в которой шаман – специалист в знании,

позволяющем связаться с миром духов для получения определенной пользы другим членам общества» [Walter 2004: XXII], то транс перестает быть необходимым условием для определения данного культурного явления как шаманизма. Несомненно, все согласны с тем, что шаманизм – это социальный институт. При этом невозможно говорить о шаманизме относительно отдельного человека, практикующего транс для удовлетворения тех или иных потребностей. Поэтому социальная функция шаманизма – одна из главных особенностей данного явления. Однако определить такую функцию в ранней истории весьма проблематично. Гораздо легче сформулировать доказательства того, что мы имеем дело с искусством, образы которого внушаются видением, чем доказать социальную функцию такого опыта.

В связи с представленными обстоятельствами, азиатский контекст вопроса представляется менее сложным, так как при его рассмотрении мы не пытаемся найти следы неизвестной формы шаманизма, как это происходит в случае с европейским палеолитом. Наоборот, мы следуем традиции, которые были признаны этнологически и исторически. Несмотря на то, что в течение долгого времени сибирский шаманизм был предметом многочисленных исследований этнологов и религиоведов, проблема его ранней истории крайне фрагментарно затронута в работах западных авторов (например: [Horrál, 1992]).

Зачастую рассмотрение сибирского и центральноазиатского шаманизма ведет к упрощению представлений о нем. Важно понимать, что у данного явления значительное количество нюансов – как этнических, так и экологических. Сам факт распространения на огромные пространства может стать доказательством древности. Различные явления шаманизма фиксируются от Урала до Камчатки – территории значительного этнического многообразия. Мы можем обнаружить шаманов у представителей каждой языковой группы этого региона – уральской, тюркской, монгольской, тунгусо-маньчжурской и палеоазиатской. Широкое распространение шаманизма во всех этих этнически разнородных группах предполагает, что он является частью древнего культурного наследия этой области Азии, а его происхождение относится к весьма отдаленному времени.

Наскальное искусство и культура Центральной Азии

Наскальное искусство в Центральной Азии, зародившись в глубокой древности, существовало на протяжении тысячелетий. Эта традиция не прервалась и в эпоху Средневековья, фрагментарно сохранившись до сравнительно недавнего времени [Rozwadowski, 2004]. Среди известных символических традиций, с которыми было связано наскальное искусство, следует выделить официальные религии, а также менее устойчивые системы верований. В этом плане старейшей может быть признана пастушеская индо-иранская традиция, относящаяся к III–II тыс. до н.э. и связанная с первыми арийскими племенами или их прямыми предшественниками, которые затем заселили северо-западные области Индии и Иранское нагорье [Rozwadowski, 2003]. Другая традиция связана с «ранними кочевниками», т.е. с так называемыми саками из Центральной Азии, которые говорили на языке из иранской группы и были первыми настоящими номадами, освоившими верховую езду. На рубеже тысячелетий некоторые элементы наскального искусства, фиксирующиеся на юге Центральной Азии (главным образом в верховьях Инда), свидетельствуют о расширении влияния буддизма, таким образом, становясь частью идеологии Великого шелкового пути. Ислам,

одна из последних великих традиций в этом регионе, не нашел выражения в наскальном искусстве в связи с известными религиозными ограничениями. При этом расширение ислама с юга совпало в целом с формированием новой тюркской традиции на Алтае и в Саянах, которая оказала влияние на наскальное искусство, распространившееся на обширных пространствах Центральной Азии. Основываясь на имеющихся материалах, можно утверждать, что основным фактором развития наскального искусства были символические системы и системы верований, которые формировались вне официальных (государственных) религиозных кругов. Одной из таких систем, очевидно, был шаманизм. Возвращаясь к сказанному ранее, подчеркнем, что шаманизм в данном случае рассматривается не как культурный тип, а как местная символическая традиция. Если мы признаем, что это местная символическая традиция, то должны признать ее специфические особенности, связанные с культурой, а также собственную историю. Когда мы говорим о традиции, то имеем в виду ее динамику и эволюцию. Результаты исторических исследований позволяют предполагать, что шаманизм практиковался уже около 2 тыс. л.н. [Потапов, 1978]. Однако такая хронология определяется только доступными письменными источниками. Поэтому есть все основания для предположения о том, что этот шаманизм имеет более длительную историю, и он не появился внезапно около 2 тыс. л.н. Рассмотрение шаманизма как культурной традиции дает основания для поиска его следов в археологических материалах, в том числе в памятниках наскального искусства.

Следы символики шаманизма в наскальном искусстве

Вопреки позиции скептиков о невозможности идентификации шаманизма в наскальном искусстве Центральной Азии, в данной статье мы следуем точке зрения исследователей, работающих в Сибири и утверждающих, что шаманизм – это потенциальный семантический контекст, до сих пор полностью не изученный. Потому цель публикации – не в том, чтобы предложить окончательное решение данной сложной проблемы, а в том, чтобы указать на имеющиеся возможности интерпретации существующих материалов.

Этнографические исследования доказывают значительную последовательность шаманизма как с точки зрения внешнего выражения, так и в символическом плане. Это позволяет рассматривать более или менее устойчивые модели данного явления. Очевидно, фигуру шамана следует рассматривать как центральный элемент такой модели. Существенное качество шамана – это его/ее способность или даже необходимость обращения к различным мирам, где шаман преобразуется в животное. Следовательно, основные атрибуты шамана – бубен, жезл и особый костюм – символизируют животное, которое, в свою очередь, является метафорой движения в воображаемый мир духов. Это последовательная конфигурация символов, которые фиксируются на обширной территории Центральной Азии, и факт такого обширного распространения может рассматриваться как доказательство древности рассматриваемого явления. Поэтому поиск древних корней шаманизма должен осуществляться не только на уровне известных объектов, но и на уровне символов, которые могут быть даже старше, чем их различные материальные проявления.

В дискуссии о чертах шаманизма в наскальном искусстве большая часть специалистов обычно концентрируется на древнем искусстве. Однако необходимо подчеркнуть, что в Центральной Азии имеются многочисленные примеры сравнительного не-

давнего наскального искусства, отчетливо демонстрирующие традиции шаманизма. Данное обстоятельство позволяет говорить о том, что шаманизм, по крайней мере, в последние годы, стал основой символического контекста наскального искусства*. Эти «недавние» гравировки и наскальные рисунки дают возможность обнаружить многочисленные параллели в этнографически зафиксированных свидетельствах практики и верований шаманизма. Наиболее очевидными в этом плане представляются изображения атрибутов шамана – бубна, жезла и ритуального костюма (см. напр.: [Окладникова, 1988; Martynov, 1993; Devlet, 2001; Kubarev, 2002]). Такие рисунки могут быть найдены в наскальном искусстве в различных частях Сибири, преимущественно в южной части региона, на Алтае и в Саянах (имеются также свидетельства на отдаленных территориях Севера, например в Якутии [Rozwadowski, Knurenko, 2002]). На этих памятниках мы встречаем представление исторических бубнов, а также элементов характерного костюма шамана. Так как шаман слился с миром духов, пересекая границу миров, он (или она) должен был изменить внешний вид для маскировки. Поэтому, с одной стороны, ритуальная одежда служила его защитой, а с другой – являлась выражением преобразования шамана. И в связи с тем, что в потустороннем мире шаман часто смешивался с духами животных, он появлялся там в схожей форме. Поэтому кроме одежды у шамана также был ритуальный головной убор, часто имитирующий голову животного (например, с рогами, представлявшими один из наиболее характерных атрибутов).

Шаманистическая церемония была символическим путешествием. Подобно другим шаманистическим традициям, она связывалась с птицей. Принимая форму птицы, шаман поднимался до более высоких космических уровней. Птица стала метафорой нарушения различных границ действительности и скорости перемещения между ними. Так, в некоторых случаях костюм шамана символизировал только птицу [Kubarev, 2002, p. 110], в других – был обильно украшен орнитоморфными элементами, прикрепляемыми к рукавам и другим частям одежды. Эти украшения были символами духа-помощника, который в некоторых частях Сибири нередко отождествлялся с различными видами птиц. В южной части региона это чаще были орлы, филины или соколы, в то

* Несмотря на наличие нескольких подробных изображений шаманов, у нас нет возможности определить в конкретных случаях – имеем ли мы дело с «шаманским» искусством (созданным шаманом), или «шаманистическим» (не созданным непосредственно шаманом, но связанным с традицией и верованиями шаманизма). Хотя разграничение между «шаманским» и «шаманистическим» все более обнаруживается в исследованиях наскального искусства [Whitley, 2005, p. 98], необходимо подчеркнуть, что сама иконография не дает достаточных критериев для отнесения изображений к той или иной группе. Так, изображения шаманов могли быть созданы людьми, выступавшими против шаманизма (примером является бурханизм, представлявший собой важное идеологическое и религиозное движение на Алтае в XX в. и в значительной степени направленный против шаманизма) – в таком случае эти рисунки должны быть обозначены как «шаманистическое» искусство; с другой стороны, шаман мог создать гравюру животного, олицетворявшего духа-помощника, которая будет рассматриваться как «шаманское» искусство, однако из-за отсутствия других подтверждений данного контекста изображения его принадлежность к первой или второй группе не будет определена точно. Обоснованность такого разделения может быть также подвергнута сомнению на примере изображений на бубне шамана, которые были нанесены не им самим, а обычным человеком, хотя и согласно данным инструкциям [Потапов, 1947]. Должны ли изображения на бубне быть интерпретированы как «шаманистические»? В связи с представленными обстоятельствами в данной статье мы не придаем особого значения термину «шаманистический».

время как в других традициях шаманизма важную роль играли водоплавающие птицы. У последних, в связи с приписываемой им способностью преодолевать все сферы мироздания, имелась своя особая символика [Pavlinkskaya, 1994]. В наиболее распространенных изображениях мир был разделен на три области: нижний мир, земля и верхний мир, причем каждая из этих сфер могла, в свою очередь, иметь составные части. Водоплавающие птицы имели уникальную возможность находиться в каждой из сфер.

Символика костюма также отражалась на бубне, который считается наиболее четким атрибутом шамана. Бубен был не только инструментом, но также представлялся и ездовым животным, на котором шаман совершал путешествие в другой мир. После особой церемонии перевоплощения [Потапов, 1947; Vajñštejn, 1996] бубен переставал быть просто инструментом. Он становился одушевленным предметом, другой сущностью. Зачастую бубен перевоплощался в животное – чаще всего в то, из кожи которого была изготовлена мембрана. Изображения шаманских бубнов отражены в историческом искусстве.

Здесь мы затрагиваем проблему, рассмотренную ранее и состоящую в том, что изучение истории шаманизма не может быть упрощено до поиска параллелей из этнографических традиций. При таком подходе история шаманизма будет слишком короткой, по крайней мере, для рассматриваемой территории. Достаточно сложно найти явные изображения бубнов в искусстве, относящиеся ко времени ранее I тыс. н.э. Есть несколько более древних петроглифов, которые могут быть связаны с бубнами, однако интерпретация этих изображений представляет большие сомнения. Один из таких примеров был получен совсем недавно в Саянском регионе [Семенов, Килуновская, Красниенко и др., 2000]. Контекст петроглифов указывает на возможность их датировки ранее I тыс. до н.э., вероятно, они могут быть отнесены в эпоху бронзы. Эта хронология наиболее вероятна для изображения фигуры человека, держащего круглый объект [Семенов, Килуновская, Красниенко и др., 2000, табл. 31]. Его туловище покрыто выпуклыми элементами, которые могут символизировать костюм; к тому же эта фигура изображена во взаимодействии с лосем, что делает шаманистическую интерпретацию данной сцены более вероятной. Форма предмета, который находится в руках у человека, может символизировать бубен. Однако удивительно, что аналогичный рисунок круглого предмета зафиксирован в другой части этого же памятника, но только в виде отдельного изображения, без какой-либо связи с фигурой человека. Другая интересная композиция зафиксирована в юго-восточной части Казахстана: в сцене с верблюдами изображен человек, в одной руке держащий предмет, напоминающий бубен, а в другой – палку для нанесения удара по бубну [Rozwadowski, 2004, fig. 95]. К сожалению, в этом пункте скала разрушена, и нет возможности определить, имелась ли другая часть композиции и была ли она похожа на описанную выше. Так или иначе, нельзя исключать, что предмет, связываемый с бубном, на самом деле представлял собой изображение фрагмента веревки, привязанной к животному. Датировка петроглифа не была четко определена; практически нет характерных признаков, позволяющих отнести его к искусству «ранних кочевников», а также ираноязычному населению или более поздним тюркам. Вполне вероятно, что изображение относится к эпохе бронзы. Вот те немногие случаи, в которых имеющиеся наскальные изображения могут быть сопоставлены с бубнами, однако во всех случаях такая идентификация остается сомнительной. Поэтому целесообразным представляется вопрос: почему бубен не

изображался более часто, если он был настолько важным атрибутом шаманизма? Можно предложить несколько ответов. Или шаманизм не составлял семантическую основу для наскального искусства, или существовал прямой запрет на изображения таких предметов (хотя более поздние наскальные изображения не подтверждают последнюю гипотезу), или шаманизм не существовал в то время (что еще более сомнительно), или, наконец, древний шаманизм не был копией известных нам традиций, и его атрибуты, которые исследователи выделяют по этнографическим материалам, не имели такого же значения в древности. Последнее объяснение представляется наиболее вероятным, совпадая с позицией некоторых этнографов, которые полагают, что бубен стал атрибутом шаманов сравнительно недавно, вероятно, не ранее, чем в середине I тыс. н.э. [Сагалаев, 1984, с. 9]. Если это действительно так, то нам придется искать возможные характеристики шаманизма на уровне символов, а не известных исторических атрибутов (хотя и нельзя исключать, что некоторые из них могли использоваться и раньше).

Возвращаясь к бубну, следует отметить, что его символическое значение как ездового животного также может иметь значение для решения поставленного вопроса. Обычно бубен рассматривается как лошадь, на которой шаман совершал переход в потусторонний мир. Эта метафизическая поездка часто отражалась графически на мембране бубна: изображение фигуры человека, стоящего на лошади, было шаманом, путешествующим на бубне (ритуальное убийство лошади выполняло параллельную функцию – фактически принесение животного в жертву передавало дух шамана верхнему миру). Если в историческом наскальном искусстве мы сталкиваемся с изображениями атрибутов шамана, являющимися свидетельствами семантического значения шаманизма для наскального искусства, то можно предполагать, что этот символизм также имел место. Интересным примером в этом плане представляется комплекс петроглифов Оглахты на Верхнем Енисее. Установлено, что изображения относятся к XVII–XIX вв. Очевидные изображения шаманов среди рисунков указывают, что шаманизм мог быть семантической основой, по крайней мере, для части этого искусства. По мнению Л.Р. Кызласова и Н.В. Леонтьева [1980], люди, стоящие на лошадях, являются графическим выражением духовного путешествия на животном, что соответствует символике шаманизма. Gala Argent [2005] склонна видеть подобную символику и в значительно более раннем искусстве, относящемся к эпохе бронзы. Она указывает на схожие сцены, где человеческие фигуры стоят на лошадях в противопоставлении с изображениями всадников. Кроме того, Argent отмечает, что в искусстве эпохи бронзы известны также отдельные изображения лошадей, которые лишь отчасти демонстрируют намерение показать животное реалистично. Некоторые лошади изображены вверх тормашками, другие как будто застыли в движении, словно были застигнуты в момент нахождения в воздухе. Прорисованные линии, отходящие от морд некоторых из животных, весьма своеобразны и представляют большой интерес, так как данная особенность может быть связана с попыткой графически выразить смерть (уходящий «дух» – согласно этнографическим материалам, дух ритуально убитой лошади и путешествующий дух шамана были связаны). Несомненно, это является важным свидетельством, значение которого демонстрируется дополнительно данными этнографии.

Бубен мог идентифицироваться не только с лошадью, но также и с другими животными, главным образом оленем и верблюдом. Отождествление бубна с верблюдом находит подтверждение в материалах, происходящих с территории Южной Сибири

и Алтая. И это неудивительно, если мы примем во внимание, что Южная Сибирь – это область степей, экологическая ниша, создающая естественные условия для разведения и использования верблюдов в хозяйстве. Начало этого процесса может быть отнесено к эпохе бронзы, когда рассматриваемые животные «прибыли» в регион с юга, через восточную часть азиатских степей. Символическое значение верблюда в шаманизме также находит подтверждение в том числе в материалах Алтая. В Центральной Азии (Казахстан) шаманистический музыкальный инструмент, известный как *кобыз*, отождествлялся с верблюдом. Согласно легенде, первый *кобыз* был сделан из верблюжьей шкуры. Не представляется возможным определить, когда эта символика зародилась. На сегодняшний день известно весьма немного изображений инструмента в наскальном искусстве [Zhetybaev, 2002], но они не относятся к древности. Нельзя исключать, что рассматриваемая символика не слишком древняя; это относится и к традициям отождествления бубна с верблюдом на Алтае. Свидетельством южного происхождения данной традиции могут быть тибетские материалы – ритуальные бубны из ламаизма, обычно рассматриваемые в контексте добуддийского наследия Тибета и Монголии; там бубны также отождествляются с верблюдом, хоть и не только с ним [Сагалаев, 1984, с. 20].

Определенное значение в рамках нашей работы имеют также свидетельства сопоставления бубна с оленем. Некоторые исследователи полагают, что данная традиция может представлять собой самый ранний пример символического значения бубна, позже слившегося с коннотациями лошади или верблюда. Контекст, в котором такой символизм был возможен, заключался в символической функции бубна. Подобно лошади или верблюду, олень также играл роль ездового животного для шамана. Аргументом в пользу более древнего происхождения символика, связанной с оленем, может служить тот факт, что многие сибирские народы зачастую соотносят бубен с лошастью, однако изготавливают его мембрану из кожи оленя. Л.П. Потапов [1947, с. 178] предположил, что изготовление бубна из кожи жеребенка может являться недавним обычаем, так как некоторые пожилые люди утверждали, что в их времена (т.е. в XIX в.) такая практика не была позволена. Если мы принимаем следующий хронологический ряд: олень – лошадь – верблюд, то рассмотрение оленя как наиболее раннего символа путешествия шамана дает нам дополнительные материалы. В Южной Сибири известны петроглифы, на которых человек изображен стоящим на олене. Такие рисунки могут быть связаны с упомянутой выше символикой человека, путешествующего на лошади. Если мы исходим из того, что шаманизм присутствовал в культуре «ранних кочевников» I тыс. до н.э., то нельзя исключать, что у оленя, который был одним из ключевых символов у кочевников, могли быть и шаманистические коннотации (см.: [Lumer, 1999, 2002]).

Продолжая эту линию рассуждений, необходимо подчеркнуть, что церемония перевоплощения коснулась не только бубна, но и жезла [Дьяконова, 1981]. На символическом уровне это была замена бубна, или же хронологически, как предполагают некоторые исследователи, бубен заменил жезл. Отдельные ученые считают, что жезл может быть отнесен к архаичным атрибутам шаманизма, которые использовались задолго до того, как на смену им пришел бубен. Имеющиеся материалы исследований памятников наскального искусства, кажется, подтверждают эту логику. Мы уже упомянули, что в древнем искусстве довольно сложно найти изображения бубна, в то время как жезл – часто изображаемый атрибут людей, относящийся, по крайней мере, к эпохе бронзы. Данное обстоятельство имеет большое значение, так как обозначен-

ный атрибут может быть зафиксирован в композициях, которые по другим признакам связываются с символикой шаманизма. Обращаясь к упомянутым выше петроглифам, интересно отметить, что человек, нарисованный стоящим на олене, держит жезл, и кроме того, у человека изображен хвост. Последняя черта может быть интерпретирована по-разному, однако в любом случае анималистические коннотации не могут быть проигнорированы в контексте символики шаманизма [Басилов, 1984, с. 96–117]. Вернемся к данному обстоятельству позже.

Жезлы в наскальном искусстве являются атрибутами человеческих фигур не только в Южной Сибири, но также и в Средней Азии. Интересный контекст таких рисунков наблюдается в долине Тамгалы в юго-восточной части Казахстана [Rozwadowski, 2001b, 2003, 2004]. Некоторые особенности этих изображений фигур имеют большое значение для решения вопросов, поставленных в данной статье. Во-первых, они по ряду признаков соотносятся с лошастью – животным, сильно связанным с местными традициями шаманизма. На их теле и ногах выделены линии, которые подобны гриве лошади, изображенной рядом с человеком. Эти особенности рисунков могли символизировать идентификацию с лошадью или просто изображать одежду, напоминавшую облик лошади. Следует добавить, что на некоторых шаманистических бубнах (особенно, кельтских) могут быть зафиксированы подобные мотивы людей с многочисленными выступами на туловище [Иванов, 1954, рис. 80, 88–90]. Похожие изображения, вероятно, датируемые в рамках I тыс. до н.э., известны на Верхнем Енисее, также в сочетании с лошадью [Sher, 1994, surface №100]. Во-вторых, некоторые изображения фигур и мотив лошади с характерной гривой демонстрируют связь с горными расселинами, которые как будто были причиной перевоплощений. В мифологии народов Центральной Азии имеются многочисленные свидетельства восприятия горных расселин и пещер как ворот в потусторонний мир, который, в свою очередь, часто упоминается в космологии шаманизма. В-третьих, рассматриваемые изображения зачастую обнаружены в одних композициях с крупными антропоморфными фигурами, головы которых заменены очертаниями овальной формы из концентрических кругов с отходящими от них линиями. Как известно, подобные «головы» имеют большое значение в некоторых практиках, направленных на достижение состояния транса [Rozwadowski, 2001b, 2003]. Следует также добавить, что в одной из самых крупных композиций с фигурами такого типа мы можем наблюдать схожие черты с мотивами, изображенными на шаманских бубнах [Rozwadowski, 2002a, p. 969; 2004, p. 75]. Это главным образом относится к характерному мотиву в виде центральной антропоморфной фигуры, чьи руки завершаются двумя овальными формами (обычно символизирующими солнце и луну – это известно по этнографическим материалам), и ряда духов-помощников, изображенному ниже. Подобная, хотя и не идентичная структура композиции наблюдается в петроглифах, охарактеризованных нами ранее. На общие черты в этом плане указали также Л.Р. Кызласов и Н.В. Леонтьев [1980], рассматривая возможности интерпретации хакасских петроглифов. Они подчеркнули наличие аналогичного мотива, состоящего из рядов схематично изображенных людей, держащихся за руки, у которого имеются аналогии в рисунках на шаманских бубнах Алтая и Саянского региона.

Учитывая представленные выше обстоятельства, мы можем обнаружить больше черт шаманизма в петроглифах Центральной Азии, будь то какой-либо из атрибутов шаманизма (костюм, жезл) или реалии, связанные с визуализацией транса [Rozwa-

dowski, 2001b; 2004, p. 73–80]. Однако, как было отмечено в начале статьи, даже если мы признаем отражение событий транса в искусстве, у нас нет уверенности в том, был ли такой опыт связан исключительно с шаманизмом. Примером подобной ситуации является контекст экстаза в индо-иранской традиции, известный в материалах Центральной Азии [Rozwadowski, 2003]. У исследователей, рассматривающих индо-иранскую культуру, нет сомнений в том, что некоторые важные ритуальные практики арийцев предполагали опыт погружения в состояние транса. Если часть наскального искусства населения Центральной Азии была создана под влиянием индо-иранской традиции (чего нельзя исключать), то возможные графические выражения воображаемых состояний в наскальном искусстве этого времени могут быть результатом именно этого ритуального контекста, который не должен рассматриваться *sensu stricto* как шаманизм*. С другой стороны, как отмечено выше, у нас нет оснований для того, чтобы искать в древнем искусстве прямые копии реалий более позднего шаманизма. Несмотря на это, само признание формирования в древности опыта погружения в состояние транса является важным фактором, так как это может свидетельствовать о возможности существования определенных форм ритуальной практики, близких к шаманизму. Итак, искусство, в котором фиксируются черты шаманизма, главным образом связано с эпохой бронзы. Интересно, что в более раннем наскальном искусстве на рассматриваемой территории мы не находим аналогичных сюжетов. На наш взгляд, объяснение следует искать в особенностях исторического развития Центрально-Азиатского региона. Появление многочисленных новых систем верований на данной территории уже в I тыс. до н.э., вероятно, стало причиной некоторого перерыва в развитии традиций шаманизма. Результаты этнографических исследований позволяют утверждать, что практики с ярко выраженными чертами шаманизма могут быть обнаружены в различных частях Центральной Азии (см., напр.: [Басилов, 1992]), но все они существуют только в синкретичной форме; мы можем наблюдать их синкретизм с различными компонентами зороастризма и ислама – двух наиболее крупных символических систем, имеющих особое значение в истории региона.

Таким образом, первые признаки символики шаманизма могут быть обнаружены в наскальном искусстве эпохи бронзы как в Центральной Азии, так и в Сибири. Ранее мы уже упомянули, что некоторые петроглифы этого времени, исследованные в Южной Сибири, могут быть связаны с шаманизмом. Кроме того, в этом контексте нельзя не упомянуть отдельные яркие древние комплексы погребального характера, известные в обозначенном регионе, – изображения и гравировки на каменных плитах из памятника Каракол (Алтай), относящиеся к началу II тыс. до н.э. [Кубарев, 1988]. Они демонстрируют многие важные характеристики, сопоставимые с символикой шаманизма: перевоплощение человека в животное, включая символику птицы, отражавшей перевоплощенного человека (эти сюжеты получили распространение в сибирском шаманизме); головы людей украшены особыми уборами, также имеющими аналогии в практике сибирских шаманов значительно более позднего времени; руки и ноги на этих изображениях зачастую заменены когтями. Тело людей покрыто перьями или волосами. Некоторые фигуры перевоплощенных людей изображены с элементами,

* Такую точку зрения мы неоднократно высказывали, рассматривая проблему соотношения между индо-иранской традицией и шаманизмом и комментируя шаманистический контекст индо-иранской ритуальной практики [Rozwadowski, 2001a, 2002b, 2002c, 2003].

напоминающими хвосты животных – тот характерный признак, на который мы уже указывали, рассматривая петроглифы с Алтая. Подобные мотивы известны в искусстве населения окуневской культуры (напр.: [Окуневский сборник, 1997; Леонтьев, Капелько, Есин, 2006]).

Обсуждение

Итак, определение черт шаманизма в наскальном искусстве представляется довольно сложной задачей. Однако это не тот вопрос, который следует избегать или можно пропустить, так как нельзя отрицать, что шаманизм существовал и существует в Сибири. В недавних исследованиях, авторы которых выражают сомнения в возможностях интерпретации азиатского наскального искусства в контексте шаманизма [Франкфор, Якобсон, 2004], с одной стороны, справедливо критикуется слишком общее использование данного термина и иногда произвольное определение наскального искусства как шаманистического, а с другой – не всегда понятно требование обозначенных специалистов оставить попытки поиска символики шаманизма в наскальном искусстве [Франкфор, Якобсон, 2004, с. 68–69]. На наш взгляд, если шаманизм был частью культуры центральноазиатских народов, на протяжении столетий создававших произведения наскального искусства, то мы никак не можем игнорировать этот символический контекст. На сегодняшний день сложно определить, в какой степени шаманизм составил основу для образов наскального искусства. Кроме того, никто и никогда не утверждал, что все наскальное искусство Центральной Азии или Сибири было создано именно в этой парадигме, даже если символика шаманизма присутствует в приведенных выше примерах. Нет сомнений, что количество изображений в этой части Азии, которые могут быть связаны с шаманизмом (атрибуты, символика и др.), весьма ограничено, по крайней мере, по имеющимся в нашем распоряжении материалам и в рамках существующих представлений. Также очевидно, что нельзя ожидать обнаружение «чистых» характеристик шаманизма в древнем искусстве, так как динамизм данной традиции в Сибири всегда предполагал синкретический характер – известны примеры взаимодействия шаманизма с буддизмом (см., напр.: [Дэвлет, 1980, с. 244–259; Humphrey 1980]), бурханизмом или менее системными культовыми практиками, такими как алтайская «белая вера» Ак-Джан [Halemba, 2000, 2003]. Зачастую шаманизм был элементом более широкого культурного контекста, например погребального обряда, ритуала инициации, практики исцеления, рождения или даже войны, поэтому он должен быть включен в более широкий символический дискурс [Pentikäinen, 1998; Demattè, 2004]. Важно подчеркнуть, что цель настоящей статьи заключалась в попытке представить проблему в общих чертах и предложить возможные варианты интерпретации имеющихся материалов, но ни в коем случае не утверждать окончательную позицию. На наш взгляд, определение значения и роли шаманизма в наскальном искусстве требует проведения специального исследования, а не только критических замечаний, которыми ограничиваются отдельные специалисты [Francfort, 2001].

В изучении контекста шаманизма в наскальном искусстве Центральной Азии и Сибири сложились свои теоретические и этические подходы. В рамках исследований символики шаманизма в наскальном искусстве, ставших актуальными в последние два или три десятилетия, шаманизм рассматривается посредством использования универсальных определений. Шаманизм при этом трактуется в контексте феноменологических категорий. У нас нет намерения подвергнуть критике или отрицать такой

подход. Наша цель состоит в том, чтобы подчеркнуть, что в настоящее время мы имеем дело с двумя подходами в понимании шаманизма, а также отметить некоторые значения этих позиций*. Азиатский шаманизм, который традиционно рассматривается как классический, не встраивается так легко в феноменологическую модель, в которой рассматривается преимущественно шаманизм охотников-собираателей. Поэтому можно прийти к заключению о том, что проявления шаманизма в культуре должны быть изучены на примере именно таких сообществ. Однако материалы Центральной Азии демонстрируют, что здесь шаманизм на протяжении длительного времени был важным компонентом культуры кочевников, и шаманистическая символика имела большое значение в культурном типе населения. Другой важный момент состоит в том, что черты шаманизма в наскальном искусстве эпохи бронзы зачастую могут фиксироваться в степных районах или на близких им территориях. Данное обстоятельство не должно обязательно означать, что происхождение местной традиции шаманизма следует искать в кочевых и полукочевых культурах, однако его также следует учитывать. Более того, если мы соглашались с тем, что тот символизм, который может быть зафиксирован в искусстве эпохи бронзы, действительно связан с шаманизмом, то следует принять во внимание, что эпоха бронзы – это период формирования и расширения пастушеской и кочевой моделей хозяйства в Центральной Азии. Поэтому имеются основания для утверждения о том, что древний шаманизм в Центральной Азии – явление, связанное не столько с охотой, что подтверждается этнологически [Namayon, 2004b]. Кроме того, данное обстоятельство заставляет нас ограничить хронологические рамки рассматриваемого явления, так как у нас нет явных доказательств того, что история символики шаманизма может быть отнесена к более раннему времени, чем III или II тыс. до н.э. Нельзя исключать, что шаманизм мог практиковаться и ранее, однако для того, чтобы это доказать, необходимы либо новые археологические материалы, либо иные теоретические подходы.

В заключение остановимся на этическом вопросе. Шаманистическая интерпретация наскального искусства обычно основывается на материалах, происходящих с территорий, находящихся за пределами Азии, – тех, которые мы обычно обозначаем как «Запад». В рамках феноменологической концепции шаманизма, формируемой в западной культуре, мы используем подход, согласно которому у исследователей есть общая модель, применяемая для выявления шаманизма в любом культурном контексте. Однако эта модель ориентирована главным образом на изучение опыта транса. При этом транс, согласно мнению некоторых исследователей, не имел такого большого значения в азиатском шаманизме [Nowik, 1993; Namayon, 2004a]. В Азии более существенным фактором является установление контакта с миром духов, что не обязательно предполагает транс. Кроме того, шаманизм в некоторых кругах Центральной Азии рассматривается как религия. Особенно сегодня, в условиях ослабления центральной власти, местные этнические группы стремятся к восстановлению своих традиций, в том числе шаманизма [Walters, 2001; Halemba, 2000, 2003; Smyrski, 2000; Wszyński, 2000]. Поэтому в любом обсуждении шаманизма неизбежно присутствуют этический и эмоциональный факторы. Это требует большего такта от археологов. Шаманизм, который обычно имеется в виду в кругах исследователей наскального искусства, не соответ-

* Поэтому критика шаманистической интерпретации наскальной живописи эпохи палеолита из-за трудностей в идентификации шаманизма в наскальном искусстве Центральной Азии [Bahn, 2001, p. 60] представляется неоправданной.

стует тому явлению, которое понимается под шаманизмом сегодня, по крайней мере, некоторыми этническими группами и племенами Центральной Азии или Сибири. Поэтому, на наш взгляд, необходимо дифференцировать шаманизм Центральной Азии и Сибири от того шаманизма, с которым мы имеем дело, исследуя наскальное искусство. Последний мы предлагаем рассматривать как феноменологический шаманизм, а первый – обозначать как шаманизм исторический (но не «классический»). Важно подчеркнуть, что это не только вопрос термина, так как в данном случае мы имеем дело с явлениями различного характера.

Статья подготовлена в рамках научного проекта DEC–2011/01/B/HS3/02140 «Древняя история сибирского шаманизма в свете исследования наскального искусства», поддержанного фондом National Science, Польша.

Библиографический список

- Басилов В.Н. Избранные духов. М. : Политиздат, 1984. 208 с.
- Басилов В.Н. Шаманство у народов Срезней Азии и Казахстана. М. : Наука, 1992. 324 с.
- Дэвлет М.А. Петроглифы Мугур-Саргола. М. : Наука, 1980. 272 с.
- Дэвлет М.А. Петроглифы на дне Саянского моря. М. : Памятники исторической мысли, 1998. 288 с.
- Дьяконова В.П. Предметы к лечебной функции шаманов Тувы и Алтай // Сборник Музея антропологии и этнографии. 1981. Т. 37. С. 138–152.
- Иванов С.В. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX – начала XX в. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1954. 840 с.
- Кубарев В.Д. Древние росписи Каракола. Новосибирск : Наука, 1988. 173 с.
- Кызласов Л.Р., Леонтьев Н.В. Народные рисунки хакасов. М. : Наука, 1980. 176 с.
- Леонтьев Н.В., Капелько В.Ф., Есин Ю.Н. Изваяния и стелы окуневской культуры. Абакан : Хакасское кн. изд-во, 2006. 236 с.
- Окладникова Е.А. Граффити Кара-Оюка, Восточный Алтай // Материальная и духовная культура народов Сибири (Сборник МАЭ. Т. XLII). Л. : Наука, 1988. С. 140–158.
- Потапов Л.П. Обряд оживления шаманского бубна у тюркоязычных племен Алтая // Труды Института этнографии. М. ; Л. : Наука, 1947. Т. 1. С. 159–182.
- Потапов Л.П. К вопросу о древнетюркской основе и датировке алтайского шаманства // Этнография народов Алтая и Западной Сибири. Новосибирск : Наука, 1978. С. 18–19.
- Сагалаев А.М. Мифология и верования алтайцев. Центрально-азиатские влияния. Новосибирск : Наука, 1984. 120 с.
- Окуневский сборник: Культура. Искусства. Антропология. СПб. : Петро-РИФ. 1997. 358 с.
- Семенов В.А., Килуновская М.Е., Красниенко С.В., Субботин А.В. Петроглифы Каратага и горы Кедровой (Шарыповский район Красноярского края). СПб. : Б.и., 2000. 66 с.
- Франкфор А.-П., Якобсон Э. Подходы к изучению петроглифов Северной, Центральной Средней Азии // Археология, этнография и антропология Евразии. 2004. №2 (18). С. 53–78.
- Argent G. The horse in shamanic paraphernalia and ritual in Southern Siberia-Eastern Central Asia: Historical ethnography and Iron Age archaeology // Paper presented at the European Society for Central Asian Studies, Ninth Conference on Central Asia: The Local, the Regional and the Global, 12–14 September 2005, Kraków, Poland.
- Bahn P.G. Save the last trance for me: An assessment of the misuse of shamanism in rock art studies // The concept of shamanism: uses and abuses. Budapest : Akadémiai Kiadó, 2001. P. 51–94.
- Chippindale C., Taçon P.S.C. (eds). The Archaeology of Rock-Art. Cambridge : Cambridge University Press, 1998.
- Clottes J., Lewis-Williams J.D. The shamans of prehistory: Trance and magic in the painted caves. New York : Harry N. Abrams, 1998.
- Dematté P. Beyond shamanism: Landscape and self-expression in the petroglyphs of Inner Mongolia and Ningxia (China) // Cambridge Archaeological Journal. 2004. №14 (1). P. 5–23.

- Devlet E. Rock art and the material culture of Siberian and Central Asian shamanism // *The archaeology of shamanism*. London : Routledge, 2001. P. 43–55.
- Eliade M. *Shamanism, archaic techniques of ecstasy*. New Jersey : Princeton University Press, 1972.
- Francfort H.-P. Art, archaeology and the prehistories of shamanism in Inner Asia // *The concept of shamanism: uses and abuses*. Budapest : Akadémia Kiadó, 2001. P. 243–276.
- Halemba A. Świadomość narodowa współczesnych Ałajczyków // *Wielka Syberia małych narodów*. Kraków : NOMOS, 2000. P. 99–116.
- Halemba A. Contemporary religious life in the Republic of Altai: the interaction of Buddhism and Shamanism // *Sibirica*. 2003. №3 (2). P. 165–182.
- Hamayon R.N. Are «trance», «testasy» and similar concepts appropriate in the study of shamanism? // *Shamanism: critical concept in sociology*. London & New York : RoutledgeCurzon, 2004a. Vol. III. P. 243–260.
- Hamayon R.N. Shamanism in Siberia: from partnership in supernature to counter-power in society // *Shamanism: critical concept in sociology*. London & New York : RoutledgeCurzon, 2004b. Vol. I. P. 165–176.
- Hoppál M. On the origins of shamanism and the Siberian rock art // *Studies on shamanism*. Budapest : Akadémiai Kiadó, 1992. P. 132–149.
- Humphrey C. *Theories of North Asian shamanism // Soviet and Western anthropology*. London : Duckworth, 1980. P. 243–254.
- Kehoe A.B. *Shamans and religion: An anthropological exploration in critical thinking*. Prospect Heights, Illinois : Waveland Press, 2000.
- Kubarev V.D. Traces of shamanic motives in the petroglyphs and burial paintings of the Gorno-Altai // *Spirits and Stones: shamanism and rock art in Central Asia and Siberia*. Poznań : Instytut Wschodni UAM, 2002. P. 99–119.
- Lewis-Williams J.D. Agency, art, and altered consciousness: A motif in French (Quercy) Upper Palaeolithic Parietal art // *Antiquity*. 1997a. №71 (274). P. 810–830.
- Lewis-Williams J.D. *Harnessing the brain: Vision and shamanism in Upper Palaeolithic Western Europe // Beyond art: Pleistocene image and symbol*. Berkeley : University of California Press, 1997b. P. 321–342.
- Lewis-Williams J.D. *A cosmos in stone: Interpreting religion and society through rock art*. Walnut Creek : AltaMira Press, 2002a.
- Lewis-Williams J.D. *The mind in the cave*. London : Thames & Hudson, 2002b.
- Lewis-Williams J.D. & Dowson T.A. The signs of all times. Entoptic phenomena in Upper Paleolithic art // *Current Anthropology*. 1988. №29 (2). P. 201–245.
- Lymer K. Styl zwierzęcy, totemy i wizje w petroglifach Azji Środkowej // *Sztuka naskalna i szamanizm Azji Środkowej*. Warszawa : Dialog, 1999. P. 135–159.
- Lymer K. The deer petroglyphs of Arpauzen, South Kazakhstan // *Spirits and Stones: shamanism and rock art in Central Asia and Siberia*. Poznań : Instytut Wschodni UAM, 2002. P. 80–98.
- Martynov A.I. *The ancient art of Northern Asia*. Urbana-Chicago: University of Illinois Press, 1991.
- Martynov A. Rock drawings on the Bichitku-Bom hill // *International Newspaper on Rock Art*. 1993. №4. P. 20–24.
- Nowik E. *Szamanizm syberyjski*. Kraków : NOMOS, 1993.
- Pavlinskaya L.R. The shaman costume: image and myth // *Ancient traditions: shamanism in Central Asia and the Americas*. Colorado : University Press of Colorado, 1994. P. 257–264.
- Pentikäinen J. *Shamanism and culture*. Helsinki : Etnika CO, 1998.
- Rozwadowski A. From semiotics to phenomenology: Central Asian petroglyphs and the Indo-Iranian mythology // *Theoretical perspectives in rock art research*. Oslo : Novus Press, 2001a. P. 155–174.
- Rozwadowski A. Sun gods or shamans? Interpreting the ‘solar-headed’ petroglyphs of Central Asia // *The archaeology of shamanism*. London ; New York : Routledge, 2001b. P. 65–86.
- Rozwadowski A. The antiquity and dynamics of Central Asian shamanism and rock art // *The Turks*. Istanbul: Yeni Türkiye Research and Publication Center, 2002a. Vol. 1. P. 967–980.
- Rozwadowski A. Crossing the crack: flying to the cloud. Indo-Iranians, shamanism and Central Asian rock art // *Bolletino del Centro Camuno di Studi Preistorici*. 2002b. №33. P. 97–105.

Rozwadowski A. Disappearing in the cliffs: shamanistic aspects of Indo-Iranian mythology as a context for interpreting Central Asian petroglyphs // *Spirits and Stones: Shamanism and rock art in Central Asia and Siberia*. Poznań : Instytut Wschodni UAM, 2002c. P. 49–79.

Rozwadowski A. *Indoirańczycy – sztuka i mitologia. Petroglify Azji Środkowej*. Poznań : Wydawnictwo Naukowe UAM, 2003.

Rozwadowski A. Symbols through time: interpreting the rock art of Central Asia. Poznań : Institute of Eastern Studies, Adam Mickiewicz University, 2004.

Rozwadowski A. & Knurenko P. Reconsidering the rock paintings at Sinsk Village, Middle Lena River (Yakutia) // *Spirits and Stones: Shamanism and rock art in Central Asia and Siberia*. Poznań: Instytut Wschodni UAM, 2002. P. 163–172.

Rozwadowski A. & Koško M.M. (eds). *Spirits and stones: Shamanism and rock art in Central Asia and Siberia*. Poznań : Instytut Wschodni UAM (Eastern Studies Institute, University of Adam Mickiewicz), 2002.

Rozwadowski A., Koško M. & Dowson T. (eds). *Sztuka naskalna i szamanizm Azji Środkowej*. Warszawa : Dialog, 1999.

Samashev Z. *Petroglyphs of the East Kazakhstan as a historical sources*. Almaty : Rakurs, 1993.

Sher J.A. *Siberie du Sud 1: Oglakhty I-III (Russie, Khakassie)*. Serie: Repertoire des petroglyphes d'Asie Centrale, Fascicule 1. Paris : Diffusion de Boccard, 1994.

Smyrski Ł. Tuwa – w centrum kontynentu // *Wielka Syberia małych narodów*. Kraków : NOMOS, 2000. P. 149–166.

Studzitskaya S.V., Kuzminykh S.V. The Galich treasure as a set of shaman articles // *Fennoscandia Archaeologica*. 2002. №19. P. 13–35.

Vajnštejn S.I. The Tuvan (Soyot) shaman's drum and the ceremony of its 'enlivening' // *Folk beliefs and shamanistic traditions in Siberia*. Budapest : Akadémiai Kiadó, 1996. P. 127–134.

Tashbayeva K., Khujanazarov M., Ranov V. & Samashev Z. *Petroglyphs of Central Asia*. Bishkek: International Institute for Central Asian Studies, Samarkand, 2001.

Walter M.N. Introduction // *Shamanism: An encyclopedia of world beliefs, practices, and culture*. Santa Barbara : ABC Clío, 2004. P. XV–XXVIII.

Walters P. Religion in Tuva: Restoration or Innovation? // *Religion, State & Society*. 2001. №29 (1). P. 23–38.

Whitley D. *Introduction to rock art research*. Walnut Creek : Left Coast Press, 2005.

Wyszyński R. *Poczucie więzi narodowej i panmongolizm we współczesnej Buriacji // Wielka Syberia małych narodów*. Kraków : NOMOS, 2000. P. 69–98.

Zhetybaev Z. *Kazakh ethnographic engravings and baksylyk // Spirits and Stones: Shamanism and rock art in Central Asia and Siberia*. Poznań : Instytut Wschodni UAM, 2002. P. 28–32.

A. Rozwadowski

ROCK ART AND SHAMANISM: PHENOMENOLOGY, CONTEXT AND ETHICS

The article concerns studying experience of problems in the field of interpretation of rock art from the point of view of Shamanism influence. The questions considered in the publication defined need of the appeal to the general historiography of Shamanism, and also some aspects of research of this tradition in petroglyphs of various chronological periods. The analysis of the available materials received during works in the territory of Central Asia allowed to reveal some images and plots which can show influence of Shamanism on rock art of the ancient population of the region. The sites most indicative in this regard belong, mainly, to a bronze era. It is confirmed also by results of excavation of not numerous funeral complexes dated by this time. In the conclusion some ethical questions of interpretation of archaeological materials, including rock art, in the context of influence on their lines of Shamanism traditions are considered. It is offered to distinguish Shamanism as religious system of the population of Siberia and Central Asia and Shamanism which manifestations are fixed in rock art of the ancient people in these regions.

Keywords: Shamanism, rock art, Central Asia, interpretation, bronze era, symbolics.

П.О. Сенотрусова¹, П.В. Мандрыка¹, А.А. Тишкин²

¹Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия;

²Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

НАХОДКИ КИТАЙСКИХ ИЗДЕЛИЙ В СРЕДНЕВЕКОВЫХ ПАМЯТНИКАХ НИЖНЕГО ТЕЧЕНИЯ АНГАРЫ

Современные археологические исследования, проведенные на территории Приангарья (Восточная Сибирь), позволили получить существенный массив важной информации о древней и средневековой истории региона. Среди находок выявлены отдельные экземпляры, которые могут рассматриваться в качестве китайских изделий. Они зафиксированы в ходе раскопок погребальных комплексов, среди которых особое место занимает могильник Проспихинская Шивера-IV, датируемый периодом развитого средневековья. Два публикуемых предмета (зеркало и монета), изготовленные из сплава цветных металлов, изучались с помощью портативного рентгенофлуоресцентного спектрометра. Особое внимание в статье уделено китайским монетам, которые являются хорошими хронологическими индикаторами. Кроме их атрибуции, приведен круг аналогий из ближайших и отдаленных регионов. На протяжении всей средневековой истории китайские изделия представляли определенную ценность. Благодаря кочевникам они распространились на значительные расстояния. Как показал приведенный обзор, металлические предметы из Китая достигали территории нижнего течения Ангары. Однако в количественном отношении их обнаружено крайне мало.

Ключевые слова: долина Ангары, Проспихинская Шивера-IV, китайский импорт, металлические изделия, монета, амулет, рентгенофлуоресцентный анализ, развитое средневековье.

DOI: 10.14258/tpai(2014)2(10).-05

На протяжении всей средневековой истории Евразии китайские изделия представляли существенную ценность. Шелк, торевтика, монеты и другие предметы распространялись на значительные расстояния. В этом процессе определенную роль играли кочевники, проживавшие к северу от границ Поднебесной империи. В таежные районы Сибири вещи, изготовленные в китайских ремесленных центрах, попадали редко. Такая ситуация фиксируется при изучении средневековых памятников. В районе нижнего течения Ангары, где были проведены крупные исследования, обнаружено совсем небольшое количество находок, происхождение которых может быть связано с Китаем. Все они зафиксированы в погребальных комплексах и, по-видимому, отражают направление культурных контактов аборигенного таежного населения с южными этносами.

На территории средневекового могильника Проспихинская Шивера-IV в скоплении предметов №2 среди обломков неопределимых кальцинированных костей были отмечены металлические четырехлепестковые нашивки и железное антропоморфное изображение. Кроме этого, обнаружено бронзовое зеркало, которое с одной стороны имеет гладкую (лицевую) поверхность, а с другой (обратной) – узкий покатый бортик и шишку-петлю (рис. 1.-1). Диаметр изделия – 9,8 см, толщина – 0,4 см. У зеркала в одном месте по краю пробито отверстие. Четырехлепестковые нашивки и антропоморфные изображения найдены в других погребениях некрополя, что позволяет связывать скопление предметов №2 со временем функционирования могильника (в пределах XI–XIV вв. [Сенотрусова, 2013, с. 8]).

Бронзовые зеркала были широко распространены в Евразии с раннего железного века и на протяжении всего Средневековья [Тишкин, Серегин, 2011]. Для степных и лесостепных районов подобные изделия не являются редкостью и представлены существенными сериями. Однако в таежной зоне Восточной Сибири они редки. Из-

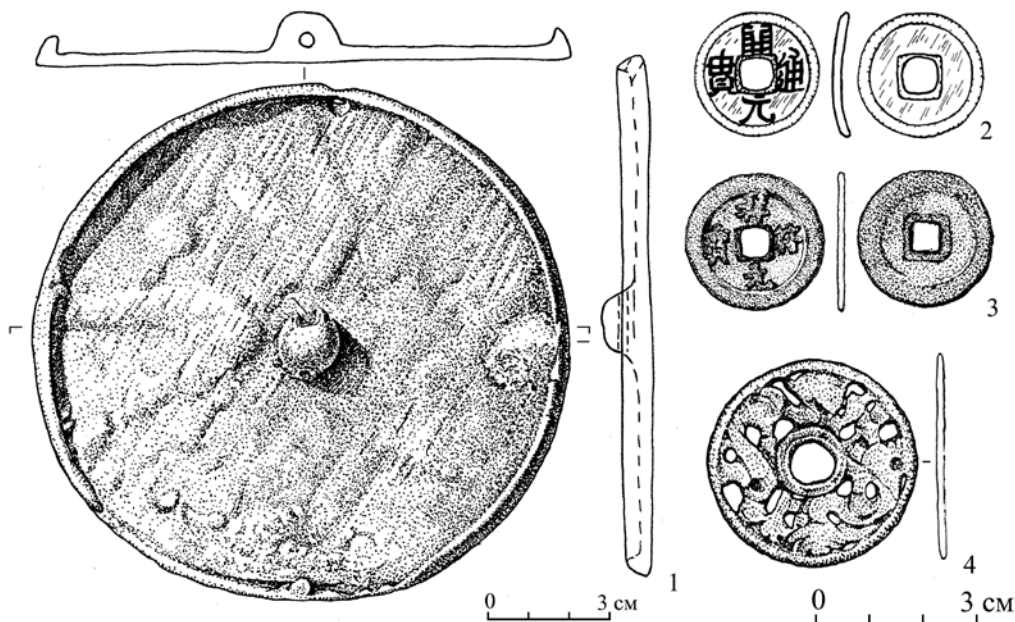

Рис. 1. Бронзовые находки с нижнего течения р. Ангары:

1, 3 – из могильника Проспихинская Шивера-IV; 2 – из могильника Кода-2 (по: [Басова, 2010]); 4 – из погребения на стоянке Проспихинская Шивера-II

вестны два небольших зеркала с петлей на обороте, найденные в районе Подкаменной Тунгуски [Андреев, 1971, с. 45]. Аналогии им имеются в тагарской культуре. В нижнем течении Ангары такое же изделие скифо-сакского времени происходит со стоянки Окуневка [Березин, 2002, с. 162].

Следует подчеркнуть, что в разные исторические периоды часть бронзовых зеркал поступала на территорию Сибири из Китая. Эти изделия использовались и для создания местных копий. Китайские экземпляры (некоторые в виде фрагментов) обнаружены в Минусинской котловине, Томском Приобье, на Алтае и других территориях [Лубо-Лесниченко, 1975; Ожередов и др., 2008, с. 148; Тишкин, Серегин, 2011, с. 99; и др.]. В этой связи встал вопрос о возможном китайском происхождении зеркала, найденного на Проспихинской Шивере-IV.

Для ответа на обозначенную задачу необходимо было установить химический состав металла, из которого отлито изделие. Исследования проводились с помощью рентгенофлуоресцентного спектрометра ALPHA SERIES™ (Альфа-2000, производство США), который имеется на кафедре археологии, этнографии и музеологии Алтайского государственного университета. Сначала тестировался участок лицевой поверхности, покрытой окислами. Получен такой поэлементный ряд: Cu (медь) – 64,52%; Pb (свинец) – 22,78%; Sn (олово) – 8,96%; Fe (железо) – 3,41%; Ti (титан) – 0,23%; Mn (марганец) – 0,1%. Затем фиксировался состав металла шишки-петли: Cu – 65,81%; Pb – 19,98%; Sn – 13,07%; Ag (серебро) – 0,52%; As (мышьяк) – 0,38%; Fe – 0,24%. На обратной стороне зеркала с помощью прибора отмечены следующие результаты: Cu – 63,87%; Pb – 22,52%; Sn – 10,44%; Fe – 2,84%; Ti – 0,33%. Все полученные сведения

демонстрируют наличие основных компонентов сплава, а также других показателей, отражающих рудные примеси и/или процессы взаимодействия изделия с окружающей средой. Для уточнения химического состава металлического зеркала на его бортике были механически удалены окислы. На подготовленном участке зафиксированы такие данные: Cu – 65,15%; Pb – 24,38%; Sn – 9,98%; As – 0,31%; Fe – 0,13%; Ni (никель) – 0,05%.

Результаты разнопланового тестирования демонстрируют то, что зеркало изготовлено из медно-свинцово-оловянного сплава с незначительным количеством примесей, вероятно, рудного происхождения. Приведенные показатели не соответствуют характерному для китайских изделий медно-оловянно-свинцовому составу, который оптимально отвечал технологическим особенностям изготовления зеркал и соответствовал функциональным потребностям при их использовании [Богданова-Березовская, 1975, с. 140–141; Тишкин, Серегин, 2011, с. 96]. В то же время, известно несколько металлических зеркал танского и домонгольского времени, в которых процентное содержание свинца в два раза превышает количество олова [Богданова-Березовская, 1975, табл. IV, с. 136–137]. Состав сплава ангарской находки близок к показателям по металлу зеркала из раннесредневекового кургана №18 памятника Шибе-II, исследованного на Алтае [Тишкин, Серегин, 2013, с. 59].

Определить время изготовления рассматриваемого предмета из могильника Проспихинская Шивера-IV достаточно сложно. По всей видимости, изделие использовалось длительный период времени, на что косвенно указывает пробитое на изделии отверстие. Не исключено применение зеркала не по его прямому назначению.

На территории Алтая время бытования зеркал с бортиком и петлей на обратной стороне, без орнамента или других изображений в основном приходилось на 2-ю половину VII – 2–3-ю четверть VI в. до н.э. [Тишкин, Серегин, 2011, с. 91]. Известные составы сплавов этих экземпляров существенно отличаются от представленного выше комплекса поэлементных показателей. По мнению Е.И. Лубо-Лесниченко [1969, с. 71], круглые зеркала с шишкой-петлей на обороте получили широкое распространение только с первых веков нашей эры. Изделия с узкими покатыми бортиками фиксируются с IV в. до н.э. [Лубо-Лесниченко, 1975, с. 49] и до XII–XIII вв. [Лубо-Лесниченко, 1975, рис. 48]. Однозначно нельзя утверждать, что характерное бронзовое зеркало, найденное на могильнике Проспихинская Шивера-IV, изготовлено в Китае. Отсутствие декора на обратной стороне, а также неважное качество и особенности состава сплава, использованного для его изготовления, в определенной мере могут свидетельствовать о местной отливке, хотя и для этого пока нет существенных доказательств. Не стоит исключать, что изделие было создано задолго до начала функционирования некрополя и длительное время использовалось, а затем оно отложилось в могильнике периода развитого средневековья.

Более уверенно к предметам китайского происхождения можно отнести несколько монет, найденных в ангарской тайге. На могильнике Усть-Кова зафиксировано погребение по обряду «трупосожжение на стороне», в котором обнаружена китайская монета «у-шу» [Леонтьев, Дроздов, Макулов, 2005, с. 130]. Диаметр изделия – 2,2 см, иероглифы выполнены в каллиграфическом стиле чжуань [Леонтьев, Дроздов, 2003, с. 409]. В указанном погребении отмечены кольчатые удила, стремяна, тесла, ножи и черешковый наконечник стрелы. Данный объект датирован IX–X вв. [Леонтьев, Дроздов, 2003, с. 410].

Монеты «у-шу» («у-чжу») отливались с 118 г. до н.э. по 581 г. н.э. и продолжали использоваться в Китае до 621 г. [Быков, 1969, с. 13; Лубо-Лесниченко, 1975, с. 175].

Они получили широкое распространение за пределами Поднебесной империи. Такие находки известны на Алтае, в Приобье, Кузнецкой котловине, Забайкалье, Монголии и на других территориях [Тишкин, Мунхбаяр, Серегин, 2009; Ковалев, Эрдэнэбаатар, Матренин, Гребенников, 2011, рис. 20.-6–8; Баринаова, 2011, с. 169; Тишкин, Серегин, 2013, с. 52; и др.]. Из ближайшей к рассматриваемому региону Приангарья стоит отметить Якутию, где монета «у-шу» была зафиксирована на контакте IV и III культурных слоев поселения Улахан Сегеленнях [Алексеев, 2013, рис. 3.-5]. Появление этой монеты (так же как и некоторых других предметов хуннского облика) на территории Якутии А.Н. Алексеев [2013, с. 67] почему-то датирует III – I-й половиной IV в. н.э.

На могильнике Кода-2 (в погребении №1) была найдена монета «кайюань тунбао» (рис. 1.-2). Кроме нее в захоронении располагались наконечники стрел, разнотипные ножи, четырехлепестковые нашивки, фрагменты керамического сосуда [Басова, 2010, с. 489].

Монеты «кайюань тунбао» стали изготавливаться в 621 г. и продолжали отливаться весь период существования Танской империи, являясь международной валютой на широкой территории [Камышев, 2008, с. 69]. Известны разные выпуски этих монет, а также многочисленные их подделки. Находки рассматриваемого типа изделий известны в материалах раннесредневековых памятников Сибири, Монголии и других регионов [Серов, 2000; Баринаова, 2011, с. 180; Тишкин, Горбунов, Горбунова, 2011, с. 63; Тишкин, Серегин, 2013, с. 54; и мн. др.]. Монета, аналогичная найденному экземпляру на Коде-2, зафиксирована в тюркском кургане комплекса Юстыд-I на Алтае. Время ее бытования определено в рамках 621–760 гг. [Кубарев, 2005, с. 138].

На могильнике Проспихинская Шивера-IV (в погребении №89) была найдена монета «сянфу юаньбао» (рис. 1.-3) (определение выполнено к.и.н. С.В. Алкиным). Диаметр ее – 2,6 см, вес – 3 грамма. Вместе с монетой обнаружены железные пластинки и шарнирный ременной наконечник, характерный для изделий аскизского круга.

Монеты с указанной легендой отливались в эпоху Северной Сун периода Да-чжун сяньфу (1008–1016 гг.). На территории Сибири находки аналогичных изделий крайне редки. Ближайшие из них известны в Якутии, где семь монет «сянфу юаньбао» входили в состав ритуальногоклада, оставленного не ранее XII в. [Степанов, 2012, с. 148, 152]. Монеты эпохи Северной Сун известны в монгольских погребениях Восточного Забайкалья XI–XIII вв. [Ковычев, 1981, с. 79], а также получили распространение на Дальнем Востоке, где они стали признанной международной валютой [Быков, 1969, с. 25] и широко представлены в чжурчжэньских материалах Приморья [Шавкунов, 1960, с. 240]. На территории Южной Сибири в материалах домонгольского времени пока известны находки только цзиньских монет [Киселев, 1947, с. 97; Кызласов, 1959, с. 78].

С помощью рентгенофлуоресцентного спектрометра определен состав сплава, из которого отлита монета, найденная на могильнике Проспихинская Шивера-IV. Сначала тестировалась поверхность, покрытая окислами. Получены следующие результаты: Cu – 60,09%, Pb – 20,29%, Sn – 19,31%, Fe – 0,31%. Затем осуществлялось механическое снятие окислов на бортике с другой стороны на небольшой площади, и уже вышеуказанным прибором был уточнен выявленный поэлементный ряд: Cu – 68,2%, Sn – 17,03%, Pb – 14,48%, Fe – 0,29%. Данные показатели позволяют заключить, что монета отлита из медно-оловянно-свинцового сплава с незначительным присутствием железа.

Невысокое содержание меди в составе монетного сплава характерно для Сунского времени. Значительный объем выпуска монет династией Сун привел к острому

«медному голоду» в стране. В различных (но небольших) количествах в сплав добавлялись свинец, олово или цинк, к 1019 г. содержание меди в монетном сплаве упало до 64% [Быков, 1969, с. 25]. По всей видимости, монета, найденная на могильнике Проспихинская Шивера-IV, является подлинной китайской отливкой. Пока это самая северо-западная находка монеты «сянфу юаньбао», происходящая из закрытого археологического комплекса Приангарья.

Еще одной находкой, заслуживающей внимания в контексте проблематики статьи, является бронзовый монетовидный амулет, найденный в погребении на стоянке Проспихинская Шивера-II. Амулет плоский, круглой формы с отверстием посередине и рельефными изображениями двух драконов с лапами и извивающимся (скручивающимся) хвостом (рис. 1.-4). Детали читаются нечетко. Очевидно, что амулет является не первой копией оригинала. Его размеры такие: диаметр – 4 см, толщина – 0,2 см.

Аналогичное изделие, но более высокого качества отливки, было найдено экспедицией под руководством С.В. Киселева при раскопках Каракорума [Elikhina, 2010, Fig. 4.-h]. На территории Сибири подобные предметы, в том числе весьма близкие по деталям отливки, хранятся в фондах Музея археологии и этнографии им. М.В. Флоринского Томского государственного университета, в Минусинском краеведческом музее им. Н.М. Мартынова, в Музее археологии им. Е.С. Аннинского (п. Подгорный, Красноярский край). Происходят такие амулеты из сборов на территории Минусинской котловины и Красноярской лесостепи. К закрытым археологическим комплексам они не привязаны.

Широкое распространение подобных амулетов связано с монгольским временем, когда тюретика малых форм с изображением драконов, заимствованная монголами в традиционной китайской символике [Крамаровский, 2001, с. 59], получает широкое распространение по всему евразийскому степному коридору. При этом наиболее популярным стало изображение извивающихся змееобразных драконов, которые могут быть соотнесены с китайским Лу-ваном – драконом-покровителем водной стихии [Крамаровский, 2001, с. 61]. Именно такие драконы и изображены на монетовидных амулетах, найденных в Сибири и Монголии.

Более конкретное определение места производства ангарского предмета, а также пути его проникновения в тайгу, возможно, будут ясны после детального анализа состава сплава, из которого он отлит, а также при сравнении с другими подобными изделиями. В данном случае уместнее говорить не о прямом китайском импорте, а, скорее всего, об опосредованном влиянии китайской изобразительной традиции на материальную культуру средневекового населения таежных районов Северной Евразии.

Как уже было отмечено, находки, происхождение которых можно было бы достоверно связать с Китаем, в Приангарье являются редкостью. С большей долей вероятности к ним относятся всего три монеты разного времени выпуска. Что касается монетовидного амулета и зеркала, то считать их подлинными китайскими вещами пока преждевременно. Для окончательного прояснения необходимы дополнительные исследования.

Сам факт нахождения китайских монет на Ангаре примечателен. Он отражает крайние точки распространения монет различных типов в Северной Евразии, а также ставит вопрос о путях проникновения этих изделий в таежную зону. Очевидно, что появление китайских монет в долине Ангары связано с территориями, расположенными к югу от нее. При этом нельзя исключать и влияние на ангарские племена со стороны юго-западных или юго-восточных соседей.

Находка в одном погребении на Проспихинской Шивере-IV вместе с монетой «сянфу юаньбао» типичного аскизского ременного наконечника позволяет предполагать, что появление этого сочетания связано с кыргызским влиянием (возможно, опосредованным). Подчеркнем, что определяющую роль Кыргызского каганата на ангарские племена исследователями отмечали неоднократно [Леонтьев, 1985, с. 135; Волокитин, Инешин, 1991, с. 146; Привалихин, 1993, с. 103; и др.]. Тем не менее фактические материалы, подтверждающие это обстоятельство, невелики, а находки изделий кыргызского облика на Ангаре единичны. Идея продвижения енисейских кыргызов в ангарскую тайгу и их прямого участия в формировании местного населения является дискуссионной. При этом нельзя отрицать проникновения отдельных предметов, характерных для кыргызского круга, что может быть связано с культурными контактами ангарского населения. Вероятно, отражением подобных процессов можно считать появление на Ангаре отдельных изделий китайского происхождения.

Библиографический список

- Алексеев А.Н. Ранние кочевники в Якутии // Вестник СВФУ. 2013. Т. 10, №5. С. 62–69.
- Баринаева Е.Б. Влияние материальной культуры Китая на процессы инкультурации Средней Азии и Южной Сибири в домонгольский период. М. : ИЭА РАН, 2011. 450 с.
- Баринаева Е.Б. Проникновение китайской материальной культуры в Южную Сибирь в домонгольское время // Вестник ТГУ. 2012. №362. С. 73–80.
- Басова Н.В. Результаты исследования средневекового могильника на стоянке Кода-2 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2010. Т. XVI. С. 488–491.
- Березин Д.Ю. Бронзовые предметы со стоянки Окуневка // История и культура Востока Азии. Новосибирск : ИАЭТ СО РАН, 2002. Т. 2. С. 161–162.
- Богданова-Березовская И.В. К вопросу о химическом составе зеркал Минусинской котловины // Лубо-Лесниченко Е.И. Привозные зеркала Минусинской котловины (К вопросу о внешних связях древнего населения Южной Сибири). М. : Наука, 1975. С. 131–149.
- Быков А.А. Монеты Китая. Л. : Сов. художник, 1969. 80 с.
- Волокитин А.В., Инешин Е.М. Новые данные по железному веку Среднего Приангарья // Палеоэтнологические исследования на юге Средней Сибири. Иркутск : ИГУ, 1991. С. 144–147.
- Камышев А.М. Введение в нумизматику Кыргызстана. Бишкек : Раритет Инфо, 2008. 188 с.
- Киселев С.В. Из истории торговли енисейских кыргызов // КСИИМК. М. ; Л., 1947. Вып. XVI. С. 94–96.
- Ковалев А.А., Эрдэнэбаатар Д., Матренин С.С., Гребенников И.Ю. Раскопки поселения Баян Булаг в Южной Гоби (ханьская крепость Шоусянчэн) // Теория и практика археологических исследований. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2011. Вып. 6. С. 58–93.
- Ковычев Е.В. Монгольские погребения из Восточного Забайкалья // Новое в археологии Забайкалья. Новосибирск : Наука, 1981. С. 73–79.
- Кубарев Г.В. Культура древних тюрков Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск : Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2005. 400 с.
- Кызласов Л.Р. Средневековые города Тувы // Советская археология. 1959. №3. С. 66–80.
- Леонтьев В.П. К вопросу о проникновении тюркоязычных компонентов в Северное Приангарье // Проблемы древних культур Сибири. Новосибирск : Сов. воин, 1985. С. 135–137.
- Леонтьев В.П., Дроздов Н.И. Новые материалы железного века со стоянки Усть-Кова в Северном Приангарье // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2003. Т. IX, ч. I. С. 408–410.
- Леонтьев В.П., Дроздов Н.И., Макулов В.И. К истории Северного Приангарья в эпоху средневековья // Археология Южной Сибири: идеи, методы, открытия. Красноярск : РИО КГПУ им. В.П. Астафьева, 2005. С. 129–131.

Лубо-Лесниченко Е.И. Бронзовые зеркала Минусинской котловины в предмонгольское и монгольское время (II–XVI вв.) // Страны и народы Востока. М. : Наука, 1969. Вып. VIII. С. 70–78.

Лубо-Лесниченко Е.И. Привозные зеркала Минусинской котловины (К вопросу о внешних связях древнего населения Южной Сибири). М. : Наука, 1975. 170 с.

Ожередов Ю.И., Плетнева Л.М., Масумото Т. Металлические зеркала в Музее археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского ТГУ: формирование и исследование собрания // Культуры и народы Северной Азии и сопредельных территорий в контексте междисциплинарного изучения. Томск : ТГУ, 2008. Вып. 2. С. 136–157.

Привалихин В.И. О погребальной обрядности таежного населения Северного Приангарья в начале II тыс. н.э. // Культурогенетические процессы в Западной Сибири. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1993. С. 101–103.

Сенотрусова П.О. Могильник Проспихинская Шивера-IV как источник для реконструкции погребальной обрядности и социальной структуры населения Северного Приангарья периода развитого средневековья : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2013. 26 с.

Серов В.В. Монеты «кай юань тун бао» с территории Алтайского края и Республики Алтай // Восьмая Всероссийская нумизматическая конференция: тезисы докладов и сообщений. М. : ГИМ, 2000. С. 47–48

Степанов А.Д. Ритуальный клад сунских монет в Якутии // Известия Лаборатории древних технологий. Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2012. Вып. 9. С. 147–154.

Тишкин А.А., Горбунов В.В., Горбунова Т.Г. Алтай в эпоху средневековья: иллюстрированный исторический атлас. Барнаул : АРТИКА, 2011. 136 с.

Тишкин А.А. Мунхбаяр Б.Ч., Серегин Н.Н. Комплексное изучение монеты «у-шу» из сомона Алтай (Ховдский аймак Монголии) // Роль естественно-научных методов в археологических исследованиях. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2009. С. 336–339.

Тишкин А.А., Серегин Н.Н. Китайские изделия из археологических памятников раннесредневековых тюрок Центральной Азии // Теория и практика археологических исследований. 2013. №1 (7). С. 49–72.

Тишкин А.А., Серегин Н.Н. Металлические зеркала как источник по древней и средневековой истории Алтая (по материалам Музея археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета). Барнаул : Азбука, 2011. 144 с.

Шавкунов Э.В. Нумизматические находки на Дальнем Востоке в 1956-1958 гг. // МИА. 1960. №86. С. 238–243.

Elikhina I. The most Interesting Artefacts from Karakorum in the Collection of the State Hermitage Museum, St. Petersburg // Mongolian-German Karakorum Expedition. 2010. Vol. 1. С. 39–47.

P.O. Senotrusova, P.V. Mandryka, A.A. Tishkin

FINDS OF THE CHINESE PRODUCTS IN MEDIEVAL SITES OF THE LOWER ANGARA WATERCOURSE

The modern archaeological researches conducted in the territory near the Angara river (Eastern Siberia) allowed to receive an important information about ancient and medieval history of the region. Among finds some finds which can be considered as the Chinese products are revealed. They are recorded during excavation of funeral complexes among which the special place is taken by a burial ground Prospikhinskaya Shivera-IV dated by the period of the developed Middle Ages. Two published subjects (a mirror and a coin) made of an alloy of non-ferrous metals were studied by means of a portable X-ray fluorescent spectrometer. The special attention in article is paid to the Chinese coins which are good chronological indicators. Except their attribution, the circle of analogies from the next and remote regions are given. The Chinese products were of a certain value during medieval history. Thanks to nomads they extended on great distances. As showed the provided review, metal subjects from China reached the territory of the lower Angara watercourse. However the quantity of such products is extremely small.

Keywords: valley of Angara, Prospikhinsky Shivera-IV, Chinese import, metal products, coin, amulet, X-ray fluorescent analysis, developed Middle Ages.

ФОРМИРОВАНИЕ ТРАДИЦИИ ВЕРТИКАЛЬНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ ПОГРЕБАЛЬНОГО РИТУАЛА НА ТЕРРИТОРИИ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ В ЭПОХУ БРОНЗЫ

Пути формирования и трансформации традиции вертикальной направленности погребального ритуала в среде андроновского населения, по-видимому, имели отношение к захоронению воинов. В синташтинских и петровских погребальных комплексах эта традиция была связана с захоронением воинов-колесничих. Образ погребальной колесницы передавался помещением частей реальной колесницы. Со временем образ колесницы становится все более символичным. Условно можно выделить два основных направления символизации. Первый вариант представлен материалами андроновского (федоровского) могильника Самара и карасукскими памятниками, где изображения лошади или колесниц наносились на плиты оградки или погребального сооружения. Второй вариант представлен андроновскими (федоровскими) погребениями с вертикально установленными деревянными столбами. Образ колесницы утрачивает сходство с реальным объектом и приобретает вид жертвенного столба, на вершине которого укреплялось колесо или его символ. Возможен и другой вариант толкования, учитывающий связь погребений с вертикально установленными столбами и обрядом кремации. Не исключено, что в ходе ритуала имела место антропоморфизация столба с помощью реальных вещей, что получило дальнейшее развитие в ирменских камнях-obelisks и оленных камнях.

Ключевые слова: евразийские степи, эпоха бронзы, памятники синташтинского, петровского типа, андроновская (федоровская) культура, карасукская культура, ирменская культура, погребальный обряд, колесница, кремация.

DOI: 10.14258/tpai(2014)2(10).-06

Введение

В эпоху бронзы формирование традиции вертикальной направленности погребального ритуала происходило на территории евразийских степей достаточно активно. Наиболее ярким примером может служить появление курганного способа захоронения, характерного для населения многих культур этого периода. Но курганы не были единственной формой выражения идеи вертикали в погребальном ритуале, у населения каждой культуры существовали свои неповторимые пути развития этой традиции и ее воплощения в ритуале. Поэтому представляет определенный интерес выяснение истоков традиции вертикальной направленности погребального ритуала в среде андроновского населения. Не исключено, что она восходит еще к синташтинской традиции, генетически предшествующей собственно андроновской.

Образ колесницы и формирование традиции вертикальной направленности погребального ритуала (памятники синташтинского и петровского типа)

Отличительной чертой синташтинского погребального ритуала, представленного прежде всего в Синташтинском большом грунтовом могильнике, является захоронение одной или нескольких пар целых костяков лошадей на перекрытии или в верхнем заполнении погребальной камеры [Генинг и др., 1992, с. 113, 119–121, 123–125, 127–128, 135, 144, 149, 162–163, 167, 180–181, 183, 200, 207]. Захоронения пар лошадей на перекрытии отчетливо противопоставлены находкам лошадей на дне могильных ям, где кости коней, как правило, представлены ритуальными комплексами, состоящими из черепов и костей ног. В ряде случаев на черепах или рядом с ними обнаружены пса-

лии. В некоторых погребениях сохранились также канавки для установки колес от колесницы. С определенной долей вероятности можно предположить, что парные захоронения целых костяков лошадей на перекрытии и ритуальные комплексы из черепов и костей ног лошадей на дне могил являются следами двух разных ритуалов, входящих в погребально-поминальный цикл. Это подтверждается материалами ряда погребений Синташтинского большого грунтового могильника, где в одних зафиксированы следы обоих ритуалов (погребения 4, 5), а в других – лишь одного из них [Генинг и др., 1992, с. 113, 120–121, 123–135, 137–140, 144–149, 155–161, 200, 207–214].

Различные исследователи неоднократно сравнивали котлован могильной ямы в таких погребальных комплексах с кузовом колесницы, запряженной парой коней, которая движется вверх, чтобы достичь неба [Кукушкин, 2006б, с. 61, 63, 65; Зданович, Куприянова, 2010, с. 148]. Дно могилы, где размещался сам умерший с колесничным инвентарем, являлось, вероятно, символическим воплощением кузова колесницы. Пара лошадей, которая располагалась над погребенным (на перекрытии или в верхнем заполнении могилы), символизировала, по-видимому, саму запряжку.

Данная традиция осмысления могильной ямы как повозки существовала уже в предшествующее время у катакомбных групп населения, что представляет для нас несомненный интерес, так как многие исследователи предполагают участие катакомбного населения в формировании памятников синташтинского типа. А.Н. Гей считает, что в раннекатакомбных памятниках Предкавказья, наряду с осмыслением входной шахты как вместилища реальной или символической повозки, получает развитие и идея отождествления камеры катакомбы с крытой кибиткой, в пространстве которой умершие располагались в соответствии со схемой «три постели». В более поздних маньчжских катакомбных культурах схема «трех постелей» деградирует, что, по мнению исследователя, свидетельствует о формировании новой парадигмы, согласно которой символическим воплощением крытой повозки-кибитки выступает уже не камера, а вся катакомба в целом. Камера мыслится как крытая часть кузова со сводчатым верхом, где и лежит покойник, обращенный лицом по направлению движения. Входная шахта рассматривается как место размещения символической запряжки, о чем свидетельствует обычай размещения именно во входных шахтах западноманьчжских катакомб костей двух-четырёх быков. Как отмечает А.Н. Гей [1999, с. 97–99], именно в катакомбных могилах западноманьчжской и восточноманьчжской катакомбных культур «... мы сталкиваемся с наиболее выработанной, законченной и в то же время оторванной от физической реальности и превращенной в символ, а потому и не распознанной до сих пор формулой, предусматривающей полное отождествление погребального сооружения и повозки».

Дальнейшую тенденцию развития данного символического образа мы имеем в синташтинских и петровских погребальных комплексах, в которых место повозки занимает колесница. В то же время на основании материалов Синташтинского большого грунтового могильника можно прийти к заключению, что данная традиция находилась еще в стадии формирования и поисков средств выражения. Об этом свидетельствуют прежде всего те погребения, где остатки полной упряжки (колесничного, колесницы и коней), составленной из частей, локализируются только на дне могилы (№30 и др.). Вектор ритуала в данном случае разворачивается в основном в горизонтальной плоскости.

Особого рассмотрения требуют синташтинские погребения, на дне которых размещалась полная упряжка, составленная из частей, а в верхнем заполнении – парное захоронение целых костяков коней. Так, в погребении 4 Синташтинского большого грунтового могильника на перекрытии размещались четыре туши коней, а на дне ямы зафиксированы два параллельных углубления для колес и два черепа лошадей. В погребении 5 на перекрытии размещалось попарно шесть туш коней, а на дне обнаружены два параллельных углубления для колес и два черепа, кости ног лошадей. Рядом с черепами сохранились остатки уздечки с костяными псалиями и застежками [Генинг и др., 1992, с. 125–126, 132–135]. Такую традицию можно определить как «колесница в колеснице», причем аналогичная ситуация отмечена для катакомбных памятников, где встречаются находки «повозки в повозке» (помещение в некоторых случаях реальных повозок в шахтах и камерах самих катакомб). Возникновение подобной ситуации А.Н. Гей определяет как «ритуальный алогизм» и предлагает объяснение, обращаясь прежде всего к хеттской традиции. При похоронах хеттского царя особая роль принадлежала двум повозкам, на одной из которых транспортировали к месту погребения тело умершего, а на другой везли его изображение. Опираясь на эту аналогию, исследователь приходит к выводу, что лиц наивысшего социального ранга в катакомбном обществе также хоронили с двумя повозками – символической и реальной [Гей, 1999, с. 102]. Подобное объяснение в определенной степени можно распространить и на синташтинские захоронения. Составленный из костей умершего и частей реальной колесницы образ колесничего помещался на дно могилы, в кузов символической колесницы, упряжкой для которой служила пара целых костяков лошадей в верхнем заполнении ямы.

В памятниках петровского типа наблюдается дальнейшее развитие традиции, связанной с символической колесницей (что является дополнительным подтверждением точки зрения тех исследователей, которые считают, что синташтинские памятники в большинстве случаев предшествуют петровским). Парные захоронения лошадей помещаются уже не в могильную яму, а выше – на дневную поверхность, нередко даже на специально насыпанную глинистую или зольную площадку, расположенную рядом с могильной ямой. Впоследствии эта площадка перекрывалась насыпью кургана (Берлик-II, Аксайман, Аяпберген, Нуртай, Ащису) [Зданович Г.Б., 1988, с. 73–76, 78–81; Ткачев, 2002, ч. 1, с. 158; Кукушкин, 2006а, с. 48; 2006б, с. 50, 59–65]. Такая площадка могла служить в ритуале границей между мирами. Таким образом, прослеживая линию развития традиции, связанной с символической колесницей, следует отметить, что вектор ритуала постепенно смещается от горизонтальной проекции к вертикальной. Подобный образ колесницы вполне мог рассматриваться как вариант мировой оси, где могильная яма соотносится с нижним миром, дневная поверхность – со средним, ритуальная площадка и насыпь – с верхним. По этой оси душа умершего, дары и просьбы жертвователей достигали обители богов и предков.

Образ колесницы и развитие традиции вертикальной направленности погребального ритуала: андроновская (федоровская) культура

Синташтинско-петровская традиция использования образа погребальной колесницы для передачи идеи вертикальной направленности ритуала позже нашла свое продолжение в андроновских (федоровских) комплексах. В могильнике Самара (Центральный Казахстан) представляет интерес ограда №3, которая имела округлую фор-

му и диаметр 4,4 м. На южной плите ограды (с внешней стороны) обнаружен петроглиф – изображение лошади и округлого тамгообразного знака неясного характера. В центре ограды находилась могильная яма, в которую впущен каменный ящик, содержащий остатки кремации. Могила ограблена, в заполнении ящика найдены фрагмент керамики без орнамента, обломок бронзовой подвески в 1,5 оборота, обтянутой золотой фольгой, каменный курант [Ткачев, 2002, ч. 2, с. 58]. При интерпретации данного погребального сооружения следует учитывать два обстоятельства. Во-первых, плита с изображением лошади находилась практически напротив торцевой юго-западной стенки ящика, а в андроновских погребениях с труположением умершие, как правило, ориентированы головой на ЮЗ. Следовательно, изображение лошади нанесено напротив головной части могилы. Во-вторых, изображение лошади нанесено с внешней стороны оградки. В таком случае погребальный комплекс ограды №3 также может рассматриваться как символический образ колесницы. Кузовом колесницы является погребальная камера, но вместо костяков коней, располагавшихся рядом с могилой, на внешней стороне оградки нанесено изображение лошади.

Относительно датировки и культурной привязки данного погребения мнения исследователей расходятся. А.А. Ткачев [2002, ч. 2, с. 64] относит этот могильник к памятникам нуринского (федоровского) типа. И.В. Ковтун считает, что в могиле нет ничего, что подтверждало или опровергало бы андроновскую принадлежность данного погребения. Он считает, что стилистические особенности изображения лошади «появляются не ранее финала II тыс. до н.э., а скорее на рубеже II–I тыс. до н.э. – в первых веках I тыс. до н.э. Следовательно, либо погребение в ограде №3 андроновское, но синхронно указанному периоду, что маловероятно, либо рисунки принадлежат постандроновской культуре. Наконец плита с рисунками могла переиспользоваться «андроновцами» (?) при сооружении захоронения. Правда, в этом случае хронология андроновского комплекса могильника Самара перестает укладываться в общепринятую периодизационную последовательность степных культур эпохи бронзы Северо-Западной Азии» [Ковтун, 2008, с. 95].

С мнением И.В. Ковтуна относительно неопределенной культурной принадлежности погребения из ограды №3 трудно согласиться. В этом погребении сочетаются две традиции – федоровская (обряд кремации) и алакульская (бронзовые подвески в 1,5 оборота, покрытые золотой фольгой). Сочетание таких признаков характерно для погребений с кремацией из некоторых федоровских могильников лесостепного Алтая. Так, в могильнике Фирсово-XIV в могиле 104 обнаружены остатки кремации и четыре подвески в 1,5 оборота. Могила 222 этого могильника представляла собой биритуальное захоронение. Костяк мужчины 20–25 лет находился в скорченном положении, на левом боку, перед лицевой частью его черепа размещались остатки кремации. Сверху на кремированных останках лежали четыре бронзовых браслета, два биспиральных бронзовых кольца, восемь подвесок в 1,5 оборота и другие украшения [Блохин, 1997, с. 51–52]. Более того, на территории лесостепного Алтая и Восточного Казахстана имеется целый ряд федоровских могильников, в которых представлены различные украшения алакульского типа [Сотникова, 2006, с. 83–84]. Однако наиболее выразительная картина зафиксирована на территории Южного Зауралья в могильнике Кулевчи-VI [Виноградов, 1984, с. 142–145]. Могила 2 кургана №3, керамика из которой имеет алакульско-федоровский облик, содержала два скопления кальцинирован-

ных костей в сопровождении украшений, в том числе алакульского типа, среди которых были и подвески в 1,5 оборота. Таким образом, вероятно, следует согласиться с мнением А.А. Ткачева о нуринской (федоровской) принадлежности погребения из могильника Самара, но следует уточнить, что в материалах погребения нашли отражение контакты алакульского и федоровского населения.

Материалы андроновской (федоровской) ограда №3 могильника Самара свидетельствуют о том, что синташтинско-петровская традиция захоронения воина-колесничего в сопровождении колесницы со временем не исчезает, но приобретает все более символический характер. Кроме того, заслуживает особого внимания способ погребения умершего в этой ограде – кремация.

***Андроновские (федоровские) погребения
с вертикально установленными объектами и обряд кремации***

Андроновские (федоровские) могильники широко представлены как в западных, так и в восточных районах распространения андроновского населения. В некоторых федоровских могильниках (прежде всего восточных районов) имеются погребения, содержащие вертикально установленные объекты, чаще из дерева, реже из камня, не связанные функционально с конструкцией внутримогильного сооружения. Деревянные столбы опирались нижним концом на перекрытие камер, а верхним выходили на уровень древней поверхности. Первая сводка подобных сооружений была сделана в статье С.А. Рахимова [1968, с. 74]. В.В. Бобров в работе 1992 г. вновь обратился к проблеме вертикально установленных объектов, таких как деревянные столбы и камни-obelisks, в погребениях эпохи бронзы Казахстана и юга Западной Сибири. Он рассматривает проявление этой традиции в памятниках андроновской, ирменской, бегазы-дандыбаевской культур и приходит к выводу, что андроновские и поздне-бронзовые деревянные столбы и камни-obelisks объединяет ряд общих признаков: вертикальная установка объекта, расположение около головы погребенного, связь с мужскими захоронениями. «Это позволяет утверждать существование между ними генетической преемственности, в основе которой лежит общая мировоззренческая идея. В семантическом контексте погребального сооружения вертикальные объекты могли олицетворять трехчленность мира и, возможно, выполняли коммуникативную функцию. Но, скорее всего, заложенная в них идея полисемантична» [Бобров, 1992, с. 56–57].

В работе Д.Г. Савинова и В.В. Боброва, вышедшей в 1995 г., сделана попытка выделить признаки, характерные для андроновских (федоровских) погребений Кузнецкой котловины, содержащих остатки кремации. Одним из таких признаков названо заполнение могильных ям материковым грунтом. Другим специфическим признаком является конструкция внутримогильной рамы из бревен. Принцип сооружения рам «в паз» связан только с погребениями по обряду кремации. Имеются отличия и в характере перекрытия. В могилах с кремацией перекрытие сплошное и однородное по размерам плаха, в могилах с труположением мощное перекрытие располагается над головой погребенного, а в ногах оно отсутствует или сделано из жердей и тонких досок [Савинов, Бобров, 1995, с. 88]. Остановимся на характеристике только одной категории андроновских (федоровских) погребений с кремацией, а именно той, которая содержала вертикально установленные столбы, и попытаемся дать интерпретацию этого ритуала.

Подобные погребения широко представлены в Кузнецкой котловине. В могильнике Ур в погребении кургана №8 при выборке пятна обнаружен деревянный столбик. Захоронение совершено в одновенцовом срубе с поперечным перекрытием, под настилом – скопление кальцинированных костей. В кургане №10 обнаружены два погребения по обряду кремации. В западной части погребений прослежены остатки поперечного перекрытия, у самого края одной из могил (?) находился вертикальный столб высотой 1,2 м, вбитый в дно ямы и возвышавшийся на 10 см выше настила. На дне погребений – берестяные подстилки, на них – остатки кальцинированных костей. В кургане №11 также обнаружены две могилы с остатками кремации. В западной части могилы 1 «на поперечном бревнышке укреплены два столбика... высотой один 25 см, другой 32 см». После удаления настила между двумя вертикально установленными столбиками был найден горшок с небольшим количеством пепла и сожженных костей человека. В могиле 2 «в западной части на поперечном бревнышке укреплен столбик, сильно истлевший, высотой 20 см». Под настилом обнаружены сильно расколотый небольшой сосуд и остатки кальцинированных костей [Ковтун, 1994, с. 123–125]. В могильнике Юрман-I в кургане №1 находились две могилы, в каждой – по два скопления кремированных костей, что свидетельствует о захоронении двух людей, и по два столба. В могиле из кургана №3 обнаружено одно скопление кальцинированных костей и, соответственно, один столб. Все столбы имели диаметр 15–20 см и опирались нижним концом на перекрытие камер. Верхняя часть столбов, судя по сохранившимся остаткам, выходила на уровень древней поверхности [Савинов, Бобров, 1995, с. 84–85]. В могильнике Танай-I в погребении 1 из кургана №7, содержавшем остатки кремации, в юго-западной части (под перекрытием) вертикально располагался столб диаметром 0,06 м. В кургане №10 зафиксированы три погребения с кремацией и вертикально установленными столбами. В могиле 2 над перекрытием вертикально установлен столб длиной 1,02 м, диаметром 0,08 м, который возвышался над уровнем материка на 0,12 м. В могиле 3, ближе к юго-западной стенке, зафиксированы два параллельно расположенных столба. Они вертикально уходили вглубь могилы до перекрытия, их верхние части были выше материка на 0,15–0,18 м. На дне могилы обнаружены два скопления кальцинированных костей, что позволило предполагать, что в ней захоронены останки двух человек. В могиле 4, ближе к центру, зафиксированы остатки двух вертикальных столбов, которые уходили вглубь до перекрытия. Верхняя часть столбов возвышалась над материком на 0,18 м. В могиле находилось два скопления кальцинированных костей, что свидетельствует о захоронении двух человек по обряду кремации. В погребении кургана №2 могильника Титово, содержавшем остатки кремации, деревянная рама внутримогильного сооружения была перекрыта поперек восемью горбылями. От первого, расколотого вдоль бревна перекрытия, на поверхность выходил сук. Он возвышался, как столбик, над уровнем материка на 0,12 м в юго-западной части могилы по ее центральной оси [Бобров, Михайлов, 1989, с. 12, 22–23, 25–26]. В Минусинской котловине в могильнике Ланин Лог подобные захоронения с кремацией обнаружены в двух погребениях из кургана №1. В юго-западном углу могилы 1 следы деревянного столба диаметром 6–8 см фиксировались на глубине от 20 до 40 см от погребенной почвы, нижняя часть доходила до перекрытия. В могиле 3 прослежены остатки вертикально установленного столбика диаметром 10–12 см, верхняя часть которого начиналась с глубины 40 см, а нижняя доходила

до перекрытия сруба [Рахимов, 1968, с. 72, 74]. В могильнике Боровое (Северный Казахстан) в погребении из ограды №8 у северо-западной стенки ямы на глубине 0,8 м от поверхности обнаружены два вертикально расположенных деревянных столбика, а на дне у северо-восточной стенки – слой пережженных костей человека [Оразбаев, 1958, с. 235]. В Южном Зауралье в могильнике Сухомесовский погребение из кургана №7 содержало захоронение по обряду кремации. При выборке могильного пятна «в одном месте, вероятно, в юго-западном углу могильной ямы, С.Н. Дурьлин отметил вертикальную волокнистость древесных остатков, что, возможно, указывает на наличие столбов» [Андроновская культура, 1966, с. 33]. Курган №7 могильника Урефты-I (Южное Зауралье) содержал две могилы с кремированными останками. По мнению исследователей, это были два одновременных захоронения, сделанных в общем углублении. В могиле 1 у южной стенки обнаружены остатки двух березовых бревен, стоявших вертикально [Стефанов, Днепров и др., 1983, с. 159–161].

Намного реже столбовые конструкции встречаются в федоровских погребениях по способу ингумации. Такие погребения обнаружены в основном в Кузнецкой котловине (Титово, Васьково-5) и на Среднем Енисее (Каменка-II, Орак, Усть-Ерба). Материалы некоторых из них позволяют определить местонахождение столба по отношению к костяку и половозрастную принадлежность погребенного. Погребение из кургана №4 могильника Титово содержало захоронение мужчины в возрасте около 25 лет головой на ЮЗ. У юго-западного края ямы, почти посередине, обнаружены остатки деревянного столба, уходящего вглубь до перекрытия, фрагменты верхней части находились на глубине 1,2 м (при общей глубине ямы 1,7 м). В могиле 4 кургана №6 того же могильника на дне находился костяк мужчины в возрасте 50–60 лет головой на ЮЗ. Возле юго-западной стенки по центральной оси ямы находились остатки столба диаметром 0,1 м, высотой 1,1 м. В кургане №1 могильника Васьково-5 обнаружены два подобных погребения. В могиле 1 захоронен мужчина головой на ЮЗ. В юго-западной части могилы находился вертикальный столб диаметром 0,08 м и длиной 1,2 м. Могила 2 содержала два костяка – мужчины и женщины, оба головой на ЮЗ. В юго-западной части ямы находились остатки деревянного столба, верхняя часть которого оказалась выше уровня материка на 0,11 м. Столб уходил вглубь могилы до деревянного перекрытия. Могила из кургана №2 содержала захоронение мужчины головой на ЮЗ. По центру, около юго-западной стенки, сохранились остатки деревянного столба диаметром 0,12 м и длиной 0,80 м. Нижняя часть столба доходила до перекрытия [Бобров, Михайлов, 1989, с. 13, 18, 27–29]. Таким образом, погребения с ингумацией позволяют установить, что столбы помещались в головах умерших мужского пола в возрасте от 25 до 50–60 лет, т.е. это люди зрелого и старшего возраста.

На Среднем Енисее подобные погребения встречаются намного реже. Кроме того, они менее информативны и менее однородны по составу погребенных. В могильнике Орак столбы зафиксированы в двух погребениях с труположением, но нет сведений о расположении столба относительно костяка. Могила 5 содержала захоронение женщины в сопровождении украшений. В могиле 8 обнаружено захоронение мужчины 35–40 лет [Комарова, 1961, с. 34–35]. В могильнике Каменка-II столбы зафиксированы во всех трех погребениях ограды 24. В могиле 1 в юго-западной части стоял вертикальный столб диаметром 8–10 см, сохранившийся на высоту 1,8 м, который несколько не доходил до перекрытия сруба. В ней была захоронена женщина 35–40 лет,

лежащего головой на ЮЗ. В могиле 2, в юго-западной части, зафиксирован столб диаметром 15–20 см, сохранившийся на высоту 1,8 м. На дне – скелет мужчины 30–35 лет, головой на ЮЗ. В могиле 3, в юго-западной части, сохранились остатки столба диаметром 8–10 см, сохранившийся на высоту 1,8 м. В могиле захоронены женщина 20–25 лет головой на ЮЗ и ребенок [Максименков, 1978, с. 42]. Создается впечатление, что на Енисее столбы связаны как с захоронением мужчин, так и с захоронением женщин. Но существует и другое мнение. В.В. Бобров считает, что на Енисее погребения со столбами связаны в основном с захоронением мужчин. Он отмечает, что «... для среднеенисейских памятников этот факт устанавливается по орнаментации посуды, отражающей половой диморфизм» [Бобров, 1992, с. 55].

В ходе сопоставления погребений по обряду кремации и ингумации, содержащих вертикально установленные столбы, обращает на себя внимание следующая особенность. Среди погребений с кремацией преобладают коллективные захоронения, а среди погребений с ингумацией – одиночные.

Для интерпретации этого обряда представляется возможным привлечь сведения из древнеиндийской «Питримедхасутры» Баудхаяны, которые приводятся в работе Е.Е. Кузьминой [2008, с. 140] и в рецензии С.В. Кулланды [2010, с. 204] на английское издание этой книги. Если дважды рожденный (к этой категории населения относилась и варна воинов-кшатриев. – С.С.) умирал на чужбине, то собирали 33 кости разных частей скелета, заворачивали их в шкуру черной козы и транспортировали на родину, где и совершали обряд кремации. Таким образом, зафиксированный в андроновских погребениях с вертикальными столбами обряд кремации может свидетельствовать о принадлежности этих захоронений воинам, погибшим на чужбине, отдельные кости которых были доставлены на родину для совершения ритуала кремации. Дополнительным подтверждением принадлежности подобных погребений воинам являются находки в кургане №7 могильника Урефты-I, который содержал два одновременных захоронения с кремацией, сделанных в общем углублении. В каждой из могил найдено по бронзовому двулезвийному ножу, а в могиле 1 к тому же обнаружены у южной стенки остатки двух березовых бревен, стоявших вертикально [Стефанов, Днепров и др., 1983, с. 159–161].

Не исключен и другой вариант: «андроновцы» сжигали тело умершего воина на чужбине, а на родину доставлялись уже кремированные останки. Это положение может быть подтверждено характером находок кремированных костей в могильнике Юрман-I. Так, в могиле 1 кургана №1, где находились прах двух кремированных людей и два столба, «в момент раскопок трупосожжения представляли собой овальные в плане (размером 0,5х0,3 м) скопления мелких фрагментов кальцинированных костей, золы и угля, очевидно первоначально помещенные в специально сделанные деревянные обкладки, от которых на дне камер сохранились деревянные плашки, ограничивающие место, куда были положены кремированные останки». В могиле из кургана №3 того же памятника обнаружено одно трупосожжение, помещенное между двумя деревянными плашками [Савинов, Бобров, 1995, с. 85]. В кургане №10 могильника Ур в обеих могилах кальцинированные кости располагались на берестяной подстилке. Возможно, деревянные плашки и берестяные подстилки представляли собой фрагменты емкости, в которой кремированные останки воина транспортировались для захоронения на родине. Кроме того, для транспортировки кремированных остан-

ков могли использоваться и сосуды, устанавливаемые в погребениях. Это предположение подтверждается фактами обнаружения в некоторых сосудах остатков кремации. Так, в могильнике Ур (могила 1, курган №11) между двумя вертикально установленными столбиками был найден горшок с небольшим количеством пепла и сожженных костей человека. Помещение кремированных останков в сосуд встречается и в тех федоровских могильниках, где вертикально установленные столбы не зафиксированы (прежде всего это памятники Центрального Казахстана). В ограде №3 могильника Шет-I в одном из погребений кремированные кости были помещены в сосуд. В ограде №10 могильника Сангру II в грунтовой яме найдена нижняя часть сосуда, заполненная кальцинированными костями [Кадырбаев, Курманкулов, 1992, с. 90, 109]. В могильнике Уйтас-Айдос (могила 4, ограда №2) в юго-западном углу погребальной камеры стоял сосуд, наполовину заполненный утрамбованными кремированными костями, а вдоль южной стенки располагалась антропоморфная выкладка из обожженных костей [Усманова, Варфоломеев, 1998, с. 47]. В могильнике Бурлук-I (Северный Казахстан) в ограде №9 под камнями в ямке найден развал сосуда с пережженными костями [Зданович, 1988, с. 87].

Возможно, для этой же цели – транспортировки кремированных останков на родину – служили и глиняные блюда подпрямоугольной формы, нередко с выступами по углам. Они характерны для погребений с кремацией западных районов распространения андроновского (федоровского) населения. В погребении из кургана №6 могильника Сухомесовский (Южное Зауралье) в западной части могилы находилось глиняное блюдо с вертикальными выступами-ручками. В блюде в смеси с землей, заполнявшей могилу, найдено около 20 мелких кусочков горелых человеческих костей [Андроновская культура, 1966, с. 33].

В таком случае вполне объяснимым становится коллективный характер погребений с кремированными останками. Вероятно, в ходе военных походов или набегов нередко погибало сразу несколько воинов, поэтому при возвращении на родину устраивались коллективные похороны погибших.

Для интерпретации находок вертикальных деревянных столбов в андроновских (федоровских) погребениях с кремацией представляется возможным привлечь аналогии из культуры индоиранских народов, так как индоиранская принадлежность андроновского, синташтинского и петровского населения сейчас признается большинством исследователей. У ведийских ариев существовал ритуал *ваджанея*, включающий гонку на колесницах, во время которой жрец-брахман вращал по ходу солнца колесо, насаженное на вкопанный в землю шест. Другим значимым моментом этого ритуала было восхождение царя по ступенькам на жертвенный столп – *юпа*. Рукой он должен был коснуться наверху столба в форме колеса и провозгласить: «Мы достигли неба» [Альбедиль, 2005, с. 168; Васильков, 1996, с. 105]. В «Ригведе» имеется следующее описание жертвенных столбов (III, 8, 10): «Они выглядят, как рога рогатых (животных), / Столбы с навершиями, (стоящие) на земле. / Прислушиваясь к переключке жрецов, / Пусть помогут они нам в состязаниях!». Б.Л. Огибенин [1968, с. 83] в комментарии к этому тексту отмечает, что на вершину жертвенного столпа насаживалась круглая капитель. Связь столба с ритуалом, включавшим такой вид состязаний, как гонка на колесницах, позволяет предполагать, что жертвенный столб, с укрепленным на вершине колесом когда-то служил для передачи образа символической колесницы,

которая, соответственно, выполняла функции мировой оси и помогала просьбам жертвователей достичь Неба.

Возвращаясь к андроновской (федоровской) традиции, можно предположить, что в погребениях на перекрытие не просто устанавливался столб, но на его вершину во время отправления ритуала укреплялось колесо или его символ, и все сооружение воспринималось как символическая колесница, помогающая душе погибшего воина достичь Неба. В пользу этого утверждения свидетельствует факт принадлежности андроновских могил с вертикально установленными объектами погребенным мужского пола. Не исключено, что эта традиция восходит еще к обрядовой практике синташтинского и петровского населения (генетических предшественников андроновского), для которой было характерно помещение в могилы воинов частей реальной колесницы. По-видимому, со временем у андроновского населения образ колесницы в ритуале становится все более символическим. Постепенно он утрачивает сходство с реальным объектом и приобретает вид жертвенного столба, на вершине которого, возможно, укреплялось колесо или его символ.

Возможен и другой вариант толкования, учитывающий связь погребений с вертикально установленными столбами и обрядом кремации. В ходе кремации происходило уничтожение облика умершего. Столбы использовались для восстановления утраченного образа, на них во время отправления ритуала размещались одежда, украшения или оружие погибшего воина. Таким образом, столб с вещами служил заместителем умершего во время отправления ритуала. Вероятно, для этой же цели «андроновцы» прибегали к антропоморфизации кремированных останков [Сотникова, 2007, с. 7–11]. По-видимому, здесь мы имеем дело со «скрытой» стороной или с «археологией ритуала», по выражению Д.Г. Савинова, который отмечает, что «изучение погребальных комплексов, наряду с материальным выражением культуры, иначе говоря – «археологией артефакта», неизбежно сталкивается с еще одной, скрытой стороной археологических исследований, условно определяемой как «археология ритуала». Она в значительно меньшей степени обеспечена вещественными материалами и может быть восстановлена только в реконструированном виде и то, как правило, предположительно» [Савинов, 2013, с. 42]. Но кремация не только уничтожала облик человека, она отделяла смертную телесную оболочку от бессмертной души-дыхания. Вертикальные столбы служили для воплощения того пути, по которому бессмертная душа могла достичь неба.

***Образ символической погребальной колесницы:
карасукская культура***

На территории южной части Западной Сибири представляется возможным проследить дальнейшее развитие андроновской традиции создания символической погребальной колесницы. Эта традиция получает развитие в памятниках карасукской культуры, сформировавшейся при участии андроновского (федоровского) населения этого региона. Одним из наиболее ярких и сложных памятников эпохи поздней бронзы Среднего Енисея являются погребальные петроглифы с изображением различных типов колесниц и повозок. Как правило, подобные петроглифы являлись частью надземных или подземных каменных погребальных сооружений и, по мнению Е.Е. Филипповой [1992, с. 90], «выполняли определенную смысловую нагрузку во время сложных ритуалов, связанных с погребальным обрядом племен карасукской эпохи». Наиболее

выразительные находки были сделаны в могильнике Хара хая (XII–X вв. до н.э.). Сложная композиция из погребальных колесниц была представлена на небольшой плитке от разрушенного каменного перекрытия погребальной камеры. Центральное место на ней занимает плановое изображение распряженной колесницы с двумя небольшими платформами овально-вытянутой формы и четырьмя отсеками. Первая платформа расположена по центру колесной оси, концы которой завершаются небольшими круглыми четырехспицевыми колесами. Вторая выдвинута немного вперед, соединена с первой, и от нее отходит короткое прямое дышло. Перед колесницей находится схематическое изображение антропоморфной фаллической фигуры. Е.Е. Филиппова считает, что наличие второй платформы по-иному определяет функциональное назначение колесницы. Фигура умершего человека и колесница объединены сложным ритуалом, связанным с той частью погребального обряда, который предшествует погребению, а сама колесница является ритуальной повозкой. Более того, Е.Е. Филиппова [с. 90, 92] приходит к заключению, что все погребальное сооружение, где обнаружена плита с рисунками колесниц, связано с погребением воина-колесничего.

Другая каменная плита с изображениями колесниц карасукской эпохи была найдена в переиспользованном состоянии на одном из курганов раннетагарского могильника близ улуса Нижняя База (Хакасия). На плите четко различимы изображения трех колесниц-двуколок. Они показаны следующими друг за другом от правого нижнего к левому верхнему углу. Все колесницы распряжены и имеют дышла с треугольными распорками. Нижняя – легкая колесница с большими колесами с четырьмя спицами. Следующая – большая тяжелая колесница на маленьких дисковидных колесах. Верхняя колесница представляет собой как бы промежуточный вариант между двумя предыдущими: показана площадка легкой повозки и маленькие дисковидные колеса тяжелой. С.Н. Леонтьев [2000, с. 12–13] считает, что «здесь изображены три типа одноосных колесниц карасукской эпохи – легкая, средняя и тяжелая. Они выполнены в единой стилистической манере и, возможно, связаны одним сюжетом. При первоначальном положении плиты колесницы были направлены вертикально вверх, от земли к небу.

Таким образом, со временем образ погребальной колесницы становится все более символичным, что нашло выражение в изображении лошади на плите оградки №3 могильника Самара с андроновской (федоровской) могилой, а в дальнейшем – в изображении колесниц на каменных плитах погребальных сооружений в карасукских памятниках. По-видимому, в андроновский и карасукский периоды такие погребальные комплексы также были связаны с захоронением воинов-колесничих, а символическая погребальная колесница служила средством отправления души умершего в верхний мир.

Традиция вертикальной направленности ритуала: ирменская культура и культуры оленных камней

Дальнейшее развитие андроновская традиция установки в погребения вертикальных столбов получила, по мнению В.В. Боброва [1992], в эпоху поздней бронзы в памятниках ирменской культуры, сформировавшейся при участии андроновского населения. В ирменских могильниках Кузнецкой котловины (Журавлево-IV, Танай-VII) представлена значительная серия камней-обелисков, которые имеют разную форму, но выделяются два устойчивых типа – прямоугольные плиты со скошенной вершиной

и круглые в сечении с приостренной вершиной. Их устанавливали на покрытие возле той стенки, где была расположена голова умершего. Обнаружены они только в погребениях мужчин от 25 до 35 лет. В.В. Бобров [1992, с. 55–57] считает, что те из них, которые имеют вид круглых столбов, могут восходить еще к андроновским деревянным столбам. В свою очередь, андроновские деревянные столбы и ирменские камни-obelisks обоих типов исследователи сопоставляют с «оленными» камнями [Бобров, 1992, с. 57; Савинов, Бобров, 1995, с. 88]. Однако, как отмечает В.В. Бобров [1999, с. 22], в ирменских комплексах преобладают плоские камни со скошенной вершиной к узкой стороне, которые однотипны по форме камням-obelisks, зафиксированным в ряде курганов «раннескифского» времени Горного Алтая (Тыткескень-VI, кург. 55; Бийке, кург. 9, 17, 19, 20, 24).

Значительно более близкое сходство с андроновскими столбами имеет обломок круглого в сечении «оленного» камня, обнаруженный в кургане Аржан. Он найден среди камней, образовавших насыпь кургана, посередине камеры 34а, поверх остатков потолка [Грязнов, 1980, с. 39–41, рис. 29.-2]. Как отмечают исследователи, этот «оленный» камень необычен по форме и размерам. Он является средней частью сломанной столбообразной стелы правильной цилиндрической формы. Его диаметр равен 18 см, а длина – 30 см. По-видимому, вся длина камня составляла около 1 м. Он обработан со всех сторон и напоминает круглый деревянный столб. М.Е. Килуновская и Вл.А. Семенов [1998, с. 147–148] высказали предположение, что именно это обстоятельство натолкнуло М.П. Грязнова на мысль, что первые «оленные» камни делались из дерева. М.П. Грязнов [1978, с. 15; 1980, с. 54–55] написал по этому поводу следующее: «Оленный камень Аржана принадлежит, видимо, к ранним антропоморфным стелам Тувы и Монголии. Можно предполагать, что древнейшими были круглые столбообразные стелы, имитирующие изображения воинов и первоначально изготовлявшиеся из круглых стволов дерева». Он считал, что рисунки на них первоначально наносились краской [Грязнов, 1984, с. 78–79].

Представляет несомненный интерес тот факт, что в могильнике Аржан имелись и вертикально установленные деревянные столбы. К.В. Чугунов [2007] отмечает, что в публикацию материалов раскопок этого кургана было помещено незначительное количество чертежей и фотографий. При работе в научном архиве ИИМК РАН им были обнаружены данные, имеющие непосредственное отношение к рассматриваемой теме. В камерах 29 и 31 находились два вкопанных деревянных столба. Эти камеры расположены одна за другой к северо-востоку от центрального сруба, при этом в клетке 31 кроме лошадей найдены две колоды с погребенными людьми – могилы 15 и 16. К.В. Чугунов [2007, с. 110] считает, что вертикальные столбы, вкопанные один за другим радиально относительно центра, могли являться стелами, аналогичными по смысловой нагрузке «оленным» камням. «Если допустить, что круглый в сечении оленный камень стоял в центре над основной погребальной камерой, то картина радиального ряда стел будет полной».

Л.С. Марсадоловым [2005] был изучен комплекс ритуальных кольцевых выкладок у горы Кош-Пей (Уюкская котловина), в котором открыты четыре ямы диаметром 55 см и глубиной 80 см, в одной из которых были остатки деревянного столба. В остальных, по предположению исследователя, должны были стоять оленные камни, которые найдены на склонах этой горы [Марсадолов, 2005, с. 301–311]. Подобный ритуальный

комплекс исследован под горой Чарга (правобережье Улуг-Хема). Цепочка из семи ритуальных кольцевидных выкладок была вытянута по линии Ю–С. К западу от одной из выкладок лежал «оленный» камень. Эта выкладка была раскопана, и в центре обнаружены остатки деревянного столба. К востоку найдено основание еще одного «оленного» камня. Исследователи относят ритуальный комплекс и «оленный» камень к «раннескифскому» времени – VIII–VII вв. до н.э. [Килуновская, Семенов, 2014, с. 38–39].

Сходство «оленных» камней с андроновской традицией проявляется также в семантическом плане. Большинство исследователей признается, что на «оленных» камнях запечатлен образ мужчины-воина. Как отмечал М.П. Грязнов [1984, с. 76], «основной сюжет изображений на оленных камнях – фигура воина, вероятно, героя-воина, весьма условно, схематически показанная. На столбообразном камне, круглом, овальном или прямоугольном в сечении, совершенно отсутствуют детали человеческой фигуры. Обычно нет и намек на голову, плечи, шею, руки, ноги. Линиями, полосами, кружками намечены лишь части одежды и оружие... На месте лица – три или две косые черточки». Д.Г. Савинов [1994, с. 147] отмечает, что «оленные камни несомненно изображают человека, причем, судя по наклонным параллельным линиям на лицевой стороне, мертвого человека, т.е. существующего в «другом» измерении. Вполне вероятно, что в этом плане они могли ассоциироваться с самими покойными, представляя их ипостась после пересечения грани, разделяющей мир живых и мертвых. В то же время это не просто изображение человека, а сакрализованный образ...».

Однако, в отличие от андроновской традиции в культурах, связанных с установкой «оленных» камней, захоронения совершены по обряду ингумации. Но, вероятно, представление о смерти как разрушении образа и необходимости его восстановления в погребальном ритуале сохранялось. Для этой цели «андроновцы» прибегали к антропоморфизации кремированных останков либо деревянных столбов с помощью реальной одежды, украшений, оружия, а создатели «оленных» камней – к антропоморфизации каменных стел. В то же время «оленные» камни как бы совмещали в себе две ипостаси умершего – антропоморфный облик, связанный с телесной оболочкой, и вертикальную ось, передающую движение бессмертной души в верхний мир. Особый акцент на вертикальную направленность ритуала в погребениях, связанных с захоронением воинов, может быть связан с представлениями о существовании особого небесного «рая» для воинов, погибших в бою, наподобие скандинавской Вальгаллы [Мелетинский, 1997, с. 212].

Связь «оленных» камней с погребальным культом не вызывает сомнения, однако форма их участия в ритуале могла быть различной. Функциональное назначение «оленных» камней, установленных на площади курганов, по мнению Д.Г. Савинова [1994, с. 147], заключалось в том, что «... они олицетворяли собой вертикальную «ось» мира и были предназначены для передачи регламентированных ритуалом ценностей и жертвоприношений».

А.А. Ковалев, И.В. Рукавишников, Д. Эрдэнэбаатар [2014, с. 50–51] на основании изучения оленных камней из Центральной и Западной Монголии приходят к выводу, что «оленные камни использовались в качестве кенотафов – памятников, изображающих реальных людей, по каким-то причинам не погребенных в курганах-херексурах».

Исследования последних лет, прежде всего на алды-бельском могильнике Бай-Даг-8 (курган №1), выявили традицию горизонтального расположения оленных камней.

Основу кургана составляли три округлые ограды из вертикально установленных каменных плит, в пределах которых осуществлялись захоронения. На площади центральной ограды №2 обнаружены два «оленных» камня, уложенные горизонтально на древнюю дневную поверхность, «верхней» частью направленные на восток [Ковалев, Рукавишникова, Эрдэнэбаатар, 2014, с. 51–52]. Значительный интерес представляет наблюдение, что «камни не имеют следов установки вертикально и были явно уложены намеренно и перекрыты насыпью в момент завершения комплекса центрального сооружения» [Рукавишникова, 2013, с. 219]. Как отмечают исследователи, «при сооружении насыпи, «запечатавшей» погребальные площадки, оленные камни были «отправлены в мир иной» вместе с реально погребенными в кургане людьми» [Ковалев, Рукавишникова, Эрдэнэбаатар, 2014, с. 53]. Однако в этом случае мы, вероятно, имеем дело со «скрытой» стороной ритуала. Поэтому нельзя исключать предположения, что во время совершения погребально-поминальных обрядов с использованием этих изваяний они могли быть установлены в вертикальном положении.

Таким образом, ирменские камни-obelisks свидетельствуют о том, что андроновская традиция установки вертикальных деревянных (реже каменных) столбов в погребениях мужчин-воинов оказалась довольно устойчивой во времени. Вопрос о генезисе «оленных» камней пока остается открытым. Однако мнения большинства исследователей сходятся в том, что «оленные» камни служили для воплощения образа погибшего воина. В связи с этим несомненный интерес представляет точка зрения Д.Г. Савинова [1994], который возводит генезис «оленных» камней второй группы (по его же классификации), связанных непосредственно с погребениями, к андроновской традиции. В частности, он отмечает, что «... глубинные истоки семантики оленных камней, найденных в погребениях (или установленных на площади курганов около погребений), следует искать (через андроновские прототипы) в индоиранской мифологии и культовой практике» [Савинов, 1994, с. 143, 146, 150].

Заключение

Пути формирования и трансформации традиции вертикальной направленности погребального ритуала в среде андроновского населения, по-видимому, имели отношение к захоронению воинов. В синташтинских и петровских погребальных комплексах эта традиция связана с захоронением воинов-колесничих. Образ погребальной колесницы передается помещением частей реальной колесницы, но уже появляется тенденция к символизации, когда погребальная камера выступает как кузов символической колесницы, упряжкой для которой служит пара целых костяков лошадей в верхнем заполнении или рядом с ямой. В синташтинско-петровский период вектор ритуала постепенно смещается от горизонтальной проекции к вертикальной. Со временем образ погребальной колесницы становится все более символическим. Условно можно выделить два основных направления символизации.

Первый вариант представлен материалами ограды №3 андроновского (федоровского) могильника Самара (Центральный Казахстан) и карасукскими памятниками, где изображение лошади или колесниц наносилось на плиты оградки или погребального сооружения.

Второй вариант представлен андроновскими (федоровскими) погребениями с вертикально установленными деревянными столбами и остатками кремации, проис-

ходящими в основном из могильников юга Западной Сибири. По-видимому, со временем у андроновского населения образ колесницы утрачивает сходство с реальным объектом и приобретает вид жертвенного столба, на вершине которого, возможно, укреплялось колесо или его символ. Возможен и другой вариант толкования, учитывающий связь погребений с вертикально установленными столбами и обрядом кремации. Можно предположить, что столбы служили для восстановления уничтоженного огнем образа, и на них во время отправления ритуала размещались одежда, украшения или оружие погибшего воина. Таким образом, столб с вещами служил заместителем умершего во время отправления обряда. Вероятно, эта традиция, связанная с антропоморфизацией столба, получила дальнейшее развитие в ирменских камнях-obelisks и «оленных» камнях.

Библиографический список

- Альбедиль М.Ф. Игровое начало в индуизме // Игра и игровое начало в культуре народов мира. СПб. : МАЭ РАН, 2005. С. 155–170.
- Андроновская культура. Памятники западных районов // САИ. 1966. Вып. В 3–2. 144 с.
- Блохин А.А. Некоторые особенности андроновского погребального обряда (по материалам могильника Фирсово XIV) // 275 лет сибирской археологии. Красноярск : Универс, 1997. С. 51–53.
- Бобров В.В. К проблеме вертикально установленных объектов в погребениях эпохи бронзы Сибири и Казахстана // Северная Евразия от древности до средневековья. СПб. : ИИМК РАН, 1992. С. 54–57.
- Бобров В.В. К проблеме историко-археологического развития в начале I тыс. до н.э. на территории Южной Сибири // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1999. С. 20–23.
- Бобров В.В., Михайлов Ю.И. Памятники андроновской культуры Обь-Чулымского междуречья. Кемерово, 1989. 199 с. (Рукопись депонирована ИНИОН, №38518 от 26.06.1989).
- Васильков Я.В. Ваджапея // Индуизм. Джайнизм. Сикхизм. Словарь. М. : Республика, 1996. С. 105.
- Виноградов Н.Б. Кулевчи VI – новый алакульский могильник в лесостепях Южного Зауралья // Советская археология. 1984. №3. С. 136–153.
- Гей А.Н. О некоторых символических моментах погребальной обрядности степных скотоводов Предкавказья в эпоху бронзы // Погребальный обряд: реконструкция и интерпретация древних идеологических представлений. М. : Восточная литература, 1999. С. 78–113.
- Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В. Синташта: археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. Челябинск : Южно-Урал. книж. изд-во, 1992. 408 с.
- Грязнов М.П. К вопросу о сложении культур скифо-сибирского типа в связи с открытием кургана Аржан // КСИА. 1978. Вып. 154. С. 9–18.
- Грязнов М.П. Аржан. Царский курган раннескифского времени. Л. : Наука, 1980. 64 с.
- Грязнов М.П. О монументальном искусстве на заре скифо-сибирских культур в степной Азии // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л. : Искусство, 1984. Вып. 25. С. 76–82.
- Зданович Г.Б. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей. Свердловск : Урал. ун-т, 1988. 184 с.
- Зданович Д.Г. Куприянова Е.В. Лошади и близнецы: к «археологии ритуала» Центральной Евразии эпохи бронзы // Аркаим-Синташта: древнее население Южного Урала: к 70-летию Г.Б. Здановича. Челябинск : Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2010. С. 130–161.
- Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж.К. Культура древних скотоводов и металлургов Сары-Арки (по материалам Северной Бетбак-Далы). Алма-Ата : Гылым, 1992. 247 с.
- Килуновская М.Е., Семенов Вл.А. Оленные камни Тувы (часть I – новые находки, типология и вопросы культурной принадлежности) // Археологические вести. 1998. №5. С. 143–154.
- Килуновская М.Е., Семенов В.А. Оленные камни в погребальном обряде скифских культур Тувы // Древние и средневековые изваяния Центральной Азии. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2014. С. 36–40.

Ковалев А.А., Рукавишника И.В., Эрдэнэбаатар Д. Оленные камни – это памятники-кенотафы (по материалам новейших исследований в Монголии и Туве) // Древние и средневековые изваяния Центральной Азии. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2014. С. 41–54.

Ковтун И.В. Андроновские погребения Урского могильника из раскопок Ф.И. Александрова (К открытию первого андроновского памятника в Кузнецкой котловине) // Методология и историография археологии Сибири. Кемерово : Кузбассвуиздат, 1994. С. 122–133.

Ковтун И.В. Нонфигуративность андроновского искусства: идеи, факты, интерпретации // Известия Алтайского государственного университета. 2008. №4/4 (60). С. 95–101.

Комарова М.Н. Памятники андроновской культуры близ улуса Орак // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л. : Гос. Эрмитаж, 1961. Вып. 3. С. 32–73.

Кузьмина Е.Е. Арии – путь на юг. М. : Летний сад, 2008. 558 с.

Кукушкин А.И. Курганы Центрального Казахстана с колесничной атрибутикой // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Челябинск : Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2006а. С. 47–51.

Кукушкин А.И. Могильник Аяберген – раннеандроновский памятник Центрального Казахстана // Изучение памятников археологии Павлодарского Прииртышья. Павлодар : НПФ «Эко», 2006б. Вып. 2. С. 50–69.

Кулланд С.В. Рец. на: Е.Е. Kuzmina. The Origin of the Indo-Iranians. Ed. by J.P. Mallory. Leiden Indo-European Etymological dictionary Series. Ed. By Lubotsky. Vol. 3. Leiden ; Boston : Brill, 2007. XVIII + 762 p. // Вопросы древней истории. 2010. №3. С. 202–211.

Леонтьев С.Н. Новые изображения колесниц карасукской эпохи из Хакасско-Минусинской котловины // Вестник Сибирской ассоциации исследователей первобытного искусства (САИПИ). 2000. Вып. 2. С. 12–13.

Максименков Г.А. Андроновская культура на Енисее. Л. : Наука, 1978. 192 с.

Марсадалов Л.С. «Оленные» камни из поселка Аржан в Центре Азии // Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего средневековья. М. : ИА РАН, 2005. С. 301–311.

Мелетинский Е.М. Вальхалла // Мифы народов мира. М. : Российская энциклопедия, 1997. Т. 1. С. 212.

Огибенин Б.Л. Структура мифологических текстов «Ригведы» (ведийская космогония). М. : Наука, 1968. 115 с.

Оразбаев А.М. Северный Казахстан в эпоху бронзы // Труды ИИАЭ АН КазССР. Алма-Ата, 1958. Т. 5. С. 216–294.

Рахимов С.А. Андроновская стоянка и могильник на р. Сыде (Красноярский край) // КСИА. 1968. Вып. 114. С. 70–75.

Рукавишника И.В. Архитектура и последовательность сооружения ритуально-погребального комплекса алдыбельской культуры // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2013. С. 217–221.

Савинов Д.Г. Оленные камни в культуре кочевников Евразии. СПб. : СПбГУ, 1994. 208 с.

Савинов Д.Г. О «скрытой» стороне южносибирской археологии // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2013. С. 42–46.

Савинов Д.Г., Бобров В.В. Курганы андроновской культуры могильника Юрман-1 в Западной Сибири // Археологические вести. 1995. №4. С. 83–90.

Сотникова С.В. О формировании традиции трупосожжения в алакульском погребальном обряде // Изучение памятников археологии Павлодарского Прииртышья. Павлодар : НПФ «Эко», 2006. Вып. 2. С. 81–87.

Сотникова С.В. Андроновский (федоровский) погребальный обряд: реконструкция способов обращения с кремнированными останками // Северный регион: наука, образование, культура. Сургут : Изд-во СурГУ, 2007. №2 (16). С. 7–15.

Стефанов В.И., Днепров С.А., Корочкова О.Н. Курганы могильника Урефты-1 // Советская археология. 1983. №1. С. 155–166.

Ткачев А.А. Центральный Казахстан в эпоху бронзы. Тюмень : ТюмГНГУ, 2002. Ч. 1. 289 с.

Ткачев А.А. Центральный Казахстан в эпоху бронзы. Тюмень : ТюмГНГУ, 2002. Ч. 2. 243 с.

Уманова Э.Р., Варфоломеев В.В. Уйтас-Айдос – могильник эпохи бронзы // Вопросы археологии Казахстана. Алматы ; М. : Гылым, 1998. Вып. 2. С. 46–60.

Филлипова Е.Е. Изображение ритуальной колесницы карасукской эпохи из могильника Хара хая // Северная Евразия от древности до средневековья. СПб. : ИИМК РАН, 1992. С. 89–92.

Чугунов К.В. Оленные камни и стелы в контексте элитных комплексов Саяно-Алтая // Каменная скульптура и мелкая пластика древних и средневековых народов Евразии. Барнаул : Азбука, 2007. С. 109–113 (Труды САИПИ. Вып. 3).

S.V. Sotnikova

FORMATION OF TRADITION OF THE VERTICAL DIRECTION OF THE FUNERAL RITUAL ON THE TERRITORY OF THE EURASIAN STEPPES IN THE BRONZE AGE

Ways of formation and transformation of the tradition of the vertical direction of the funeral ritual among the Andronovo population, apparently, were related to the burial of warriors. In Sintashta's and Petrovka's burial complexes, this tradition has been associated with the burial of warriors-charioteers. The image of the burial chariot transmitted the placement of the parts of real chariot. Over time the image of the chariot becomes more symbolic. It is conditionally possible single out two main directions of symbolization. The first variant is presents the materials of the Andronovo's (Fedorovo's) burial site Samara and the Karasuk's burial sites, where the images of horses or chariots were applied on plates of fences or burial building. The second variant is presents the Andronovo's (Fedorovo's) burials with vertically mounted wooden pillars. The image of the chariot loses similarity with the real object and takes the form of a sacrificial pillar, on top of which was strengthened the wheel or its symbol. There is another interpretation that takes into consideration the bond between the burials with vertically mounted pillars and the ritual of cremation. It is not excluded that during the ritual took place the anthropomorphism of the pillar with the help of the real things, that was further developed in Irmen stones-obelisks and deer stones.

Keywords: Eurasian steppe, Bronze Age, the Sintashta, Petrovka type sites, Andronovo (Fedorovo) culture, Karasuk culture, Irmen culture, funeral rite, chariot, cremation.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНЫХ МЕТОДОВ В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

УДК 903.22

А.А. Тишкин, А.Л. Кунгуров, О.С. Лихачева

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

РЕНТГЕНОФЛЮОРЕСЦЕНТНЫЙ АНАЛИЗ МЕТАЛЛИЧЕСКИХ НАКОНЕЧНИКОВ СТРЕЛ АРЖАНО-МАЙЭМИРСКОГО ВРЕМЕНИ С ПОСЕЛЕНИЯ БОРОВОЕ-III (Верхнее Приобье)*

Рассматриваемый в статье археологический памятник Боровое-III находится на юге Западной Сибири, неподалеку от г. Бийска, на правом берегу Бии. Он представлял собой поселенческий комплекс, на котором зафиксированы свидетельства различных культур от неолита до развитого средневековья. В ходе проведения аварийных раскопок, связанных со строительством автомагистрали и моста через реку, в 1989 г. были обнаружены металлические наконечники стрел, фрагменты керамики, множество мелких пережженных костей, древесные угли, пест, три абразива, шесть отбойников из речных валунов и галек, камень с обработкой, несколько обломков литейных форм из глины. Сведения об этих находках в том или ином виде неоднократно публиковались. Однако результаты рентгенофлюоресцентного анализа и полные характеристики бронзовых изделий вводятся в научный оборот впервые. Совокупность полученных данных позволяет осуществить культурно-хронологическую атрибуцию одного из объектов поселения, где были зафиксированы предметы вооружения аржано-майэмирского времени (конец IX – 2–3-я четверть VI в. до н.э.). В настоящее время рассмотренные находки хранятся в фонде Музея археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета (г. Барнаул).

Ключевые слова: Верхнее Приобье, археологические раскопки, наконечник стрелы, поселение, рентгенофлюоресцентный анализ, аржано-майэмирское время.

DOI: 10.14258/tpai(2014)2(10).-07

Введение

Долина нижнего течения Бии, на территории которой расположено поселение Боровое-III, до современного антропогенного воздействия являлась достаточно удобным районом для проживания людей (рис. 1). Рассматриваемое конкретное место представляет собой часть «борово́й» кромки правого берега, модифицированного русловыми речными процессами в мысовидный выступ. Оно ограничено низкой пойменной террасой голоценового происхождения и старицей под названием «озеро Дикое». Береговая терраса имеет высоту 8–10 м над урезом воды и сложена в верхней трети эоловыми и аллювиальными слоистыми песками, а ниже – аллювиальными отложениями из прослоев гравия, галечника и иловатых суглинков. Она примыкает к более древней 50-метровой суглинисто-лессовой «Бийской» террасе. Географические координаты археологического памятника такие: N – 52°31'56.17"; E – 85°19'17.86". Высота над уровнем моря – 172 м.

В районе поселения Боровое-III фиксируется стык двух фитоценозов [Алтайский край, 1978; Растительный покров..., 1985]:

* Работа выполнена при поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (постановление №220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет», договор №14. Z50.31.0010, проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии».

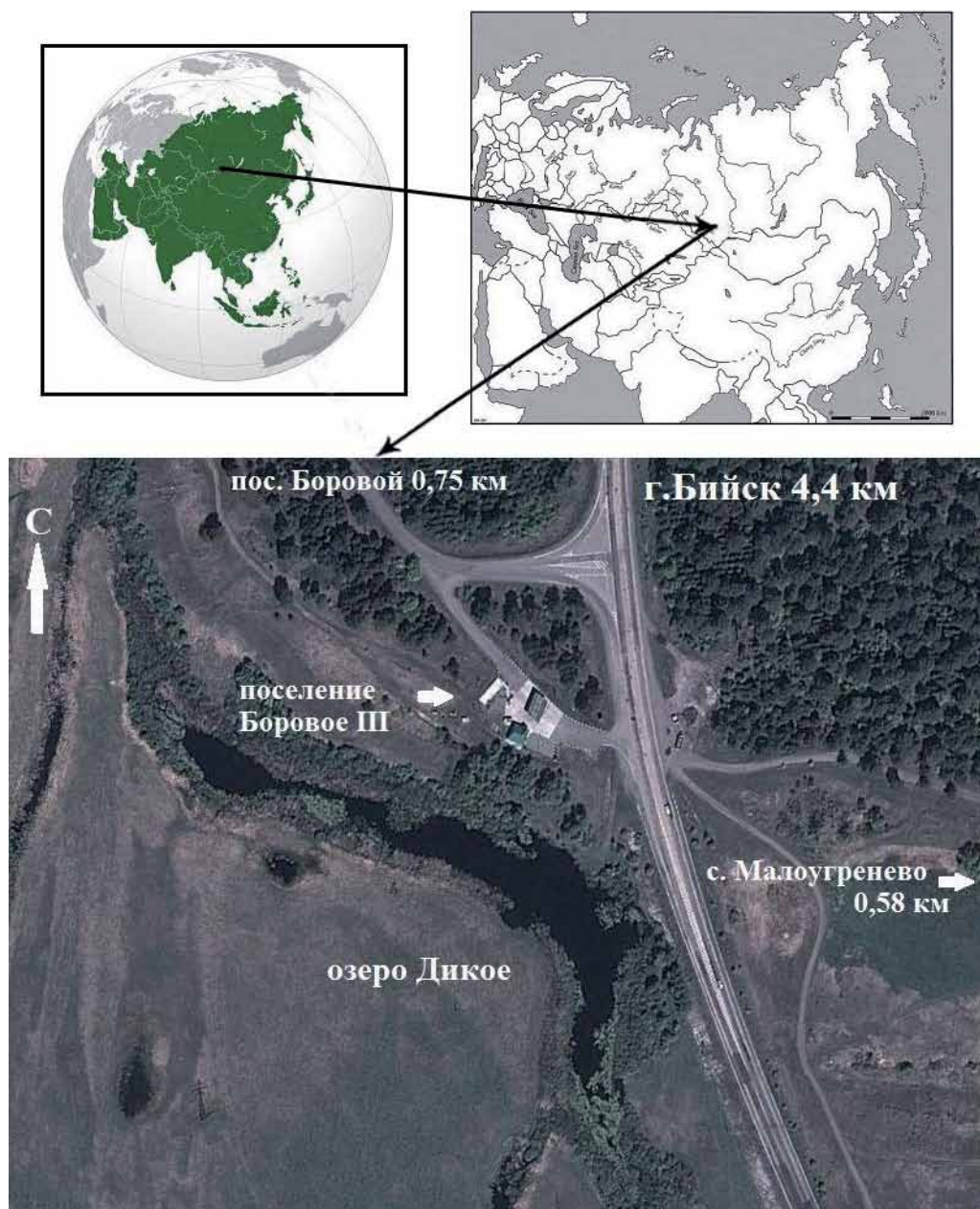

Рис. 1. Место расположения поселения Боровое-III

0

30 м

- 1) сосновые и березово-сосновые остепненные кустарничко-травяные и травяные леса;
- 2) болота тростниково-осоковые в сочетании с сосново-кустарничково-сфагновыми сообществами («рямами») и периферийным рядом осоковых и осоково-вейниковых ассоциаций.

Первый тип фитоценоза распространен по поверхности второй надпойменной террасы и получил в исследованиях наименование «Ленточный бор». Другой тип – поймы и пойменные болота.

Кратко отмеченные географические условия, а также достаточно обширные биологические ресурсы, близость водных источников и лесостепных водораздельных пространств привлекали людей в долину нижней Бии с периода верхнего палеолита. Об этом свидетельствует значительное число разновременных археологических объектов. Только на территории г. Бийска к началу 1990-х гг. их было обнаружено более 50, а на отрезке правобережья Бии от с. Новиково до пос. Боровой – еще более 30 [Кирюшин, Кунгуров, Казаков, 1992а–б].

В связи с тем, что в рассматриваемом районе расположено существенное количество современных населенных пунктов, многие древние и средневековые памятники находятся в аварийном состоянии. Среди них есть курганные и грунтовые могильники, поселения и стоянки. Археологический комплекс Боровое-III не избежал такой участи. К моменту его фиксации в 1981 г. поверхность пересекала старая дорога, край был разрушен песчаным карьером, а северная часть пострадала от строительства шоссе. В нескольких сотнях метров восточнее памятника находился женский Тихвинский монастырь. Из монастырских построек сохранились дома, школа, свечной заводик и келейный корпус (не полностью). Там до сих пор произрастает крупный тополь – ровесник монастыря. Кроме всего, рядом располагался монастырский погост, ныне частично смытый рекой (в 1980-х гг. при осмотре обнажений в районе монастыря встречались упавшие надгробные каменные плиты).

После закрытия монастыря на его территории размещались различные учреждения, в том числе автодорожный техникум. Сейчас это район пригородного поселка с названием «Боровой» (рис. 1). До 1950-х гг. его западная часть, где ранее размещалась женская обитель, называлась «Старый монастырь».

Археологические находки в окрестностях указанного поселка известны с 1927 г. Они связаны с деятельностью местного краеведа М.Д. Копытова [Кирюшин, Кунгуров, Казаков, 1992а; Кунгуров, 1995]. В 1930-х гг. в осыпях берега сотрудники Бийского краеведческого музея (БКМ) обнаружили три железных наконечника от стрел монгольского времени (XII–XIV вв. н.э.) [Тишкин, 2002, с. 144, рис. 2.-5–7; Тишкин, 2009, с. 148, рис. 98.-1–4].

Древние и средневековые предметы у пос. Боровой и с. Малоугренево собирали краеведы и сотрудники БКМ на протяжении многих лет. Можно упомянуть С.М. Сергеева, А.П. Маркова, Б.Х. Кадикова, Б.И. Лапшина и др. Однако точной привязки к местности эти коллекции (преимущественно фрагменты керамики различных исторических периодов и редкие каменные изделия) не имели. Исключение составляют андроновский могильник и поселение раннего железного века Мокрый Яр, расположенные на восточной окраине с. Малоугренево [Кирюшин, Кунгуров, Казаков, 1992б, с. 107–108].

Материалы и методы исследования

Сплошное обследование окрестностей пос. Боровой производилось в 1981 г. В процессе этих работ были локализованы и документированы четыре поселения [Кунгуров, 1981; Кунгуров, Кунгурова, 1983]. Наиболее информативным оказался многослойный комплекс Боровое-III, занимавший юго-восточный участок сегмента боровой надпойменной террасы в месте спуска в пойму Бии трассы Бийск –

Малоугренево. В разрушениях, связанных с разработкой песчаного карьера, были собраны каменные песты, обломки глиняной посуды эпохи бронзы и раннего железного века, а также отщепы неолитического облика.

В 1986 г. М.Т. Абдулганеев исследовал аварийный участок поселения Боровое-III площадью около 70 кв. м. Кроме керамики и каменных изделий, обнаружены свидетельства бронзолитейного производства: скопления древесного угля и пережженных костей, многочисленные фрагменты литейных форм, достаточно мощные прокалы, литейные шишки, в том числе с зооморфными скульптурными изображениями, и частично уцелевшие створки форм для отливки двухушковых кельтов небольших размеров [Абдулганеев, 1986, 1992, 1993].

В 1989 г., в связи с планируемым строительством путепровода и моста через Бию, под руководством одного из авторов статьи была раскопана часть памятника площадью 370 кв. м. Наряду с жилыми и хозяйственными объектами различных культурно-хронологических периодов (неолит, елунинская, андроновская, ирменская, большереченская, быстрианская, кулайская, одинцовская и кармацкая культуры), исследован бронзолитейный комплекс – мастерская по изготовлению втульчатых наконечников стрел, отнесенная к бийскому этапу большереченской культуры (VI в. до н.э.) [Кунгуров, 1989, 1999а–б, 2001; Абдулганеев, 1992, 1993].

На глубине 0,3–0,4 м была расчищена выкладка из валунов и галек овальной формы, вытянутая по линии 3–В, размерами 3х2,5 м. В поперечнике фиксировались переывы, но общий контур просматривался четко. В заполнении выкладки и вокруг нее встречено множество мелких пережженных костей, которые образовывали устойчивую прослойку в супеси культурного слоя. Форма выявленного пятна – подовальная, длина с юга на север – около 10 м, с запада на восток – около 9,5 м. Наиболее плотное скопление углей наблюдалось непосредственно в выкладке. В пределах зафиксированного пятна найдены металлические (втульчатые и двухлопастные) наконечники стрел (рис. 2.-1–15; 3.-1–3; 4)* и керамика большереченской культуры, орнаментированная двумя рядами «жемчужин», которые разделены треугольными оттисками лопаточки [Кунгуров, 1989, с. 6–7; 1999а; Абдулганеев, 1992, 1993]. Там же и рядом встречены пест, три абразива (один изготовлен из обломка нижнего камня зернотерки), шесть отбойников из речных валунов и галек, камень с обработкой, часть зооморфной фигурки из глины (рис. 2.-4), несколько обломков литейных форм (рис. 2.-5, 7) и др. Все каменные инструменты предназначены для дробления и растирания твердых пород. По двум литейным формам можно восстановить кельты (рис. 3.-6, 8), аналогии которым имеются в памятниках переходного периода от эпохи бронзы к раннему железному веку на разных территориях [Папин, Шамшин, 2005, с. 32–34].

Обнаруженные наконечники стрел рассматривались в нескольких публикациях [Кирюшин, Кунгуров, Казаков, 1992а, с. 8, рис. 20; Абдулганеев, 1992, с. 95–97, рис. 2; Кирюшин, Тишкин, 1997, с. 81, 84, рис. 62; и др.]. В них отражены отдельные аспекты изучения. Однако определения химического состава сплавов, из которых они изготовлены, еще не осуществлялись.

Исследования 18 металлических наконечников стрел, обнаруженных на поселении Боровое-III, производились с помощью рентгенофлюоресцентного спектрометра

* В данной статье представлены только 18 изделий, которые хранятся в Музее археологии и этнографии АлтГУ (колл. №553/406-423).

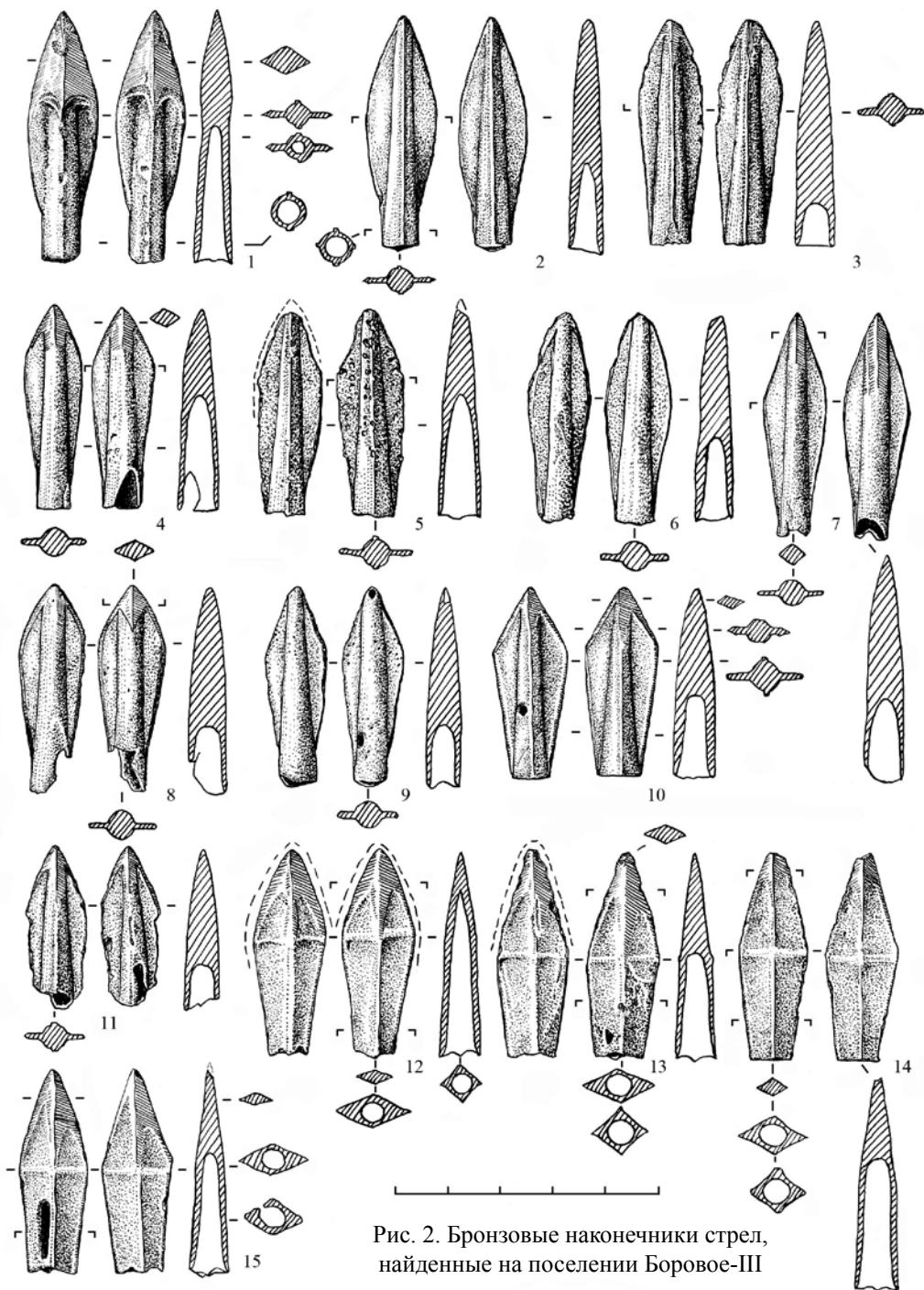

Рис. 2. Бронзовые наконечники стрел, найденные на поселении Боровое-III

ALPHA SERIES™ (Альфа-2000, производство США), который имеется на кафедре археологии, этнографии и музеологии Алтайского государственного университета. Для этого использовался программный режим «Аналитический». Наряду с полученными

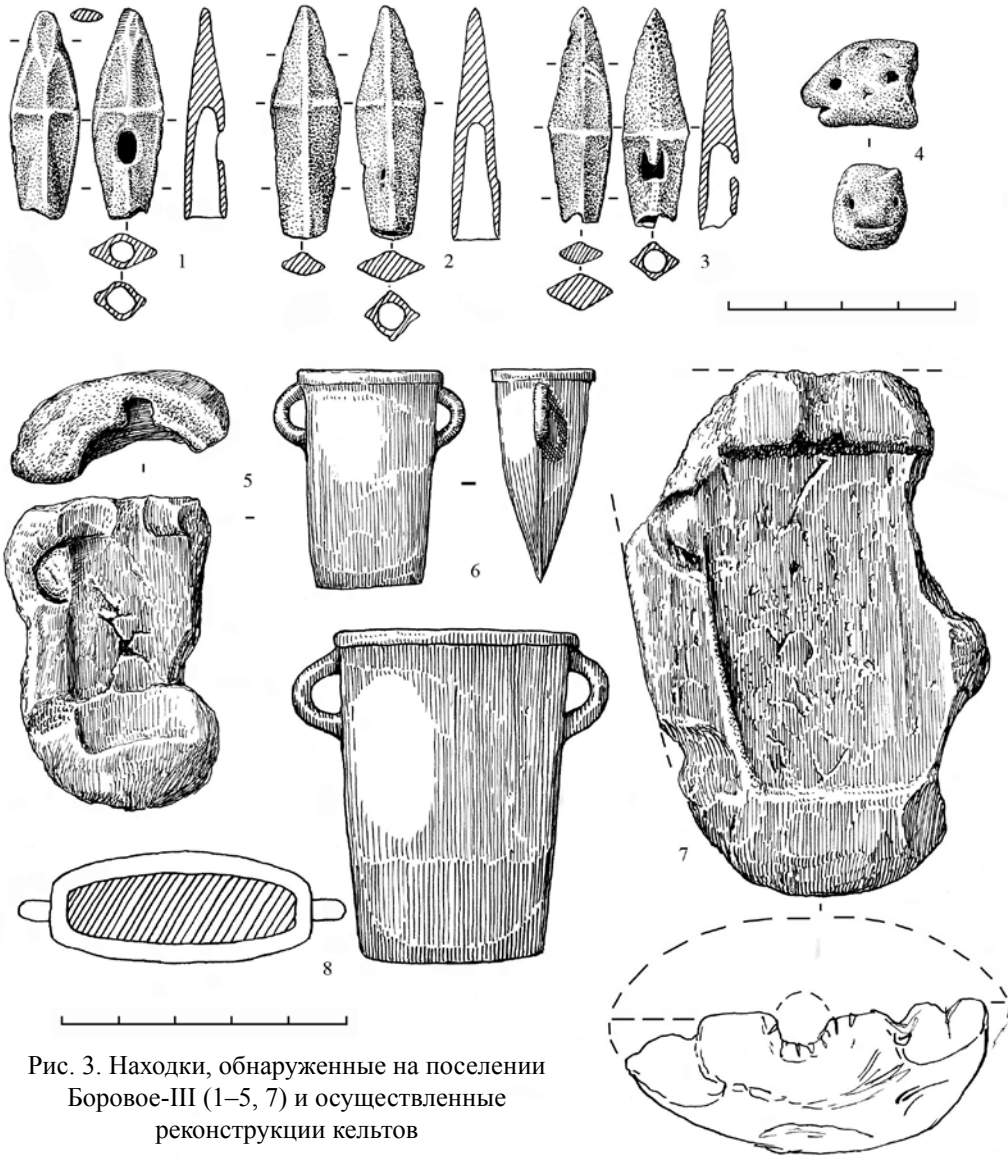

Рис. 3. Находки, обнаруженные на поселении Боровое-III (1–5, 7) и осуществленные реконструкции кельтов

результатами анализов, в статье даны характеристики изделий и их параметры, которые ранее в публикациях не приводились.

1. Двухлопастной втульчатый наконечник стрелы с листовидной формой пера имеет выделенную боеголовку со следами заточки (рис. 2.-1; 4.-1). Общая длина изделия – 4,8 см*, из которых около 3,9 см приходится на перо, имеющее наибольшую ширину до 1,8 см. Длина полости втулки внутри составляет 2,4 см, внешний диаметр втулки – 0,7 см. Вес предмета – около 6 граммов**.

* Все приводимые в статье внешние параметры получены с применением штангенциркуля.

** Данный показатель определялся с помощью охотничьих весов.

Сначала прибором тестировалась поверхность у окончания пера, покрытая патиной. Зафиксирован такой результат: Cu (медь) – 51,43%; Sn (олово) – 46,9%; Fe (железо) – 0,55%; As (мышьяк) – 0,54%; Ni (никель) – 0,32%; Pb (свинец) – 0,26%. Затем дважды в разных местах исследовался участок выступающей втулки, который механически был освобожден от окислов. Получены два следующих поэлементных ряда:

- 1) Cu – 69,84%; Sn – 29,34%; As – 0,42%; Pb – 0,21%; Ni – 0,19%;
- 2) Cu – 71,72%; Sn – 27,25%; As – 0,47%; Ni – 0,22%; Pb – 0,17%; Fe – 0,17%.

Эти схожие данные указывают на медно-оловянный (бронзовый) сплав с характерным набором рудных примесей.

2. Двухлопастной наконечник стрелы имеет выступающую втулку и листовидную форму пера (рис. 2.-2; 4.-2). Общая длина изделия – 4,4 см, из которых 3,7 см приходится на поражающую часть, имеющую наибольшую ширину 1,3 см. Длина полости втулки внутри составляет 1,4 см; внешний диаметр втулки – 0,7 см; вес – около 6,5 грамма.

Данный наконечник стрелы тестировался аналогичным образом, что и первый. Сначала исследовалась поверхность, покрытая патиной, а затем дважды снимались показатели в разных местах участка на втулке, освобожденного от окислов. Соответственно получены такие результаты:

- 1) Cu – 75,44%; Sn – 14,52%; As – 6,93%; Pb – 2,28%; Fe – 0,51%; Bi (висмут) – 0,32%;
- 2) Cu – 85,56%; Sn – 8,48%; As – 4,17%; Pb – 1,39%; Fe – 0,22%; Bi – 0,18%;
- 3) Cu – 88,14%; Sn – 6,78%; As – 3,81%; Pb – 1,15%; Fe – 0,12%.

Эти данные указывают на бронзовый сплав со специфическим набором легирующих элементов (олово, мышьяк, свинец). Используемая рецептура, по всей видимости, была направлена на придание предмету вооружения необходимых характеристик, связанных с повышенной прочностью изделия. Возможно, что в данном случае мы имеем один из вариантов переплавки металлического лома с реализацией необходимого в таком случае технологического процесса.

3. Двухлопастной втульчатый наконечник стрелы оказался с деформированным пером, абрис которого должен был иметь асимметрично-ромбическую форму (рис. 2.-3; 4.-3). Общая длина изделия – 4,3 см; наибольшая ширина пера – 1,2 см. Длина полости втулки внутри составляет 0,9 см; внешний диаметр втулки – до 0,8 см; вес – около 6 граммов.

Этот наконечник на предмет определения состава металла изучался дважды. Сначала тестировалась поверхность пера, покрытая патиной, а затем исследовался участок у края втулки, где механически были удалены окислы. Получены следующие результаты:

- 1) Cu – 65,46%; Sn – 28,07%; As – 3,08%; Fe – 1,89%; Sb (сурьма) – 1,12%; Pb – 0,28%; Ni – 0,1%;
- 2) Cu – 86,04%; Sn – 11,63%; As – 1,92%; Pb – 0,21%; Fe – 0,1%; Ni – 0,1%.

Как и в предыдущих представленных показателях, здесь тоже демонстрируется повышенное содержание олова на патинизированной поверхности. Это и другие свидетельства отражают объективную ситуацию формирования окислов на древних бронзовых изделиях. Тестирование самого металла дало более реальную картину количественного порядка. В данном случае медно-оловянный сплав дополняет существенное

Рис. 4. Боровое-III. Изученные металлические наконечники стрел (фотоснимок сделан А.А. Тишкиным)

присутствие мышьяка, который мог быть исходной рудной примесью, как и остальные элементы, зафиксированные во втором тесте.

4. Двухлопастной наконечник стрелы имеет выступающую втулку (в одном месте на ней фиксируются существенные утраты) и асимметрично-ромбический абрис пера, на окончании которого местами сохранились следы заточки (рис. 2.-4; 4.-4). Общая длина изделия – 3,85 см, из которых 3,3 см приходится на перо, имеющее наибольшую ширину 1,15 см. Длина полости втулки внутри составляет 2,3 см; внешний диаметр втулки – 0,65 см; вес – около 5 граммов.

Данный предмет изучался спектрометром трижды. Сначала тестировалась поверхность пера, сильно покрытая патиной, а затем в двух разных точках исследовался участок втулки, где механически были удалены окислы (у места, где ранее, по всей видимости, осуществлен отбор пробы, – см. рис. 4.-4). Получены такие показатели:

1) Cu – 85,35%; Sb – 5,71%; As – 3,74%; Bi – 2,0%; Fe – 1,52%; Sn – 1,41%; Ti (титан) – 0,27%;

2) Cu – 93,77%; Sb – 3,01%; As – 2,04%; Bi – 0,55%; Sn – 0,35%; Fe – 0,22%; Ni – 0,06%;

3) Cu – 94,74%; Sb – 2,81%; As – 1,61%; Bi – 0,43%; Sn – 0,33%; Ni – 0,08%.

В данном случае зафиксирована рецептура, позволяющая охарактеризовать сплав как медно-сурьмяно-мышьяковый, в котором присутствует набор других элементов.

5. Двухлопастной наконечник стрелы со скрытой втулкой и с асимметрично-ромбическим абрисом пера имеет следы некачественной отливки (рис. 2.-5; 4.-5). Общая длина изделия – 3,9 см; наибольшая ширина пера – 1,25 см; длина втулки внутри – 2,5 см; внешний диаметр втулки – 0,7 см; вес – около 5 граммов.

Данный металлический предмет изучался дважды. Сначала тестировалась поверхность пера, покрытая патиной, а затем исследовался участок у края втулки, где механически были удалены окислы. Зафиксированы следующие результаты:

1) Cu – 74,09%; Sn – 25,32%; Fe – 0,33%; Pb – 0,26%;

2) Cu – 86,96%; Sn – 12,8%; Pb – 0,15%; Fe – 0,09%.

Полученные определения демонстрируют характерный медно-оловянный (бронзовый) сплав с наличием элементов, которые можно характеризовать как естественные (рудные) примеси.

6. Двухлопастной наконечник стрелы со скрытой втулкой и асимметрично-ромбическим абрисом пера оказался сильно покрыт окислами и демонстрирует вариант некачественной отливки (рис. 2.-6; 4.-6). Его общая длина – 4 см; наибольшая ширина пера – 1,15 см. Длина втулки внутри составляет 1,6 см; внешний диаметр втулки – 0,6 см; вес – около 5,8 грамма.

Данное изделие изучалось дважды. Сначала тестировалась поверхность пера, покрытая патиной, а затем исследовался участок у края втулки, где механически были удалены окислы. Получены такие показатели:

1) Cu – 86,3%; As – 5,51%; Sb – 4,6%; Bi – 1,95%; Fe – 1,22%; Pb – 0,23%; Ti – 0,19%;

2) Cu – 95,02%; Sb – 2,53%; As – 2,01%; Bi – 0,44%.

Зафиксированный сплав имеет схожий набор элементов с данными по изделию №4.

7. Двухлопастной наконечник стрелы со скрытой втулкой и с «размытым» абрисом пера, близким к ромбической форме, сильно покрыт окислами и демонстрирует следы не совсем качественной отливки (рис. 2.-7; 4.-7). Общая его длина – 4,35 см;

наибольшая ширина пера – 1,2 см; длина втулки внутри составляет 1,6 см; внешний диаметр втулки – 0,65 см; вес – около 6 граммов.

Это изделие на предмет определения состава металла изучалось трижды. Сначала тестировалась поверхность пера, сильно покрытая патиной, а затем в двух разных точках исследовался участок втулки, где механически были удалены окислы. Зафиксированы следующие результаты:

- 1) Cu – 94,16%; Sn – 2,92%; Fe – 1,41%; As – 1,24%; Ti – 0,15%; Pb – 0,12%;
- 2) Cu – 98,57%; Sn – 0,99%; As – 0,44%;
- 3) Cu – 98,32%; Sn – 1,03%; As – 0,57%; Pb – 0,08%.

Приведенные показатели указывают на еще один вариант рецептуры, при котором в основной медный сплав с естественными рудными примесями добавлялось незначительное («символическое») количество олова.

8. Двухлопастной наконечник стрелы с выступающей втулкой и асимметрично-ромбическим абрисом пера, на окончании которого с одной стороны сохранились следы заточки сформированной боеголовки, демонстрирует наличие существенного литейного брака (рис. 2.-8; 4.-8). Общая длина изделия – 3,9 см; наибольшая ширина пера – 1,2 см; длина втулки внутри – всего 1,1 см; внешний диаметр втулки – около 0,6 см; вес – около 4,8 грамма.

Этот металлический предмет изучался спектрометром дважды. Сначала тестировалась поверхность пера, сильно покрытая патиной, а затем исследовался участок втулки, где механически были удалены окислы. Получены такие показатели:

- 1) Cu – 87,14%; As – 8,32%; Sb – 2,07%; Bi – 1,31%; Fe – 0,89%; Ti – 0,21%; Ni – 0,06%;
- 2) Cu – 95,07%; As – 3,08%; Sb – 1,45%; Bi – 0,4%.

В сплаве, имеющем медную основу, присутствие мышьяка и сурьмы могло обеспечить необходимые кондиции для эффективного использования наконечника в боевых целях. Данному обстоятельству, по всей видимости, помешало отсутствие части втулки.

9. Двухлопастной наконечник стрелы с выступающей втулкой и асимметрично-ромбическим абрисом пера также демонстрирует следы литейного брака (рис. 2.-9; 4.-9). Его общая длина – 3,8 см; наибольшая ширина пера – 1,15 см; длина втулки внутри составляет 1,2 см; внешний диаметр втулки – 0,65 см; вес – около 4,5 грамма.

Данное изделие на предмет определения состава металла изучалось дважды. Сначала тестировалась поверхность пера, покрытая патиной, а затем исследовался участок у края втулки, где механически были удалены окислы. Спектрометром выявлены следующие показатели:

- 1) Cu – 93,4%; As – 5,76%; Fe – 0,53%; Ni – 0,24%; Pb – 0,07%;
- 2) Cu – 96,71%; As – 2,71%; Ni – 0,46%; Pb – 0,06%; Fe – 0,06%.

Наличие в данном сплаве мышьяка, как и в некоторых других зафиксированных данных, вполне может отражать естественную рудную примесь. Подобная ситуация фиксируется при изучении месторождений на территории Тувы (см. например: [Зайков, 2010, с. 98–100]).

10. Двухлопастной наконечник стрелы имеет асимметрично-ромбический абрис пера, на окончании которого видны следы заточки (рис. 2.-10; 4.-10). На одной из сторон втулки имеется небольшое отверстие, которое в научных публикациях интерпре-

тируется по-разному [Кирюшин, Тишкин, 1997, с. 81]. Общая длина изделия – 3,6 см; наибольшая ширина пера – 1,4 см; длина втулки внутри – 1,6 см; внешний диаметр втулки – 0,7 см; вес – около 5 граммов.

Данный металлический предмет изучался спектрометром трижды. Сначала тестировалась поверхность пера, покрытая патиной, а затем в двух разных точках исследовался участок втулки, где механически были удалены окислы. Соответственно, получены такие показатели:

1) Cu – 50,68%; Sn – 43,59%; Sb – 2,04%; As – 1,76%; Pb – 0,91%; Fe – 0,56%; Bi – 0,28%; Ni – 0,18%;

2) Cu – 64,26%; Sn – 30,67%; As – 1,71%; Sb – 1,55%; Pb – 1,13%; Fe – 0,28%; Bi – 0,24%; Ni – 0,16%;

3) Cu – 73,95%; Sn – 22,55%; Sb – 1,25%; As – 1,15%; Pb – 0,74%; Bi – 0,15%; Ni – 0,14%; Fe – 0,07%.

Представленный набор элементов может отражать переплавку лома, в которую добавили существенное количество олова.

11. Двухлопастной наконечник стрелы с существенными изъянами (недолив), скорее всего, должен был иметь асимметрично-ромбический абрис пера. Несмотря на явный брак, на окончании острия присутствуют следы заточки (рис. 2.-11; 4.-11). Общая длина получившегося изделия – 2,9 см; наибольшая ширина пера – 1,2 см; внешний диаметр сохранившейся части втулки – около 0,65 см.

Данный наконечник на предмет определения состава металла изучался дважды. Сначала тестировалась поверхность пера, покрытая патиной, а затем исследовался участок недолитой втулки, где механически были частично удалены окислы. Спектрометром зафиксированы следующие результаты:

1) Cu – 53,87%; As – 17,92%; Fe – 27,35%; Sn – 0,33%; Pb – 0,27%; Ti – 0,26%;

2) Cu – 85,44%; As – 6,93%; Fe – 7,29%; Sn – 0,25%; Pb – 0,09%.

Возможно, присутствие существенного количества железа в сплаве повлияло на фиксируемые недостатки. Остальной набор элементов отражает рецептуру, характерную для переходного времени от эпохи бронзы к раннему железному веку.

12. Двухлопастной наконечник стрелы со скрытой втулкой имеет абрис пера, близкий к асимметрично-ромбической форме, его окончание в верхней части заточено, а основание неровное (рис. 2.-12; 4.-12). Общая длина изделия – 3,9 см; наибольшая ширина пера – 1,4 см; длина втулки внутри – 3 см; внешние параметры втулки у основания – 0,6x0,6 см; вес – около 5,3 грамма.

Данный металлический предмет изучался спектрометром трижды. Сначала тестировалась поверхность пера, сильно покрытая патиной, а затем в двух разных точках исследовался участок втулки, где механически были удалены окислы. Получены такие показатели:

1) Cu – 44,73%; Sn – 53,1%; As – 0,8%; Fe – 0,64%; Pb – 0,55%; Bi – 0,11%; Ni – 0,07%;

2) Cu – 55,06%; Sn – 43,24%; As – 0,77%; Pb – 0,59%; Fe – 0,34%;

3) Cu – 53,26%; Sn – 45,15%; As – 0,7%; Pb – 0,55%; Fe – 0,34%.

В зафиксированном бронзовом сплаве количество олова неоправданно превышает все необходимые показатели. Возможно, такой результат был получен в ходе реализованного эксперимента, что повлияло и на цвет изделия. Остальные элементы являются характерными рудными примесями.

13. Двухлопастной наконечник стрелы со скрытой втулкой имеет абрис пера, близкий к ромбической форме (рис. 2.-13; 4.-13). Несмотря на то, что изделие отлито не совсем качественно, острие и края верхней части демонстрируют следы произведенной заточки. Общая длина находки – 4 см; наибольшая ширина пера – 1,35 см; длина втулки внутри – 1,7 см; внешние параметры втулки у основания – 0,6х0,65 см; вес – около 6,2 грамма.

Данный наконечник на предмет определения состава металла изучался дважды. Сначала тестировалась поверхность пера, покрытая патиной, а затем исследовался участок, где механически были частично удалены окислы. Получены такие показатели:

- 1) Cu – 53,16%; Sn – 43,63%; As – 2,22%; Pb – 0,37%; Bi – 0,33%; Fe – 0,29%;
- 2) Cu – 83,22%; Sn – 15,28%; As – 1,32%; Pb – 0,18%.

В данном случае фиксируется один из оптимальных вариантов состава бронзового сплава для применения наконечника в боевых целях. В медную основу с естественными примесями, включая мышьяк, добавили необходимое количество олова.

14. Двухлопастной наконечник стрелы со скрытой втулкой имеет абрис пера, близкий к ромбической форме, и обломанное острие. В верхней части изделия сохранились следы заточки (рис. 2.-14; 4.-14). Общая длина находки – 4,1 см; наибольшая ширина пера – 1,35 см; длина втулки внутри – 2,6 см; внешние параметры втулки у основания – 0,6х0,6 см; вес – около 6,5 грамма.

Данный предмет изучался спектрометром трижды. Сначала тестировалась поверхность пера, сильно покрытая патиной, а затем в двух разных точках исследовался участок у основания, где механически были удалены окислы. Спектрометром последовательно зафиксированы следующие результаты:

- 1) Cu – 36,41%; Sn – 62,11%; Fe – 0,7%; As – 0,53%; Bi – 0,18%; Pb – 0,07%;
- 2) Cu – 69,71%; Sn – 29,55%; As – 0,32%; Fe – 0,31%; Bi – 0,11%;
- 3) Cu – 69,09%; Sn – 30,46%; Fe – 0,45%.

Представленные показатели демонстрируют медно-оловянный сплав с набором элементов, которые могли быть естественными примесями либо отражают результат взаимодействия с окружающей средой. Повышенное содержание олова может свидетельствовать об отсутствии дефицита этого легирующего металла в период работы мастерской.

15. Двухлопастной наконечник стрелы со скрытой втулкой и абрисом пера, близким к ромбической форме, в верхней части отчетливо фиксируются следы заточки (рис. 2.-15; 4.-15). С одной стороны изделия (у основания) имеется отверстие в виде полосы длиной 1,2 см, шириной около 0,2 см. Вероятнее всего, это литейный брак. Общая длина находки – 3,9 см; наибольшая ширина пера – 1,35 см; длина втулки внутри – 2,2 см; внешние параметры втулки – 0,6х0,65 см; вес – около 4,8 грамма.

Данный предмет изучался спектрометром трижды. Сначала тестировалась поверхность пера, покрытая патиной, а затем в двух разных точках исследовался участок у основания, где механически были удалены окислы. Получены такие показатели:

- 1) Cu – 53,69%; Sn – 45%; As – 0,48%; Pb – 0,48%; Fe – 0,35%;
- 2) Cu – 74,04%; Sn – 25,13%; Pb – 0,48%; As – 0,35%;
- 3) Cu – 74%; Sn – 25,55%; Pb – 0,45%.

Представленные поэлементные ряды отражают характерный медно-оловянный (бронзовый) сплав с рудными примесями. В данном случае можно лишь еще раз отметить повышенное содержание искусственной легирующей добавки.

16. Двухлопастной наконечник стрелы со скрытой втулкой и абрисом пера, близким к ромбической форме, имеет литейный брак в виде овального отверстия на одной из сторон (рис. 3.-1; 4.-16). Общая длина изделия – 3,65 см; наибольшая ширина пера – 1,2 см; длина втулки внутри – 1,7 см; внешний диаметр втулки у основания – 0,65 см; вес – около 4,3 грамма.

Данный предмет изучался спектрометром трижды. Сначала тестировалась поверхность пера, покрытая патиной, а затем в двух разных точках исследовался участок у основания, где механически были удалены окислы. Последовательно зафиксированы следующие результаты:

1) Cu – 79,29%; Sn – 12,92%; Sb – 2,53%; As – 2,49%; Pb – 1,47%; Fe – 0,85%; Bi – 0,45%;

2) Cu – 92,69%; Sn – 4,48%; As – 1,27%; Sb – 0,9%; Pb – 0,66%;

3) Cu – 92,44%; Sn – 4,57%; As – 1,18%; Sb – 1,11%; Pb – 0,55%; Bi – 0,15%.

Представленные результаты отражают ситуацию, которая уже встречалась при тестировании представленных находок. Обозначившаяся закономерность может свидетельствовать о сложившейся рецептуре либо об одновременном использовании сплава для изготовления разных изделий изучаемой категории.

17. Двухлопастной наконечник стрелы со скрытой втулкой и с абрисом пера, близким к асимметрично-ромбической форме, оказался сильно покрыт окислами (рис. 3.-2; 4.-17). Общая длина находки – 4,1 см; наибольшая ширина пера – 1,3 см; длина втулки внутри – 2 см; внешние параметры втулки у основания – 0,65x0,7 см; вес – около 6,4 грамма.

Данный предмет изучался спектрометром трижды. Сначала тестировалась поверхность пера, покрытая патиной, а затем в двух разных точках исследовался участок у неровного основания, где механически были удалены окислы. Получены такие показатели:

1) Cu – 90,89%; Sn – 7,25%; Fe – 0,89%; As – 0,35%; Pb – 0,33%; Ti – 0,15%; Bi – 0,14%;

2) Cu – 94,91%; Sn – 4,28%; As – 0,41%; Pb – 0,21%; Bi – 0,14%; Fe – 0,05%;

3) Cu – 94,58%; Sn – 4,58%; As – 0,42%; Pb – 0,27%; Bi – 0,15%.

Медно-оловянный (бронзовый) сплав с набором естественных (рудных) примесей отражает один вариантов фиксируемой рецептуры.

18. Двухлопастной наконечник стрелы со скрытой втулкой и множеством дефектов имеет абрис пера, близкий к ромбической форме (рис. 3.-3; 4.-18). Общая длина изделия – 3,9 см; наибольшая ширина пера – 1,2 см; длина втулки внутри – 1,6 см; внешний диаметр втулки у основания – 0,6 см; вес – около 4,5 грамма.

Данный предмет изучался спектрометром трижды. Сначала тестировалась поверхность пера, сильно покрытая патиной, а затем в двух разных точках исследовался участок у основания, где механически были удалены окислы.

Зафиксированы следующие поэлементные ряды:

1) Cu – 96,38%; Pb – 1,12%; Sn – 0,85%; As – 0,8%; Fe – 0,73%; Ti – 0,12%;

2) Cu – 99,25%; Sn – 0,46%; Pb – 0,29%;

3) Cu – 99,19%; Sn – 0,45%; Pb – 0,36%.

Выявленные показатели демонстрируют медный сплав с сопутствующими примесями и символической добавкой олова.

Обсуждение

Рассмотренный комплект металлических наконечников стрел на территории Верхнего Приобья найден впервые. Для поселений Западной Сибири раннего железного века подобные случаи уже отмечались.

Зафиксированная рецептура сплавов свидетельствует в пользу того, что на памятнике Боровое-III исследована мастерская, в которой осуществлялись эксперименты и делались серийные изделия. Наличие бракованных предметов также подтверждает данное заключение.

Выявленные составы сплавов обнаруживают аналогии при изучении металлических изделий из памятников Алтая «раннескифского» времени [Хаврин, 2008]. При этом имеется и своя специфика. Это, например, выражается в повышенном количестве олова, а также в использовании разных источников месторождений медной руды.

Несмотря на то, что мы имеем дело с открытым комплексом, тем не менее, зафиксированная совокупность наконечников стрел позволяет рассматривать их вместе, что обеспечивает возможность получения датировки при наличии хорошо изученных комплексов Тувы, Барабы и других регионов.

По морфологическим особенностям в рассмотренной серии наконечников можно выделить несколько групп.

К первой относятся изделия с выступающей втулкой и асимметрично-ромбическим абрисом пера. Аналогии им встречаются в комплексах памятника Аржан-1 конца IX – VIII вв. до н.э. [Грязнов, 1980; Марсаолов, 2000, с. 21, табл. 1; Чугунов, 2000, рис. 3.-6]. В том же «царском» кургане и других объектах найдены двухлопастные экземпляры со скрытой втулкой и с асимметрично-ромбическим абрисом пера [Грязнов, 1980, рис. 11.-12; Кирюшин, Тишкин, 1997, с. 82, рис. 60.-8].

Наконечники со скрытой втулкой, с ромбической формой сечения и асимметрично-ромбическим абрисом пера составляют еще одну группу изделий, наиболее близкие аналогии которым известны в материалах раннесакских памятников (в частности, в погребениях конца VIII – VII вв. до н.э. могильника Южный Тагискен [Итина, 1992, табл. 4.-1; Итина, Яблонский, 1997, с. 70, рис. 47.-1, 3; Таиров, 2007, с. 228, рис. 5.-18]). Стоит отметить, что схожие по форме изделия происходят из кургана 2а последней четверти VII в. до н.э. Аржан-2 [Чугунов, 2011, рис. 29: кл. 2а.-5].

В четвертую группу входят наконечники стрел со скрытой втулкой, ромбической формой сечения и ромбическим абрисом пера. Подобные экземпляры встречены при исследовании могильника Баданка-IV и датированы в рамках VII в. до н.э. [Чугунов, 2000, рис. 1.-II].

Наконечникам с выступающей втулкой и абрисом пера листовидной формы можно найти близкие аналогии в материалах раннесакских памятников VII–VI вв. до н.э. Карамурун-I и Уйгарак [Итина, 1992, табл. 4.-1; Таиров, 2007, рис. 5.-1–13]. Такие же изделия найдены в комплексе конца IX – VIII вв. до н.э. на хорошо известном памятнике Чича в Барабе [Молодин, Парцингер, 2009, с. 72].

Стоит отметить, что отсутствие в рассмотренной серии трехгранных, трехлопастных и трехгранно-трехлопастных изделий позволяет исключить из времени ее бытования VI в. до н.э. Таким образом, датировка наконечников из Борового-III может быть ограничена VIII – последней четвертью VII в. до н.э.

Заключение

Представленные материалы свидетельствуют о несомненном эффекте при использовании естественно-научных методов. Применение рентгенофлуоресцентного анализа для изучения древних изделий бронзолитейного производства позволяет не только установить химический состав сплавов, но создает информационную платформу для решения вопросов, связанных с технологией древнего производства, а также с поиском направлений рудных месторождений для получения металла. Разнообразие выявленных рецептов свидетельствует о возможностях древних мастеров и их широких контактах.

Библиографический список

Алтайский край. Атлас. М. ; Барнаул : Главное управление геодезии и картографии при Совете министров СССР, 1978. Т. 1. 222 с.

Абдулганеев М.Т. Отчет об археологических раскопках отряда Алтайской археологической экспедиции АГУ в Зональном и Бийском районах Алтайского края. Барнаул, 1986 / Архив ИА РАН. №Р-1 11462.

Абдулганеев М.Т. Бийский этап (содержание понятия и хронологические рамки) // Материалы к изучению прошлого Горного Алтая. Горно-Алтайск : ГАНИИИЯЛ, 1992. С. 91–105.

Абдулганеев М.Т. Памятники бийского этапа в Верхнем Приобье // Культура древних народов Южной Сибири. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1993. С. 51–56.

Грязнов М.П. Аржан. Царский курган раннескифского времени. М. : Наука, 1980. 64 с.

Зайков В.В. Юность георхеологии. Екатеринбург : Ин-т минерологии УрО РАН, 2010. 175 с.

Итина М.А. Ранние саки Приаралья // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М. : Наука, 1992. С. 31–47 (Археология СССР. Т. 11).

Итина М.А., Яблонский Л.Т. Саки Нижней Сырдарьи (по материалам могильника Южный Тагискен). М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1997. 187 с.

Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Казаков А.А. Город Бийск. Памятники археологии // Бийск. Бийский район. Памятники истории и культуры. Бийск : ППО «Катунь», 1992а. С. 7–47.

Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Казаков А.А. Бийский район. Памятники археологии // Бийск. Бийский район. Памятники истории и культуры. Бийск : ППО «Катунь», 1992б. С. 100–114.

Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. I : Культура населения в раннескифское время. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1997. 232 с. : ил.

Кунгуров А.Л. Отчет о полевых работах Бийского археологического отряда в Алтайском крае, летом 1981 года. Барнаул, 1981. 80 с. / Архив ИА РАН, №Р-1 8954.

Кунгуров А.Л. Отчет об археологических исследованиях Бийской археологической экспедиции летом 1989 года. Барнаул, 1989 / Архив музея археологии и этнографии Алтая АлтГУ. №108.

Кунгуров А.Л., Кунгурова Н.Ю. Разведка на востоке Алтая // Археологические открытия 1981 года. М. : Наука, 1983. С. 206–207.

Кунгуров А.Л. Научная деятельность М.Д. Копытова // Алтайский сборник. Барнаул : ГИПП «Алтай» 1995. Вып. XVI. С. 270–282.

Кунгуров А.Л. Керамика эпохи поздней бронзы и переходного от бронзы к железу времени с поселения Боровое 3 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1999а. Вып. X. С. 74–77.

Кунгуров А.Л. Андроновские поселения восточных районов Алтайского края // Вопросы археологии и истории Южной Сибири. Барнаул : Изд-во Барнаульского гос. пед. ун-та, 1999б. С. 13–24.

Кунгуров А.Л. Материалы эпохи поздней древности, раннего и развитого средневековья с поселенческих комплексов Верхнего Приобья // Алтай и сопредельные территории в эпоху средневековья. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2001. С. 54–62.

Марсадолов Л.С. Археологические памятники IX–III вв. до н.э. горных районов Алтая как культурно-исторический источник (феномен пазырыкской культуры) : автореф. дис. ... доктора культурологии. СПб., 2000. 56 с.

Молодин В.И., Парцингер Г. Хронология памятника Чича-1 // Чича – городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2009. Т. 3. С. 51–78.

Папин Д.В., Шамшин А.Б. Барнаульское Приобье в переходное время от эпохи бронзы в раннему железному веку. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2005. 201 с.

Растительный покров Западно-Сибирской равнины. Новосибирск : Наука, 1985. 250 с.

Таиров А.Д. Кочевники Урало-Казахстанских степей в VII–VI вв. до н.э. Челябинск : Изд-во ЮУрГУ, 2007. 274 с.

Тишкин А.А. Предметы вооружения монгольского времени из окрестностей Бийска // Материалы по военной археологии Алтая и сопредельных территорий. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2002. С. 143–149.

Тишкин А.А. Алтай в монгольское время (по материалам археологических памятников). Барнаул : Азбука, 2009. 208 с. : ил.+вкл.

Хаврин С.В. Анализ состава раннескифских бронз Алтая // Шульга П.И. снаряжение верховой лошади и воинские пояса на Алтае. Ч. I : Раннескифское время. Барнаул : Азбука, 2008. С. 173–178.

Чугунов К.В. Бронзовые наконечники стрел скифского времени Тувы // Мировоззрение. Археология. Ритуал. Культура. СПб., 2000. С. 213–238.

A.A. Tishkin, A.L. Kungurov, O.S. Likhacheva

THE X-RAY FLUORESCENT ANALYSIS OF METAL ARROWS HEADS OF ARZHAN-MAYEMIR TIME FROM THE SETTLEMENT BOROVOYE-III (upper stream of Ob river)

The archaeological site Borovoye-III is located in the south of Western Siberia, near Biysk, on the right coast of Biya. It is a settlement complex on which signs of various cultures from the Neolithic before the developed Middle Ages are recorded. During the emergency excavation connected with construction of the highway and bridge through the river in 1989 metal arrows heads, ceramics fragments, a set of small fragments of the burned-through bones, charcoal, pestle, three abrasives, six chippers from river boulders and pebbles, a stone with processing, some fragments of casting molds from clay were found. Data on these finds were repeatedly published. However results of the X-ray fluorescent analysis and total characteristics of bronze products are introduced for the first time. Obtained data allows to carry out cultural and chronological attribution of one of objects from the settlement where subjects of arms dated by Arzhan-Mayemir time (the end of IX – 2–3 quarter of the VI centuries BC) were recorded. Now the considered finds are stored in fund of the Museum of archeology and ethnography of Altai in the Altai State University (Barnaul).

Keywords: upper stream of Ob river, archeological excavations, arrows heads, settlement, X-ray fluorescent analysis, Arzhan-Mayemir time.

Е.В. Детлова, С.В. Кузьминых

*Красноярский краевой краеведческий музей, Красноярск, Россия;
Институт археологии РАН, Москва, Россия*

«Я ОЧЕНЬ ИНТЕРЕСУЮСЬ ВАШИМИ РАБОТАМИ»: К ИСТОРИИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ М.П. ГРЯЗНОВА И Г. МЕРГАРТА

Письма М.П. Грязнова, адресованные австрийскому и немецкому археологу, автору фундаментального труда «Бронзовый век на Енисее» Геро фон Мергарту, приоткрывают завесу международных связей археологов Этнографического отдела Государственного Русского музея в 1920-е гг. Грязнов был последним из советских археологов, с кем Мергарт поддерживал переписку. В 1930 г. их столь многообещающий диалог был прерван. Остается сожалеть, что политика и время развели этих незауряднейших ученых, совместное творчество и работа которых могли бы дать чрезвычайно много для археологии Северной Евразии.

Ключевые слова: история археологии, переписка, бронзовый век, Сибирь, Алтай, Казахстан.

DOI: 10.14258/tpai(2014)2(10).-08

О Геро фон Мергарте написано много (в том числе и авторами настоящей статьи) [Белокобыльский, 1986, с. 119–132; Вдовин и др., 2010; Детлова, 2006; 2007; 2008; 2011; Detlowa, 2010; Detlowa, Swozilek, 2006; Детлова, Макаров, 2009; Детлова и др., 2010; Детлова и др., 2014; Китова, 1994; 2007, с. 164–170; Кузьминых и др., 2007; Кузьминых, Детлова, 2010; Kuzminych, Detlova, 2010; Ларичев, 1969, с. 148–153, 215–221; Makarov et al, 2009; Мартынов, 1992; Матющенко, 2001, с. 79–81; Parzinger, 2008, s. 11–45; и др.]. Еще больше написано о Михаиле Петровиче Грязнове [Всевиов и др., 2012, с. 63–65; Культуры..., 2012, с. 11–86]. По-другому и быть не может: слишком уж масштабны и незаурядны эти фигуры и их роль в истории археологии. Чтобы понять это, достаточно даже поверхностного знакомства с их жизнью и научной деятельностью.

Не удивительно, что диалог этих выдающихся ученых представляет огромный профессиональный интерес. Попробуем поэтапно воссоздать картину их взаимоотношений, указать на обстоятельства, предшествующие началу их знакомства, а также оценить значение этих контактов для дальнейшего развития археологической науки в Сибири.

Геро фон Мергарт попал в Красноярск как военнопленный Первой мировой войны в 1919 г. Тогда же он начал работать в Красноярском городском музее в отделе археологии в качестве реставратора, а в 1920 г. стал заведующим отделом. В Красноярске в общей сложности ученый провел чуть больше двух лет. За столь короткий срок он проделал колоссальную работу: это обработка (систематизация, классификация, атрибуция, реставрация) археологических музейных коллекций, раскопки и разведки на севере и юге региона, составление перспективного плана по изучению обширной территории Енисейской губернии, схемы устройства будущей экспозиции музея по древней истории и многое другое [Детлова, 2011, с. 94].

Летом 1920 г. вместе со своими спутниками Г.П. Сосновским и В.П. Ермолаевым Мергарт совершил продолжительную поездку на юг края, в Минусинскую котловину, с целью проведения археологической разведки. В ходе разысканий Мергарт и Со-

сновским были вскрыты два кургана, осмотрен ряд памятников и намечен план дальнейшей работы [Детлова, 2011, с. 93].

Тогда же, летом 1920 г., в Минусинской котловине работала экспедиция Томского университета, один из отрядов которой возглавлял С.А. Теплоухов. Пути Теплоухова и Мергарта – к обоюдному желанию обоих ученых – пересеклись: они встретились, их продолжительные и содержательные беседы сыграли крайне важную роль в дальнейших научных поисках как самих исследователей, так и в целом в развитии сибирской археологии [Кузьминых и др., 2007]. Судя по некоторым упоминаниям в переписке Мергарта и Теплоухова и в последней публикации немецкого ученого, посвященной Сибири, краеугольный камень в создании хронологической шкалы археологических культур Южной Сибири был заложен именно тогда, в ходе этих бесед*.

О встрече с Теплоуховым Мергарт написал в своих мемуарах: «Мой дорогой коллега Теплоухов из Томского университета, который совсем незадолго до начала наших раскопок совершил несколько дневных поездок по северу степи, тотчас же узнал, что у Абакана, там-то и там-то, военнопленный раскапывает курганы. Было известно даже то, где мы проживаем» [Merhart, 2008, s. 132]. О других спутниках Теплоухова Мергарт не упоминает, хотя не исключено, что именно летом 1920 г. в Абакано-Минусинской экспедиции он мог встретиться со студентом Томского университета Михаилом Грязновым.

В 1921 г. Геро Мергарт возвратился на родину. В 1924 г. он защитил диссертацию о бронзовом веке на Енисее, которая спустя два года легла в основу его фундаментального труда «Bronzezeit am Jenissei» [Merhart, 1926]. В первые годы по возвращении на родину научные интересы Мергарта были сконцентрированы именно на сибирской тематике: тогда вышли его основные «сибирские» работы, охватывающие все ступени и хронологические этапы древней истории Сибири**. Постепенно оформляется его научный метод, который начал складываться еще в Сибири и достиг своего расцвета в 1920–1930-е гг. В 1928 г., с приглашением Геро Мергарта на должность первого штатного профессора древней истории Германии в Университете Филиппа г. Марбург-на-Ланне, начинается педагогическая карьера ученого и формирование его научной школы (рис. 1).

Рис. 1. Геро фон Мергарт в 1940-е гг.

* Спустя десятилетия Мергарт вспоминал: «Фундаментальное распределение культур Теплоухова [тогда] еще не было разработано и таким образом у нас было много возможностей подискутировать. А «степной телефон» летом сразу же сообщил ему, что я провожу раскопки в Абакане, и как он, так и я сам сочли в равной степени прекрасным тогда встретиться»; см.: [Merhart, 1958, s. 229].

** Список «сибирских» работ Мергарта см.: [Merhart, 2008, s. 279, 280].

В то время, когда Геро фон Мергарт плодотворно трудился в Красноярском городском музее, в Томском университете постигал азы археологической науки М.П. Грязнов, который в то время учился на естественном отделении физико-математического факультета. Участие в экспедиции на юге Енисейской губернии стало, по мнению историографов, «знаковым событием, определившим дальнейшее направление его жизненного пути» [Пшеницына, Боковенко, 2012, с. 11]. Тогда, в 1920 г., встреча Мергарта и Грязнова, если она в действительности состоялась, могла быть только лицемерием увлеченного, подающего надежды студента на захватывающую беседу двух старших коллег – С.А. Теплоухова и Г. Мергарта, археологов, стоявших в то время на пороге разгадки древних культур Сибири. Грязнов в тот момент был еще на подступах к «погружению» на долгие десятилетия в мир сибирских древностей. Несколько лет спустя, когда «очерчивается круг профессиональных интересов М.П. Грязнова» – изучение «памятников эпохи бронзы и раннего железного века в обширном регионе, охватывающем юг Сибири, Алтайский край, Казахстан и Киргизию <...>» [Пшеницына, Боковенко, 2012, с. 12], ему, безусловно, уже было о чем поговорить с представителем европейской школы археологии.

В нашем распоряжении оказалось три письма М.П. Грязнова Геро Мергарту, которые сохранились в его личном архиве в Марбургском университете. Инициатором переписки выступил российский ученый. К заочному общению с австрийским коллегой подтолкнули, судя по всему, два обстоятельства. Во-первых, знакомству с Мергартом предшествовало знакомство Грязнова с одним из лучших в Европе знатоков русской археологии, профессором Хельсинкского университета А.М. Тальгреном*. Не исключено, что именно по совету финского коллеги Грязнов в 1927 г. написал Мергарту. Другим важным импульсом к началу переписки послужил выход в свет самого известного труда Мергарта «Bronzezeit am Jenissei». Первые экземпляры книги попали в СССР в библиотеки Музея Приенисейского края в Красноярске и ГАИМК и Этнографического отдела ГРМ – в Ленинграде. Для Грязнова-сибириеведа она, конечно же, была желанной.

Хотя письма не датированы и на них отсутствуют привычные для той эпохи реквизиты, предваряющие основное содержание посланий, первые два письма с уверенностью можно отнести к 1927 г. – в первом из них Грязнов упоминает вышедшую в том же году свою работу «Погребения бронзовой эпохи в Западном Казахстане» [Грязнов, 1927, с. 179–221]. Первое письмо – более пространное и обстоятельное. В нем выражена заинтересованность российского ученого в налаживании постоянных научных связей с Мергартом, который, наряду с Теплоуховым, был в те годы лучшим знатоком енисейских древностей бронзового века. Интерес Грязнова к трудам австрийского археолога и прежде всего к его книге «Bronzezeit am Jenissei» в этой связи вполне закономерен. Причем это интерес уже сложившегося ученого, с четко намеченной программой дальнейших исследований.

С некоторыми результатами своих разысканий, еще не опубликованных, Грязнов поделился в этом письме. Важнейший итогом его исследований последних лет стало выделение самостоятельного очага бронзовой культуры «в области Киргизских и Западно-Сибирских степей». Российским археологом подмечено своеобразие морфологических форм орудий этого очага, их отличие от форм, «встречающихся запад-

* См. коротко об истории отношений Грязнова и Тальгрена в статье С.В. Кузьминых в настоящем номере.

нее Урала и восточнее Алтая». Грязнов на сравнительно небольшой выборке орудий из случайных находок на Алтае, в Восточном, Центральном и Северном Казахстане уже в 1927 г. наметил сложение особой зоны металлообработки, которая впоследствии будет отождествляться с горно-металлургическим производством алексеевско-саргаринской культуры конца бронзового века [Агапов и др., 2012, с. 44–59], входившей в обширную евразийскую область степных культур валиковой керамики. Как следует из контекста письма, исследователь в рамках одной статьи намеревался охарактеризовать «Казакстано-Алтайский и Минусинский очаги бронзовой культуры». Но в итоге первоначальный план был изменен: каждому из очагов будет посвящено самостоятельное исследование [Грязнов, 1930, с. 149–162; 1941, с. 237–271].

Второе письмо по контексту связано с первым – это довольно лаконичное послание с традиционными приветственными формулами и благодарностью за присланную литературу (рис. 2). С большой определенностью можно говорить о дате третьего, последнего письма – 1930 год. В нем упоминается о выходе статьи Грязнова [1930] о казахстанском очаге бронзовой культуры. Этот нюанс имеет особенное значение: Грязнов, по всей видимости, был одним из последних русских корреспондентов Мергарта – все прежние контакты Мергарта с коллегами из СССР обрываются годом ранее – в 1929-м. Писать после года «великого перелома» большинство советских археологов считали для себя небезопасным. Грязнов был одним из немногих (а, может быть, и единственным), кто отважился на этот рискованный шаг. В этом письме Грязнов вновь возвращается к своей гипотезе о казахстанском очаге бронзовой культуры и выдвигает предположение о сложении культур бронзового века Сибири под «непосредственным взаимодействием трех очагов – Урал, Казакстан

+

Минусинский
Очаг Восточной,
Бессмертно Ваш благодарен
за Ваше внимание. Кни-
гу «Bronzezeit im Jenissei»
люблю читать. Она дает
так много нового, инте-
ресного материала пред-
ельно изучено и исследо-
вано. Желаю Вам и
открыть новые про-
ективы в области изу-
чения Бронзовых культур
Сибири. Мне, к сожа-
лению, ⁺ не удалось,
объемом, культурными
Бронзовой эпохи, Ваша
работа является край-
не интересной. Я буду с
такой признательностью
посылать Вам все свои
работы по достижении Си-
бири. Я был бы очень
коллегой, если бы ~~бы~~
~~бы~~ смогли ответить
вам-те.
Еще раз благодарю за
Вашу любезность
Искренне Вас уважающий
М.П. Грязнов

Рис. 2. Письмо М.П. Грязнова.
1927 г. Автограф. Чернила

и Минусинск». Все остальное автор считает провинциями этих трех основных культур. Гипотеза о сложении западносибирских культур эпохи бронзы на разных этапах их развития под влиянием импульсов из базовых горно-металлургических областей (Урал, Казахстан, Саяно-Алтай) в наши дни нашла твердую опору в археологических материалах.

Столь многообещающий диалог Грязнова и Мергарта был прерван. Вместе с этим письмом обрывается и последняя ниточка, связывающая Мергарта с археологами из СССР. Остается глубоко сожалеть, что политика и время развели этих незаурядных ученых, совместное творчество и работа которых могли бы дать чрезвычайно много для археологии Северной Евразии.

Однако на этом ставить точку в истории контактов Мергарта и Грязнова преждевременно. Мостиком, перекинутым из прошлого в будущее, стала деятельность учеников и последователей Геро Мергарта. Высказанная в одном из писем А.М. Тальгрелю уверенность в том, что «зерно, заложенное в моих учениках <...> даст хорошие всходы» [АМУ, письмо от 26.09.1936], не была напрасной. «Марбургская лавочка», как шутливо называли свою alma mater ученики Мергарта, дала жизнь целой плеяде высококлассных специалистов, которые достойно продолжили дело своего учителя не только в профессиональной сфере, но и в плане расширения и укрепления международных связей. К сожалению, многие из первой когорты выпускников Марбургского доисторического семинара, на которых Мергарт возлагал особые надежды, связанные с дальнейшим изучением «евразийской» тематики, погибли в годы Второй

Рис. 3. Г. Мюллер-Карпе и Э. Зангмайстер – ученики Г. Мергарта. Марбург, 2009 г.

мировой войны. Однако не менее талантливая послевоенная «поросль» в полной мере оправдала чаяния учителя. Помимо широты научного поиска, критического осмысления источников, точности и скрупулезности исследования, от своего профессора ученики унаследовали интерес к сибирским древностям и сотрудничеству с российскими археологами. Среди выпускников Марбургского семинара тех лет известный европейский археолог 1960–1980-х гг., один из тех, кого

причисляют к «живым легендам» мировой науки, – профессор Германн Мюллер-Карпе. Он один из немногих западных ученых, кто был лично знаком с М.П. Грязновым (рис. 3). Как вспоминает Мюллер-Карпе, Геро фон Мергарт призывал своих учеников к тому, чтобы «мы держали глаза широко открытыми и далеко за пределы Европы, также и на сибирские дали устремляли свой археологический взгляд» [Müller-Karpe, 2010, s. 18].

Личные контакты профессора Мюллера-Карпе с советскими археологами, по его словам, «начались в 1969 году с посещения музеев и институтов в Москве и Санкт-Пе-

тербурге (тогда Ленинграде)» [Müller-Karpe, 2010, s. 18]. За этим визитом последовали другие, в 1974 и 1980 гг. В задачи поездок, помимо знакомства с археологическими коллекциями, входили также обсуждение совместных издательских проектов, публикация на немецком языке важнейших археологических памятников, исследованных на территории Советского Союза. Из 16 выпущенных в серии «Materialien zur Allgemeinen und Vergleichenden Archäologie» томов «Сибири досталось лишь пять» [Müller-Karpe, 2010, s. 19]. «Крайне значимым» в этой серии немецкий археолог считает труд «профессора М.П. Грязнова о царском кургане раннего железного века Аржан на Алтае» [Müller-Karpe, 2010, s. 19].

Как и в любой другой работе Грязнова, в публикации об Аржане [Grjaznov, 1984] с первых же слов обращают на себя внимание чистота, «научность», отточенность и зрелость стиля, внимание к мельчайшим деталям, логика построения каждой фразы, системность и широта представлений и взглядов, выверенность фактов, подробные, исчерпывающие описания – будь то памятник, ландшафт, комплекс находок. Читателя привлекают глубокий анализ и проработанность материала, покоряют обширная эрудиция автора и его компетентность. Подкупает смелость, с которой он переходит к обобщениям и выводам. Читается эта книга с неподдельным интересом. Это совсем не частое явление в науке, можно сказать, «высший пилотаж», когда именно не научно-популярная, а абсолютно научная, профессиональная работа читается на одном дыхании, когда она понятна, доступна не только узкой аудитории, но и широкому кругу читателей.

О значимости этих исследований для мировой археологии профессор Мюллер-Карпе говорит во вступлении к немецкому изданию. Здесь же он отдает дань уважения памяти своего учителя и других сибирских исследователей: «Результаты проведенных в 1971–1974 гг. М.П. Грязновым раскопок Аржана в области верхнего Енисея, который считается одним из крупнейших курганов железного века Южной Сибири, заслуживают того, чтобы быть опубликованными в переработанном виде в немецкой редакции <...>. Настоящая публикация появилась добрых сто лет спустя обнаружения первых планомерных раскопок кургана железного века в Южной Сибири (1884) урожденным берлинцем В. Радловым. Несколько месяцев спустя родился Геро фон Мергарт, который позднее при чрезвычайно сложных внешних обстоятельствах развернул столь успешную археологическую работу на Енисее и вообще в Сибири. М.П. Грязнов много рассказывал мне о деятельности Г. фон Мергарта в Красноярске на Енисее и в Минусинской котловине и позволил мне почувствовать то высочайшее уважение, которое испытывали участники изучения южносибирских курганов по отношению к фундаментальным исследованиям Г. ф. Мергарта. Данный выпуск, таким образом, – это дань памяти Геро фон Мергарта, который так же, как и В. Радлов в своей личности воплощает плодотворное сочетание немецкой и русской исследовательских традиций в усилиях по освещению сибирских курганов и тем самым является примером нам, ныне живущим.

Бонн, весна 1984

Германн Мюллер-Карпе».

С М.П. Грязновым Г. Мюллер-Карпе был знаком и встречался лично в Ленинграде. Во время одной из поездок немецкий ученый посетил также ряд сибирских городов (Омск, Иркутск, Новосибирск и Горно-Алтайск) [Müller-Karpe, 2010, s. 19]. Однако в Красноярске, который являл собой столь значимую веху на жизненном пути Геро Мергарта, ученому побывать не удалось. Об этом он с сожалением признался в письме одному из авторов данной статьи: «Я лично в свое время не смог приехать

в Красноярск – тогда это была закрытая военная зона»*. Вкупе с письмом профессор Мюллер-Карпе презентовал также немецкий вариант публикации об Аржане со своей дарственной надписью.

Предложение осветить историю взаимоотношений двух крупнейших персонажей евразийской археологии – М.П. Грязнова и Г. Мергарта не рассматривалось изначально как прелюдия к глубокому исследованию о российско-немецких связях в области археологии. Данный очерк – лишь мимолетное прикосновение, штрих к жизни и научному творчеству двух выдающихся археологов. Но при этом письма М.П. Грязнова приоткрывают нам завесу международных связей археологов Этнографического отдела ГРМ в 1920-е гг. В истории контактов Геро Мергарта и Михаила Петровича Грязнова на сегодняшний день, пожалуй, больше вопросов и недосказанности, чем ответов. Хочется верить, что со временем эти лакуны постепенно заполнятся.

ПИСЬМА М.П. ГРЯЗНОВА ГЕРО ФОН МЕРГАРТУ

№1

Многоуважаемый Геро Вальтерович,

одновременно с этим письмом я посылаю Вам свою статью о погребениях андроновской культуры в Западном Казакстане (Киргизском крае) [Грязнов, 1927]. К сожалению, по оплошности редакции я не имею отдельных оттисков этой статьи и потому вынужден послать Вам не вполне опрятный экземпляр моей статьи. Надеюсь, что Вы извините мне это.

Занимаясь в течение нескольких последних лет изучением бронзовых культур Сибири, я очень интересуюсь Вашими работами, касающимися этих вопросов**. Мне бы очень хотелось иметь с Вами постоянную связь. Я со своей стороны буду с большим удовольствием сообщать все, что будет нового в области изучения сибирской бронзы и делиться с Вами всеми своими материалами и соображениями по этому вопросу.

В напечатанных Вами работах наибольший интерес для меня представляет последняя Ваша работа – «Bronzezeit am Jenissei». Несомненно, пришло время изучить сибирскую бронзу географически и, отказавшись от понятия «Сибирская бронзовая культура»***, изучать отдельные культуры бронзовой эпохи в различных областях Сибири. Вам удалось показать, что помимо общеизвестных минусинских форм бронзовых орудий на севере имеются своеобразные, совершенно отличные от Минусинских типы бронзовых орудий****, которые нарушают стройность нашего представления о большой бронзовой культуре Сибири. Вслед за Вами Дебеч указал, что в Забайкалье при ничтожном количестве орудий минусинского типа имеется целый ряд орудий, совершенно отличных как от минусинских, так и от ангарских форм [Дебеч, 1926а;

* Письмо Г. Мюллера-Карпе Е.В. Детловой (март 2012 г.) из Бонна.

** См. о «сибирских» работах Мергарта [Merhart, 2008, s. 279, 280].

*** Термин «сибирская бронзовая культура» до исследований Г. Мергарта и С.А. Теплоухова распространялся в целом на все погребальные памятники Минусинской котловины, которые в 1920-е гг. будут отнесены к памятникам бронзового (афанасьевская, окуневская, андроновская и карасукская археологические культуры) и раннего железного веков (тагарская культура).

**** Речь идет прежде всего о бронзовых кельтах так называемого красноярского типа [Merhart, 1926, abb. 2–29]. В дальнейшем за ними закрепилось название «кельты красноярско-ангарского типа» [Максименков, 1960].

19266]. Наконец, в моем распоряжении имеется материал, свидетельствующий о самостоятельном очаге бронзовой культуры на Западе, в области Киргизских и Западно-Сибирских степей. Там орудия Минусинских типов составляют ничтожный процент. Главная масса орудий принадлежит формам своеобразным, не встречающимся западнее Урала и восточнее Алтая. Главная масса находок орудий этих типов сделана в Западном Алтае (Усть-Каменогорский и Зайсановский уезды Семипалатинской губ.), где имеется большое количество рудников. Материал, касающийся затронутого вопроса, мною разработан. Мною сдана в печать статья под заглавием «Казакстано-Алтайский и Минусинский очаги бронзовой культуры»*. В течение зимы она должна быть напечатана. Немедленно по выходе ее в свет я Вам пришлю ее.

Прошу извинить меня, что я пишу Вам по-русски. Я недостаточно свободно владею немецким языком, и для меня было бы очень трудно писать Вам по-немецки. Мне же известно, что Вы русским языком владеете и для Вас не составляет особых затруднений прочесть это письмо. Мне Вы писать, конечно, можете по-немецки. Я очень буду рад, если Вы найдете для себя желательным поддерживать со мною связь, и постараюсь быть для Вас как можно более полезным.

Адрес мой: Leningrad, Ingenernaja 4, Russische Museum, M.P. Grjaznov.

Искренне Вас уважающий М. Грязнов [подпись]

№2

Многоуважаемый Геро Вальтерович,

Бесконечно Вам благодарен за Ваше внимание. Книгу «Bronzezeit am Jenissei», любезно присланную Вами, я получил. Она дает так много нового, интересного материала, прекрасно изученного и систематизированного Вами, и открывает новые перспективы в области изучения бронзовых культур Сибири. Мне, интересующемуся, главным образом, культурами бронзовой эпохи, Ваша работа является крайне интересной. Я буду считать приятным долгом посылать Вам все свои работы по доистории Сибири. Я был бы очень польщен, если бы Вы смогли ответить тем же.

Еще раз благодарю за Вашу любезность

Искренне Вас уважающий М. Грязнов [подпись]

№3

Глубокоуважаемый Геро Вальтерович!

Одновременно с этим я посылаю Вам отпечаток статьи о Казакстанском очаге бронзовой культуры [Грязнов, 1930]. Мне бы очень хотелось знать Ваше мнение по поводу выделенного мною нового для Сибири культурного очага. Мне кажется, что бронзовые культуры Сибири слагались под непосредственным взаимодействием трех очагов – Урал, Казакстан и Минусинск. Все остальное – это лишь провинции трех основных культур. Так ли это на Ваш взгляд?

Из Ваших работ я имею только «Bronzezeit am Jenissei». Я был бы чрезвычайно Вам благодарен, если бы Вы могли мне прислать что-либо из Ваших работ по металлическим культурам Сибири**.

С искренним приветом Вам

Ваш М. Грязнов [подпись]

* Статья в итоге вышла под названием «Казахстанский очаг бронзовой культуры» [Грязнов, 1930].

** К 1930 г. у Мергарта вышли следующие работы по данной теме: [Мергарт, 1923; Merhart, 1923, 1924, 1926].

Библиографический список

Агапов С.А., Дегтярева А.Д., Кузьминых С.В. Металлопроизводство восточной зоны общности культур валиковой керамики // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2012. №3 (18). С. 44–59.

Белокобыльский Ю.Г. Бронзовый и ранний железный век Южной Сибири: История идей и исследований XVIII – первой трети XX вв. Новосибирск : Наука, 1986. 168 с.

Вдовин А.С., Детлова Е.В., Кузьминых С.В., Макаров Н.П. К истории красноярской археологии: международные связи // Енисейская провинция. Красноярск : Литера-Принт, 2010. Вып. 5. С. 106–119.

Всевинов Л.М. и др. (сост.). Литература о М.П. Грязнове // Михаил Петрович Грязнов: исследователь древних культур Сибири и Центральной Азии. Архивные материалы и список научных работ. СПб. : ЭлексСис, 2012. С. 63–65.

Грязнов М.П. Погребения бронзовой эпохи в Западном Казахстане // Казаки: Антропологические очерки. Л., 1927. Вып. 1. С. 179–221.

Грязнов М.П. Казахстанский очаг бронзовой культуры // Казаки: Антропологические очерки. Л., 1930. Вып. 3. С. 149–162.

Грязнов М.П. Древняя бронза минусинских степей. I. Бронзовые кельты // Труды Отдела истории первобытной культуры [Гос. Эрмитажа]. Л., 1941. Т. 1. С. 237–271.

Дебеч Г.Ф. Итоги и задачи доисторической археологии в Западном Забайкалье // Жизнь Бурятии. Верхнеудинск, 1926а. №4–6. С. 114–118.

Дебеч Г.Ф. Итоги и задачи доисторической археологии в Западном Забайкалье // Жизнь Бурятии. Верхнеудинск, 1926б. №7–9. С. 102–107.

Детлова Е.В. Геро фон Мергарт и российская археология: новое в исследованиях // Современные проблемы археологии России : материалы Всероссийского археологического съезда. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2006. Т. II. С. 414–416.

Детлова Е.В. Письма Геро Мергарта в Красноярский музей // Енисейская провинция. Красноярск : РИО КГПУ, 2007. Вып. 3. С. 76–87.

Детлова Е.В. Геро фон Мергарт и А.А. Спицын // История и практика археологических исследований. СПб. : Издательский Дом С.-Петербургского гос. ун-та, 2008. С. 241–246.

Детлова Е.В. «Я часто вспоминаю о Красноярске и о дружбе, которую я там встретил...»: (По страницам писем и мемуаров Геро фон Мергарта) // Второй век подвижничества. Красноярск : КККМ, 2011. С. 88–105.

Детлова Е.В., Буровский А.М., Кузьминых С.В. Конфликт В.А. Городцова и Геро фон Мергарта в контексте истории науки // *Stratum plus*. 2014. №1. С. 211–227.

Детлова Е.В., Добнат К., Кузьминых С.В. Геро фон Мергарт в истории российской и немецкой археологии: (Международный симпозиум «Геро фон Мергарт. Немецкий археолог в Сибири в 1914–1921 гг.», Марбург, 2009) // Российская археология. 2010. №2. С. 186–188.

Детлова Е.В., Макаров Н.П. Красноярск–Иркутск. К истории научных связей Б.Э. Петри и Г.К. Мергарта // Вузовская научная археология и этнология в Северной Азии. Иркутская школа 1918–1937 гг. Иркутск : Амтера, 2009. С. 36–45.

Китова Л.Ю. К вопросу о вкладе Г. Мергарта в изучение сибирской археологии эпохи палеометалла // Третьи исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. Омск : ОмГУ, 1994. С. 44–48.

Китова Л.Ю. История сибирской археологии (1920–1930-е годы): изучение памятников эпохи металла. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2007. С. 164–170.

Кузьминых С.В., Детлова Е.В. Из истории российской археологии 1920-х годов: Геро фон Мергарт и Сибирь // Вестник РГНФ. 2010. №1 (58). С. 42–51.

Кузьминых С.В., Детлова Е.В., Салминен Т. Геро фон Мергарт и его последнее воспоминание о Сибири // Археологические материалы и исследования Северной Азии древности и средневековья. Томск : ТГУ, 2007. С. 160–173.

Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями / ред. В.А. Алексин и др. СПб. : ИИМК РАН, Периферия, 2012. Кн. 1. С. 11–86.

Ларичев В.Е. Палеолит Северной, Центральной и Восточной Азии. Ч. 1 : Азия и проблема родины человека: (Исследования и идеи). Новосибирск : Наука, 1969. 390 с.

Максименков Г.А. Бронзовые кельты красноярско-ангарских типов // Советская археология. 1960. №1. С. 148–162.

Маргинов А.И. Мерхарт и археология Сибири // Проблемы археологии, этнографии, истории и краеведения Приенисейского края. Красноярск : КГПУ, 1992. Т. I. С. 21–24.

Матющенко В.И. Триста лет истории сибирской археологии. Омск : ОмГУ, 2001. Т. I. 179 с.

Мергарт Г. Результаты археологических исследований в Приенисейском крае // Известия Красноярского отдела Русского географического общества. Красноярск, 1923. Т. III. С. 29–36.

Пшеницына М.Н., Боковенко Н.А. Вклад Михаила Петровича Грязнова в мировую археологическую науку // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. СПб. : ИИМК РАН, Периферия. 2012. Кн. 1. С. 11–24.

Grjaznov M.P. Der Großkurgan von Aržan in Tuva, Südsibirien. München: Verlag C.H. Beck, 1984. 90 s. (Materialien zur Allgemeinen und Vergleichenden Archäologie. Bd. 23).

Detlova E.V. Die Beziehungen Gero von Merharts zu den Kollegen in Russland // Gero von Merhart. Ein deutscher Archäologe in Sibirien 1914–1921. Marburg, 2010. S. 73–85 (Kleine Schriften aus dem Vorgeschichtlichen Seminar Marburg. Bd. 59).

Detlova K., Swozilek H. Briefe des Gero von Merhart nach Krasnojarsk und ein «Vorschlag betreffs der Organisation der archäologischen Erforschung des Jenissei-Gebietes» // Jahrbuch des Vorarlberger Landesmuseumsvereins – Freunde der Landeskunde 2005. Bregenz, 2006. S. 7–45.

Kuzminykh S., Detlova E. Gero von Merhart und Sibirien. Seine letzte Erinnerung an Land und Leute // Gero von Merhart: Ein deutscher Archäologe in Sibirien 1914–1921. Marburg, 2010. S. 85–99 (Kleine Schriften aus dem Vorgeschichtlichen Seminar Marburg. Bd. 59).

Makarov N.P., Vdovin A.S., Detlova Je.W. About the History of Krasnoyarsk Archaeologists' International Relations // Журнал Сибирского федерального университета. Сер. : Гуманитарные науки. 2009. Вып. 2. С. 336–348.

Merhart G. Beiträge zur Urgeschichte der Jenissei-Gubernie. Bericht über die Öffnung zweier Kurgane in der Abakansteppe // SMYA. 1923. Т. XXXIV:1. S. 2–46.

Merhart G. Beiträge II. Die Gruppe der Kurgane mit Platten- Einzelgrab // SMYA. 1924. Т. XXXV:2. S. 3–19.

Merhart G. von. Bronzezeit am Jenissei. Ein Beitrag zur Urgeschichte Sibiriens. Wien : Verlag von Antom Schroll & Co, 1926. 191 s.

Merhart G. Einige Erinnerungen an Sibirien // Palaeologia. Osaka, 1958. №7. S. 227–229.

Merhart G. Daljoko: Bilder aus sibirischen Arbeitstagen. Hg. von H. Parzinger. Wien ; Köln ; Weimar : Böhlau Verlag, 2008. 287 s.

Müller-Karpe H. Persönliche Erinnerungen an Gero von Merhart // Gero von Merhart. Ein deutscher Archäologe in Sibirien 1914–1921. Marburg, 2010. S. 18–19 (Kleine Schriften aus dem Vorgeschichtlichen Seminar Marburg. Bd. 59).

Parzinger H. Einführung // Merhart G. Daljoko: Bilder aus sibirischen Arbeitstagen. Wien ; Köln ; Weimar : Böhlau Verlag, 2008. S. 11–45.

K.V. Detlova, S.V. Kuzminykh

THE CORRESPONDENCE OF M.P. GRYAZNOV AND G. MERHART IN CONTEXT OF HISTORY OF ARCHAEOLOGY

The letters of M.P. Gryaznov, addressed to the Austrian and German archaeologist, the author of basic work «The Bronze Age on the Yenisei» Gero v. Merhart, lift the veil from the international contacts of the archaeologists of the Ethnographical department of the State Russian Museum. M.P. Gryaznov was the last of the soviet archaeologists, who corresponded with G. Merhart. In 1930 their promising dialogue was interrupted. It remains to regret, that the policy and the time separated these remarkable scientists, whose team-work could give a lot for the archaeology of the Northern Asia.

Keywords: history of archaeology, correspondence, The Bronze Age, Siberia, Altai, Kazakhstan.

**«МОНТЕЛИУС» ТУРКЕСТАНСКИХ СТЕПЕЙ:
ПЕРЕПИСКА М.П. ГРЯЗНОВА И А.М. ТАЛЬГРЕНА
(1926–1930 гг.)**

Переписка сотрудника Этнографического отдела Русского музея М.П. Грязнова и финского археолога, редактора журнала «Eurasia Septentrionalis Antiqua», профессора А.М. Тальгрена донесла до нас самую разнообразную информацию о деятельности Грязнова во второй половине 1920-х гг. Темой диалога явились прежде всего поиски и достижения молодого российского ученого. Общение с одним из ведущих европейских археологов, безусловно, придало импульс для творческого роста Грязнова и способствовало его становлению как исследователя.

Ключевые слова: история археологии, переписка, «Материалы по этнографии», «Eurasia Septentrionalis Antiqua», бронзовый век, Западная Сибирь, Алтай, Казахстан.

DOI: 10.14258/tpai(2014)2(10).-09

М.П. Грязнов принадлежит к первому послереволюционному поколению археологов, пришедших в науку в начале 1920-х гг. Труды именно этой генерации исследователей сыграли базовую, фундаментальную роль в развитии советской археологии и этнологии. Формирование Михаила Петровича как исследователя всецело связано с палеоэтнологической школой в русской археологии конца 1910–1920-х гг., для которой были характерны неразрывная связь с этнографией и физической антропологией, повышенное внимание к географической среде обитания древнего человека, а также к технике изготовления и функциям археологических предметов [Платонова, 2010, с. 178]. В лекционных курсах и лабораторных практикумах С.И. Руденко и С.А. Теплоухова в Томском и Петроградском университетах, а также уже в первых экспедициях в Минусинской котловине и под Томском Грязнов получил методические навыки работы не только с археологическими, но и с этнографическими, антропологическими и остеологическими источниками. Не случайно его первые научные труды – это методические пособия по сбору и обработке палеоантропологических и палеозоологических остатков из археологических раскопок [Всевиов и др., 2012, с. 63]. Столь же не случайна тяга молодого ученого к разработке статистико-комбинаторных методов анализа и классификации археологического материала, археологической трасологии [Грязнов, 1941, 1982]. Наследие палеоэтнологической школы пронизывает все научное творчество Грязнова, касается ли это восстановления облика древних культур или его блистательных вещеведческих этюдов.

Своим главным учителем в археологии Михаил Петрович по праву считал С.А. Теплоухова. Но важно помнить, что в томском и ленинградском круге общения Грязнова было немало фигур, оказавших влияние на формирование его как личности и ученого (В.Ф. Смолин, С.И. Руденко, Ф.И. Фиельструп и др.). Круг этот, как выясняется, был гораздо шире и выходил за пределы России. В 1924 или 1925 г. М.П. Грязнов познакомился в Ленинграде с А.М. Тальгреном, одним из ведущих европейских археологов того времени, признанным специалистом по археологии бронзового и раннего железного веков Северной Евразии, человеком, которого А.А. Спицын по праву относил и к числу российских археологов [Кузьминых, 2011, с. 18] (рис. 1).

С 1926 г. между Грязновым и Тальгреном завязалась переписка и, судя по всему, по инициативе финского ученого. По контексту первого письма можно понять, что Грязнов отвечает на вопросы Тальгрена и обращается к нему как к хорошо знакомому коллеге. Длилась переписка, к сожалению, недолго – около пяти лет и прервалась, вероятно, в середине 1930 г. Прежде чем перейти к характеристике писем, несколько слов о том, какой научный путь прошли наши корреспонденты к тому времени.

Рис. 1. А.М. Тальгрэн в 1920-е гг.
Архив Музейного ведомства Финляндии

Финский археолог Арне Михаэль Тальгрэн, или Михаил Маркович, как величали его в России, несмотря на ряд важных исследований по археологии Финляндии и истории финской науки [Kivikoski, 1954a, 1954b], на протяжении всей своей научной деятельности оставался верен выбору евразийской проблематики – от первых работ 1908 г. и диссертации («Медный и бронзовый век севера и северо-востока Европейской России») [Tallgren, 1911] до статей 1937–1938 гг. на эту тему в завершающих номерах журнала «Eurasia Septentrionalis Antiqua» [Kivikoski, 1954b, p. 138, 139] и последнего публичного доклада 1944 г. о русском палеолите [Kivikoski, 1954a, p. 119].

По завершении диссертации Тальгрэн в работах 1910-х гг. определил поле своих дальнейших исследований: бронзовый век евразийского пространства от Урала до Саяно-Алтая с прилегающими территориями. Первое же знакомство с материалами российских музеев заставило его усомниться в правомерности теорий Кастрена и Аспелина об урало-алтайском бронзовом веке как «колыбели» финно-угорских народов [Салминен, 2011]. Бронзовый век к западу от Урала Тальгрэн никак не мог признать генетическим «отпрыском» сибирского и связать его формирование с миграцией финно-угорских народов из Азии. Уже в диссертационном труде ему удалось доказать, что бронзовый век на севере и северо-востоке Европейской России – явление самостоятельное, сформировавшееся на основе местного каменного века и под влиянием южных степных культур.

Поездка 1915 г. в Сибирь, помимо желания осуществить раскопки в минусинских степях, ставила своей целью найти ответы на вопросы – что являл из себя урало-алтайский бронзовый век, был ли он един и в чем была его специфика? Тальгрэну предстояло прояснить и разрешить все сомнения, касавшиеся гипотезы об урало-алтайском бронзовом веке. Эта поездка и работа в сибирских музеях подтвердила его более ранние выводы: единого урало-алтайского бронзового века не существовало, не могло быть и речи о том, что появление финно-угров в исторических местах их проживания связано с миграцией в бронзовом веке из Сибири.

Длительная экспедиционная поездка в Россию в 1915 г. стала началом наиболее продуктивного периода в творческой жизни А.М. Тальгрена. В 1916 г. он издал исследование о бронзовом веке Волго-Уралья и каталог знаменитой коллекции В.И. Заусайлова [Tallgren, 1916]. В 1917 г. вышел аналогичный труд о бронзовом и раннем железном веке на Енисее и каталог коллекции И.П. Товостина [Tallgren, 1917]. В 1918 г. опубликован 2-й том труда о коллекции Заусайлова с обзором материалов железного века и болгарской эпохи Волго-Камья [Tallgren, 1918], вышел ряд статей о бронзовом веке Урала [Kivikoski, 1954b, p. 130]. В 1919 г. появилась книга об ананьинской культуре – вторая часть его диссертационного труда [Tallgren, 1919]. По сути, Тальгрэн завершил всю подготовительную работу, чтобы реализовать намеченный план по созданию сводного монографического труда об урало-алтайском бронзовом веке. Но в начале 1920-х гг. финский археолог всецело переключился на другие исследовательские проекты, хотя археология Урала и Сибири по-прежнему оставалась в сфере его пристального внимания. Свидетельство тому – серия научно-популярных очерков об археологии Урала, Алтая и Минусинской котловины в газете «Helsingin Sanomat» [Kivikoski, 1954b, p. 131–139], регулярные обзоры советской археологической литературы [Tallgren, 1927; 1928a; 1931; 1936], включая археологию Сибири, рецензии на работы М.И. Ростовцева, Г. Мергарта, С.А. Теплоухова [Tallgren, 1928b], Г.И. Боровки, М.П. Грязнова [Tallgren, 1928c], С.Н. Дурьлина и других авторов, обращавшихся к урало-сибирским материалам, ряд научных статей, напрямую связанных с археологией азиатских пределов СССР [Tallgren, 1933a, 1938].

В первую послереволюционную поездку в Советскую Россию в 1924 г. А.М. Тальгрэн побывал в Ленинграде и Москве, возобновил связи с российскими коллегами, встретился с А.А. Спицыным и В.А. Городцовым. В 1925 г. ему удалось, кроме столиц, познакомиться с археологическими собраниями Киева, Харькова, Саратова, Казани и Костромы. В 1928 г. его длительное путешествие пролегло по маршруту Ленинград – Москва – Ростов Великий – Нижний Новгород – Казань – Сарапул – Пермь – Самара – Саратов – Покровск – Воронеж – Владикавказ – Тбилиси – Пятигорск – Днепропетровск – Херсон – Одесса – Киев – Чернигов – Петрозаводск. Первое же знакомство с материалами музеев юга СССР в корне изменило вектор исследовательских интересов финского ученого: на первый план вышли степные и лесостепные культуры бронзового века Восточной Европы. Итоги исследований первой половины 1920-х гг. Тальгрэн весьма оперативно подвел в книге «Бронзовый век Северного Причерноморья» [Tallgren, 1926]. На этот же период приходится преподавательская деятельность в университетах Тарту (1920–1923) и Хельсинки (с 1923 г.), организация и начало издания журнала «Eurasia Septentrionalis Antiqua».

Со 2-й половины 1920-х гг. финский археолог обратился к теме о бронзовом веке Кавказа. Она стала логическим продолжением предшествующих исследований степной бронзы Восточной Европы. Тальгрэн и в книге 1926 г. уделил большое внимание культурам Северного Кавказа, их взаимосвязи и контактам с культурами Северного Причерноморья. Поездка 1928 г., работа с археологическими собраниями в музеях Пятигорска, Владикавказа и Тбилиси, изучение кавказских и анатолийских материалов в других музеях СССР и европейских стран убедили Тальгрена в необходимости создания большого сводного труда о бронзовом веке Кавказа. Ряд разделов этой будущей монографии он опубликовал в серии статей [Tallgren, 1929a, 1929b, 1930a, 1930b,

1933b, 1934, 1936]. Однако резкое ухудшение здоровья в 1937–1938 гг. [Kivikoski, 1954a, p. 117–119] и невозможность работы в советских музеях не позволили ему завершить данное исследование.

В 1920-е и в 1-й половине 1930-х гг. в полной мере раскрылся научный потенциал А.М. Тальгрена как специалиста по археологии бронзового века. Финский ученый, наряду с В.А. Городцовым, Б.С. Жуковым и С.А. Теплоуховым, стал негласным лидером ряда исследовательских направлений в евразийской археологии эпохи раннего металла. Он не был в прямом смысле учителем молодых советских археологов, но многие из них стремились к общению с Михаилом Марковичем, советовались с ним, делились своими идеями и планами – и в их числе М.П. Грязнов.

Михаил Петрович к 1926 г. окончил три курса ЛГУ по циклу антропологии и палеоэтнологии на естественном отделении физико-математического факультета и стал научным сотрудником Этнографического отдела ГРМ. Позади было участие в раскопках С.А. Теплоухова на Енисее, в Минусинской котловине, самостоятельные раскопки в 1924 г. «Тоянова городка» близ Томска, а в 1925 г. – андроновских могильников в Западном Казахстане, на р. Урале. В том же году он провел обследование берегов Оби от Бийска до Барнаула [Пшеницына, Боковенко, 2002, с. 20, 21]. К этому времени выходят из печати его первые труды [Всеивов и др., 2012, с. 55]. Основные научные интересы молодого ученого – вероятно, не без влияния Теплоухова – были связаны поначалу главным образом с культурами бронзовой эпохи и, как он признается в первом письме финскому археологу, «я и исследования свои старался производить в этом направлении».

Итак, в нашем распоряжении девять писем М.П. Грязнова, адресованных А.М. Тальгрону (№1–3, 5–10), и только одно ответное письмо финского ученого (№4) [РА ИИМК. Ф. 91. Оп. 3. Д. 193. Л. 1–2]. К сожалению, нет информации о других сохранившихся письмах Михаила Марковича среди бумаг российского археолога в Рукописном архиве ИИМК или Омском университете. Следует помнить, что Тальгрэн резко отреагировал на «Дело» академика С.А. Жебелёва [Тункина, 2000] и с конца 1928 г. стал персоной non grata для советских академических верхов. «Дело» С.И. Руденко и развернувшаяся в ленинградских научных учреждениях, в том числе в Этнографическом отделе ГРМ, кампания по осуждению «руденковщины» [Худяков, 1931; В методбюро..., 1932; Бернштам, 1932] стали прологом сфабрикованного дела «Российской национальной партии», или «Дела славистов» [Ашнин, Алпатов, 1994], повлекшего аресты и гибель самых близких коллег Грязнова, и он из чувства самосохранения вряд ли бы в то время решился сохранить в личном архиве письма зарубежных коллег. Поэтому вторая – тальгреновская – сторона диалога реконструируется прежде всего по контексту писем Грязнова, полученных финским ученым.

Три письма (№2, 3, 8) хранятся в Рукописном отделе Национальной библиотеки Финляндии (эпистолярный фонд А.М. Тальгрена, колл. 230–4), шесть (№1, 5–7, 9, 10) обнаружены мною в его рабочем архиве в Музейном ведомстве этой страны (рис. 2) Все письма – автографы на русском языке; письма Грязнова хранятся без конвертов, Тальгрена – в конверте (дата письма и почтового штемпеля 29.12.1927) (рис. 3). Лишь на трех письмах Грязнова есть дата написания: №1 – 17.01.1926, №2 – 27.02.1927, №5 – 9.04.1928. Очередность остальных (№3, 6–10) – при отсутствии почтовых штемпелей отправки и получения – определена по контексту писем. В итоге письмо №3

отнесено к осени 1927 г., №6 – к апрелю-маю 1928 г., №7, 8 – к осени 1928 г., №9 – к зиме-весне 1930 г., №10 – к весне-лету 1930 г.

Основные темы писем группируются в несколько блоков. Первый из них касается сведений о раскопках М.П. Грязнова и его коллег или планах полевых работ. Письмо №1 как раз начинается с информации о раскопках летом 1926 г. в Западном Казахстане на р. Урале серии могил эпохи бронзы, которые «относятся к культуре, названной С.А. Теплоуховым «андроновской» (не знаю, известна ли она Вам)».

В феврале 1927 г. Грязнов делится планами – раскопать летом стоянку «Чудацкая Гора» на Оби в 50 км южнее Барнаула (№2). В следующем письме (№3), написанном, вероятно, в начале осени того же года, следует подробный отчет об исследовании памятника. Отмечается, что раскопки не оправдали его надежд «найти остатки трех эпох бронзовой культуры в стратиграфически разделенных слоях». Утешением явилась находка неолитического погребения ниже культурного слоя. Тем же летом в урочище Шибе в Горном Алтае Грязнов раскопал «курган радловского типа», к сожалению, ограбленный. И все же на остатки двух мумифицированных трупов и ряд предметов он обращает внимание Тальгрена и особое – на три эффектных уздечных набора, которые подробно описывает.

Примечательны сведения о результатах раскопок в 1928 г. вместе с М.В. Воеводским четырех курганов II–III вв. до н.э. близ г. Токмак в Киргизии, а также о рекогносцировочных исследований в Анау (№7). Отмечается, что курганы начисто разграблены. В письме приведены рисунки сохранившихся золотых фигурных листочков, штампованных бляшек, перстней с фигурками зверей, бус из белой эмали и черного камня*.

Ураль-Урал Тоба.

Многоуважаемый Михаил Мухоморов, работаю в течение нескольких последних лет по доктории Сибирь мне удалось ознакомиться в различных изданиях Западной Сибирь ряд раскопок и раскопок, прежде всего, довольно старых. Интересно, главным образом, культурами бронзовой эпохи, и я исследовал свои материалы проведенные в этом направлении. Минувшим летом я раскопал серию могил бронзовой эпохи в западной части Казах-Устана, на левом берегу р. Урала. Упадки этих могил относятся к культуре, названной С.А. Теплоуховым «андроновской» (не знаю, известна ли она Вам) и является, как мне кажется, крайним пределом распространения этой культуры на запад. В то же время в этих могилах найдены ряд элементов типичных близлежащих аналогов в культурах бронзовой эпохи Южной России, в культурах «срубной» и «хвалынской». Результаты раскопок на р. Урале я рассылал в ближайшее время опубликовать, сейчас же, одновременно с этим письмом посылаю Вам краткую заметку о них, напечатанную в журнале «Кри-

Рис. 2. Первая страница письма М.П. Грязнова А.М. Тальгрена от 17.01.1927. Автограф. Чернила

* В предвоенной публикации могильник отнесен к числу усуньских [Воеводский, Грязнов, 1938].

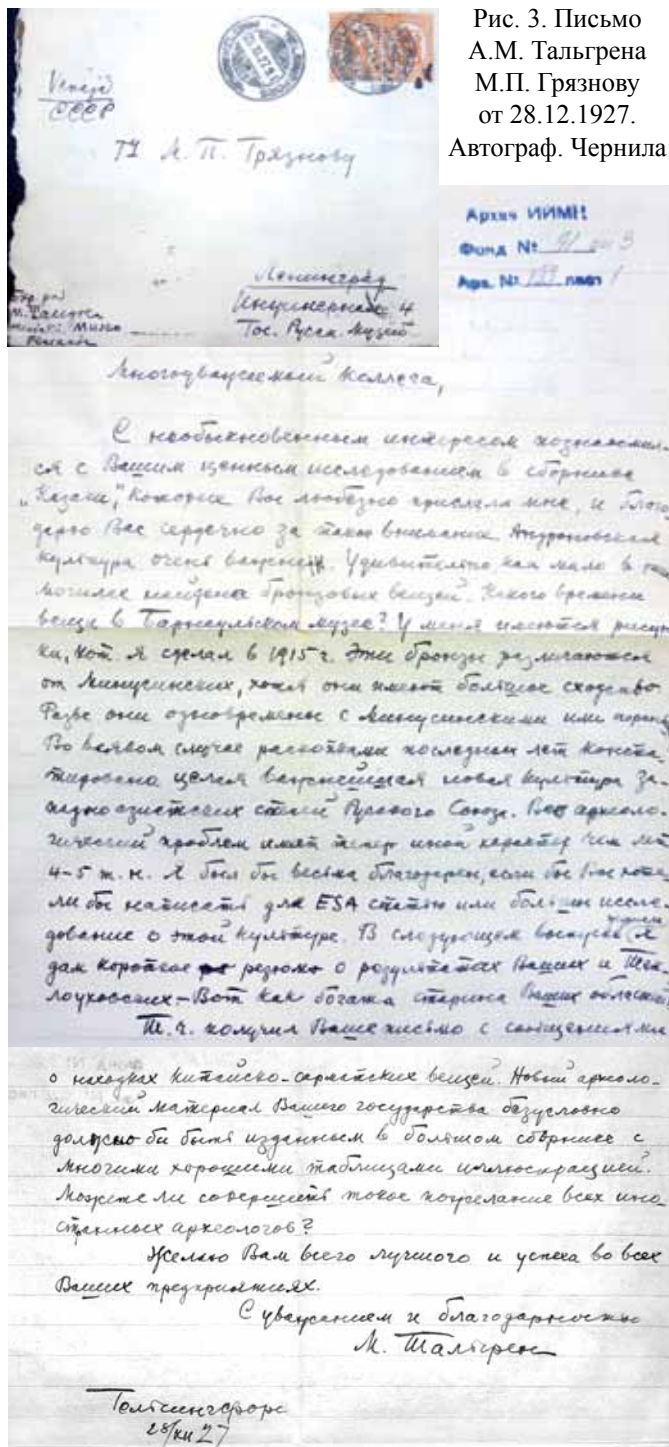

Рис. 3. Письмо А.М. Тальгиной М.П. Грязнову от 28.12.1927. Автограф. Чернила

Запланированные раскопки в Южном Туркменистане Грязнову и Воеводскому провести не удалось – «мы лишь осмотрели Анау и аналогичный ему памятник Ак-тепе». Зачистка в одном из раскопов Пумпелли на Анау привела к открытию не замеченной и почти уничтоженной итальянским археологом постройки, стены которой были облицованы черепками красных лощеных сосудов*.

В следующем письме (№8) Грязнов сообщает о раскопках А.Т. Кузнецовой в 1927 г. в Кузнецком округе на р. Ине (между Новосибирском и Барнаулом) нескольких курганов «с культурой аналогичной той, которая представлена в с. Сростки на Алтае», и описывает состав находок. Кроме того, он просит Тальгиной познакомиться с рукописью статьи Кузнецовой и, если она будет отвечать всем требованиям редактора ESA, то опубликовать ее. Эти хлопоты Михаила Петровича не были напрасными: статья вышла в очередном номере журнала [Kuznesova, 1930].

Еще одна тема писем касается планов публикаций, в частности, ближайших – андроновских могильников на р. Урал [Грязнов, 1927] и каменных изваяний Ми-

* Результаты разведочных работ 1928 г. в Туркменистане остались неопубликованными.

нусинской котловины [Грязнов, Шнайдер, 1929]. С этим же письмом (№1) Тальгрёну посланы заметки из журнала «Природа» [Грязнов, 1926а; Грязнов, Шнейдер, 1926].

Обсуждая полученные от финского ученого рисунки бронзовых предметов из Барнаульского музея, Грязнов ответил (№7), что «нарисованные Вами два ножа, а также, по-видимому, и остальные предметы я видел и зарисовал. Часть из них мне может быть удастся нынче к весне [1928 г.] опубликовать».

Судя по последним письмам Грязнова 1930 г., Тальгрён с нетерпением ждал выхода статьи «Казахстанский очаг бронзовой культуры» [Грязнов, 1930а]. Михаил Петрович обнадеживал коллегу: «Я надеюсь, что через один-два месяца будет напечатана моя статья по вопросу о Семипалатинском очаге бронзовой культуры. Там я даю карту распространения Минусинских и Семипалатинских типов орудий и рисунки около 20 орудий семипалат[инского] типа».

Постоянная тема писем русских и советских археологов к Тальгрёну – просьбы о присылке книг. Из переписки А.А. Спицына с финским ученым известно [Кузьминых, 2011, с. 18, 22], какое впечатление произвели на ГАИМКовскую молодежь книга «La Pontide...» [Tallgren, 1926] и последующие выпуски ESA. Тальгрён оперативно выполнил просьбу Грязнова, и в феврале 1927 г. Михаил Петрович с благодарностью откликнулся на получение «La Pontide...» (№2), а позднее – III и IV томов журнала, книг «Collection Tovostine» [Tallgren, 1917] и Акселя Гейкеля – об археологических коллекциях в уральских и сибирских музеях [Heikel, 1894]. Грязнов отметил, что нашел в последней книге много интересных для себя материалов (№7).

Диалог в переписке не обходился без взаимных вопросов и ответов. Грязнова, в частности, интересует мнение Тальгрёна о датировке каменных изваяний Минусинской котловины (№2). Он просит прислать биографические сведения об Аспелине, Аппельгрён-Кивало, Гейкеле и самом Тальгрёне для «Сибирской советской энциклопедии» (№5). Для него важен отклик финского археолога о статье [Грязнов, 1930а], посвященной культурам бронзового века Казахстана (№10). Грязнов спрашивает: дошли ли до Михаила Марковича карты Кубани (№8), «Материалы по этнографии» со статьями его и Шнейдера о каменных изваяниях [Грязнов, Шнейдер, 1929] и «Опытом классификации» С.А. Теплоухова [1929] (№10).

Единственное письмо Тальгрёна, но прежде всего письма Грязнова – через ответы на вопросы Михаила Марковича – дают представление о том, что же интересовало финского ученого. Михаил Петрович сообщает о выходе из печати первой половины минусинских материалов С.А. Теплоухова [1927] и о содержании этой статьи (№2), о публикации в этом же томе «Материалов по этнографии» статьи С.И. Руденко и А.Н. Глухова [1927] о могильнике Кудыргэ, о планах изданий Алтайской экспедиции Русского музея (№2), об отправке через Академию наук сборника «Казакки» с его [Грязнов, 1927] и М.Н. Комаровой [1927] статьями (№3), о посылке карты Кубани (№7). Грязнов уточняет адреса предметов, зарисованных Михаилом Марковичем в бывшем университетском кабинете антропологии (№7), дает характеристику бронзовых изделий Барнаульского музея, отмечая, что они минусинских, семипалатинских и неопределенных типов (№9), благодарит редактора ESA за предложение опубликовать его статьи в журнале (№4), но сожалеет, что в настоящее время у него нет готовых работ*

* Остается только сожалеть, что Грязнов не отправил Тальгрёну для публикации свою статью о бронзовых кельтах Минусинской котловины [Грязнов, 1941], переданную в мае 1929 г.

(№9). Отклонил он и просьбу Тальгрена предоставить для публикации в ESA большую статью о результатах раскопок кургана Шибе (№4, 6), отмечая, что связан обязательством с Русским музеем: «...мне не разрешается опубликовать его нигде, кроме «Материалов по этнографии». В то же время Грязнов готов предоставить для ESA краткую информацию с 2–3 фото.

Важнейшая тема писем – обсуждение с Тальгреном тех проблем археологических исследований, которые особенно волновали Грязнова в 1920-е гг. Это прежде всего характеристика андроновской культуры Западного Казахстана, ее ареал и особенности (№1, 4). Финский ученый, познакомившись с работами С.А. Теплоухова и М.П. Грязнова, отметил важность выделения андроновской культуры. Труды русских коллег в корне изменили представления Тальгрена о процессах культурогенеза в бронзовом веке в азиатских степях [Tallgren, 1929c]. Раскопанные Грязновым памятники андроновской культуры на р. Урале являются «крайним пределом распространения этой культуры на запад». Михаил Петрович обращает внимание Тальгрена на ряд элементов в исследованных им памятниках, имеющих ближайšie аналогии в культурах бронзовой эпохи Южной России, в культурах «срубной» и «хвалынской».

Знакома финского ученого с их совместной с Е.Д. Шнейдером работой о так называемых «каменных бабах» в минусинских степях [Грязнов, Шнейдер, 1926, 1929], Михаил Петрович отмечает, что «анализ их, произведенный нами, дал любопытные результаты» (№1). Касаясь хронологии каменных изваяний (№2), Грязнов указывает, что на некоторых из них есть орхонские письмена, которые, казалось, и должны были бы определять их эпоху. Но он и Шнейдер относят их к более древнему времени – к бронзовой эпохе. Грязнов интересуется: согласен ли Тальгрен относить их к этому же времени и не придавать им значения надгробных памятников. Михаил Петрович уверен, что «отмеченные нами факты достаточно убедительны».

При характеристике раскопанных с М.В. Воеводским курганов в Киргизии и найденных здесь предметов (№7), Грязнов указывает на сходство их с алтайскими (внешний вид, некоторые особенности ритуала, аналогии изделиям из золота). В целом же в этих курганах «мы встретились с предметами трех миров – Греция, Китай и Сибирь».

Особенно важный обмен мнениями касался особенностей позднего бронзового века лесостепного и степного Алтая и Казахстана. Отвечая на вопрос Тальгрена о распространении минусинских типов орудий на запад, Грязнов указал «на существование особой культурной провинции*, центр которой расположен где-то в Семипалатинской области». Изучение коллекций бронзовых орудий из разных мест Западной Сибири привело его к выводу о том, что «Минусинские типы бронзовых орудий ограничены в своем распространении на запад, и западнее г. Томска они встречаются как исключения». К характерным орудиям этой культурной провинции, которую мы вправе отождествлять в настоящее время с восточной зоной области культур с валиковой керамикой и прежде всего с алексеевско-саргаринской культурой [Агапов, Дегтярева, Кузьминых, 2012], Михаил Петрович относит асимметричные тесла с упором на

в издание Музея Центрально-Промышленной области и отклоненную в январе 1931 г. как «узконаучную» [Шер, 1992]. Опыт классификации Грязнова базировался на использовании статистико-комбинаторного анализа. Выход этой статьи в конце 1920-х гг. мог стать событием в мировой археологии [Шер, 1992, с. 90].

* Здесь и далее в письмах подчеркивания в тексте принадлежат А.М. Тальгренов.

одной из сторон, однолезвийные ножи-кинжалы с обособленной рукоятью, иногда с хвостатым лезвием, двулезвийные кинжалы с выделенной рукоятью, кирки-кайла, различные варианты однолезвийных ножей с выделенной и без выделенной рукоятями, сопровождая описание схематичными рисунками. Он отмечает, что на этой территории ему известно около 80 подобных орудий, и только два из них (плоские ножи) известны на востоке – в Мариинском округе и в Забайкалье.

Помимо этого в переписке затрагивалась масса, казалось бы, второстепенных тем и вопросов, хотя в той реальности информация по ним, вероятно, была крайне важна и ожидаема обоими исследователями. Многие письма заканчиваются пожеланиями и приветом от М.Н. Комаровой – супруги Михаила Петровича.

М.П. Грязнов выступает в переписке с А.М. Тальгреном с позиции младшего коллеги, с неременным уважением и благодарностью старшему собрату по профессии за диалог и услуги. Письма российского ученого донесли до нас пульс его активной научной деятельности, поисков, устремлений и открытий в годы работы в Этнографическом отделе Русского музея. Они являются важным источником к характеристике, прежде всего, самого Грязнова как специалиста в области изучения бронзового и раннего железного веков в Азиатской части СССР. В то же время – в дополнение к печатным трудам – письма эти свидетельствуют о неподдельном интересе мэтра европейской археологии к результатам исследований молодого российского ученого [Tallgren, 1927, s. 157; 1928a, s. 186–188; 1929c; 1931, s. 186, 189, 197; 1933a, p. 177; 1936, p. 149; 1938, p. 53, 57–59]. В рецензии на первую полноценную научную публикацию Грязнова [1927], посвященную погребениям эпохи бронзы на р. Урале, редактор журнала «Eurasia Septentrionalis Antiqua» прозорливо заметил: «...осмелюсь обещать, что он [Грязнов. – *авт.*], посвятив себя эпохе бронзы туркестанских степей, имеет все данные, чтобы эту, важнейшую во многих отношениях для всего европейского севера, область полностью изучить и ее «Монтелиусом» стать...» [Tallgren, 1928c, s. 187].

Михаил Петрович достаточно быстро, особенно после первых работ на Алтае и в Казахстане, опираясь на культурно-хронологическую периодизацию С.А. Теплоухова культур бронзового и раннего железного веков Минусинской котловины, шагнул за пределы концепций своих старших коллег А.А. Спицына, В.А. Городцова и А.М. Тальгрена о культурах эпох бронзы и раннего железа азиатских степей* и проторил собственные пути в разработке данной проблематики. Финский ученый с интересом следил за новейшими работами Грязнова о бронзовом веке Казахстана и Алтая. Они в корне изменили его представление об азиатских культурах эпохи бронзы степного и лесостепного пояса. Пример тому – его статья о бронзовом веке Туркестана для энциклопедического словаря Макса Эберта [Tallgren, 1929c], которая, вне всякого сомнения, базировалась и на новейших разработках российского археолога.

Именно поиски и достижения М.П. Грязнова в 1920-е гг. явились основной темой диалога обоих ученых. Остается только сожалеть, что он был прерван на полуслове. Общение с Михаилом Марковичем, безусловно, придало импульс для творческого роста Грязнова и способствовало его становлению как исследователя. А о месте работ Тальгрена в его научной лаборатории свидетельствует хотя бы тот факт, что финский археолог – после самого Грязнова, С.В. Киселева, В.В. Радлова и С.А. Теплоухова – входил в пятерку наиболее цитируемых им авторов [Эрлих, 1995, с. 106].

* См. их обзор: [Кузьминых, Сафонов, 2009, с. 150–155].

А.М. Тальгрэн являл собой пример товарищеского отношения к коллегам и готовности прийти на помощь и советом, и делом. М.П. Грязнов, с его безотказностью в поддержке молодежи и множеством учеников, во многом повторил научный путь Михаила Марковича. И такой судьбе в науке можно только преклоняться.

ПИСЬМА М.П. ГРЯЗНОВА И А.М. ТАЛЬГРЕНА

№1

Многоуважаемый Михаил Маркович,

работал в течение нескольких последних лет по доистории Сибири. Мне удалось произвести в различных пунктах Западной Сибири ряд разведок и раскопок, правда, довольно скромных*. Интересуясь, главным образом, культурами бронзовой эпохи, я и исследования свои старался производить в этом направлении.

Минувшим летом я раскопал серию могил бронзовой эпохи в западной части Казахстана, на левом берегу р. Урал. Находки этих могил относятся к культуре, названной С.А. Теплоуховым «андроновской» (не знаю, известна ли она Вам), и являются, как мне кажется, крайним пределом распространения этой культуры на запад. В то же время в этих могилах найден ряд элементов, имеющих ближайšie аналогии в культурах бронзовой эпохи Южной России, в культурах «срубной» и «хвалынской»**. Результаты раскопок на р. Урал я рассчитываю в ближайшее время опубликовать [Грязнов, 1927]. Сейчас же, одновременно с этим письмом, посылаю Вам краткую заметку о них, напечатанную в хронике журнала «Природа» [Грязнов, 1926а]. Само собой разумеется, что на все интересующие Вас вопросы о моих находках я буду считать приятным долгом тотчас же дать все нужные Вам сведения.

Работая в экспедиции С.А. Теплоухова в Минусинском крае, я совместно с Е.Д. Шнейдером имел возможность детально обследовать свыше 50 памятников, так называемых «каменных баб». Анализ их, произведенный нами, дал любопытные результаты***. По этому поводу нами приготовлена к печати большая статья с рисунками 70 каменных баб [Грязнов, Шнейдер, 1929]. Сейчас же мы можем предложить Вашему вниманию лишь заметку в хронике упомянутой уже «Природы» [Грязнов, Шнейдер, 1926]. Я буду очень рад, если затронутые здесь вопросы Вас заинтересуют и, в свою очередь, готов сообщить все необходимые Вам сведения.

Осмелюсь обратиться к Вам с небольшой просьбой. Мне очень хотелось бы иметь недавно опубликованную Вами книгу «La Pontide préscythique...» [Tallgren, 1926], и я был бы очень обязан Вам, если бы Вы сообщили, каким путем ее можно приобрести.

Буду ждать Вашего письма и буду очень рад, если смогу быть Вам полезным.

Ленинград, 17 января 1926 г.

М. Грязнов [подпись]

* О полевых исследованиях М.П. Грязнова в 1920–1925 гг. см.: [Жук, 1995, с. 35–38; Пшеницына, Боковенко, 2002, с. 19–21; Длужневская, 2012, с. 5].

** См. оценку полевых работ М.П. Грязнова на р. Урале в 1926 г. и публикации материалов экспедиции в современной историографии: [Жук, 2012].

*** В одной из автобиографий М.П. Грязнова отмечено, что первые результаты этого исследования прозвучали в докладе «Каменные бабы Минусинского края» на студенческом кружке в Томском университете в декабре 1921 г. [Тишкин, 2012, с. 25–30].

Адрес мой: Ленинград, Инженерная ул., д. 4 Государственный Русский музей
М.П. Грязнову

№2

Ленинград, 27/II-1927

Многоуважаемый Михаил Маркович,

большое спасибо за присланную книгу. Очень рад, что среди присланного мной есть интересный для Вас материал. Постараюсь и впредь по мере возможности быть полезным в этом отношении.

Первая половина теплоуховских материалов должна появиться в свет в самом ближайшем будущем (не позднее чем через месяц). В этой части он говорит о трех культурах – афанасьевской, андроновской и карасукской. Работа хорошо иллюстрирована и дает полное представление о ранних культурах бронзовой эпохи Мин[усинского] края. Напечатана (она уже напечатана, но еще не вышла в свет) она во 2-м выпуске III тома «Материалы по этнографии» [Теплоухов, 1927]. Там же напечатана статья С.И. Руденко и А.М. Глухова «Могильник Кудыргэ на Алтае» [1927]. В этой статье описываются раскопки богатого могильника на р. Чулышман, где найдены гравированный валун и замечательная обкладка луки седла, покрытая рисунками охотничьих сцен, совершенно подобными рисункам серебряного сосуда, изображенного Радловым в «Сибирских древностях» (т. I, вып. 3, прилож., стр. 27 и 29)*. Описание других раскопок Алтайской экспедиции в ближайшее время не предвидится, а потому, быть может, Вам небезынтересна будет прилагаемая при сем газетная заметка о Бийских курганах. Здесь, хотя и очень кратко, описывается характер погребения и могильный инвентарь.

Мне бы очень хотелось знать Ваше мнение о датировке каменных изваяний Мин[усинского] края. То, что они большей частью находятся на курганах железного века и что на некоторых из них имеются орхонские письмена, как будто должно было бы определить их эпоху. Между тем мы в своей работе их относим к более древнему времени – к бронзовой эпохе. Считаете ли Вы возможным относить их к этому времени и не придавать им значения надгробных памятников. Я думаю, что отмеченные нами факты достаточно убедительны.

Предстоящим летом я рассчитываю добыть еще некоторые материалы по бронзовой эпохе Сибири. По всей вероятности, мне удастся раскопать стоянку в урочище «Чудацкая Гора» на р. Обь в 50 км от г. Барнаула. Там в 1924 г. я собрал большое количество керамики, синхронной афанасьевской культуре и более поздней эпохе бронзовой культуры**. Думаю, что материал будет интересный.

Еще раз большое спасибо за книгу и оказанное внимание.

Преданный Вам М. Грязнов [подпись]

№3

Многоуважаемый Михаил Маркович,

не имея отдельных оттисков своей статьи о погребениях бронзовой эпохи в Западном Казакстане, я просил издательство Академии наук выслать Вам полный экземпляр II тома «Материалов Особого комитета по исследованию союзных и ав-

* Монографическое издание материалов могильника Кудыргэ см.: [Гаврилова, 1965].

** См. краткую информацию об этих работах: [Грязнов, 1926б].

тономных республик». Там напечатана эта статья, а также статья М.Н. Комаровой [1927] о черепах из тех же могил. Я думаю, что в ближайшие же дни Вы эту книгу получите.

Минувшим летом я проводил раскопки в двух местах: «Чудацкая Гора» в 60 верстах от г. Барнаула и уроч[ище] Шибе на р. Урсул (Алтай). На первое я возлагал большие надежды. Я рассчитывал найти остатки трех эпох бронзовой культуры в стратиграфически разделенных слоях. Однако же культ[урный] слой мощностью 70–100 см оказался перемешанным. Эта неудача искупилась лишь находкой неолитического погребения ниже культ[урного] слоя*. В Шибе я раскопал курган радловского типа**. Курган этот был в 1½–2 раза больше Катандинского как по размерам насыпи, так и могильной ямы. Вечная мерзлота начиналась с глубины 50–60 см от уровня горизонта и шла на всем протяжении могильной ямы (6,5 метров глубиной). К сожалению, погребение оказалось разграбленным. Однако на нашу долю досталось некоторое количество очень интересных предметов: большая колода, остатки двух мумифицированных трупов, набор роговых пластинок с растительным раскрашенным орнаментом, глиняный кувшин, куски китайского лака, много позолоченных пуговиц и бляшек и фигурных листочков золота и, наконец, 3 уздечных набора. Последние являются наиболее эффектными из всех находок кургана. Они состоят из различных скульптурно выполненных деревянных звериных головок, покрытых плющенным золотом, и из различных пуговиц и бляшек, также деревянных и позолоченных***.

№4

Многоуважаемый коллега,

с необыкновенным интересом познакомился с Вашим ценным исследованием в сборнике «Казачи» [Грязнов, 1927], который Вы любезно прислали мне, и благодарю Вас сердечно за такое внимание. Андроновская культура очень важна. Удивительно, как мало в этих могилах найдено бронзовых вещей. Какого времени вещи в Барнаульском музее? У меня имеются рисунки, кот[орые] я сделал в 1915 г.**** Эти бронзы различаются от минусинских, хотя они имеют большое сходство. Разве они одновременны с минусинскими или пораньше? Во всяком случае, раскопками последних лет констатирована целая важнейшая новая культура западноазиатских степей Русского Союза****. Все археологические проблемы имеют теперь иной характер, чем лет 4–5 т[ому] н[азад]. Я был бы весьма благодарен, если бы Вы хотели [могли] бы написать для ESA статью или большое исследование об этой культуре. В следующем выпуске журнала я дам короткое резюме о результатах Ваших и теплоуховских [Tallgren, 1928b; 1928c]. Вот как богата старина Ваших областей!

[В] т[ом] ч[исле] получил Ваше письмо с сообщениями о находках китайско-сарматских вещей*****. Новый археологический материал Вашего государства, безусловно,

* См. о разведочных работах 1925–1927 гг. в верхнем течении Оби: [Грязнов, 1926б, 1930б].

** Через год появилась предварительная публикация: [Грязнов, 1928].

*** Далее текст письма прерывается. Возможно, страничка письма с рисунками вещей, описанных М.П. Грязновым, помещена А.М. Тальгреном в какой-либо из разделов своего рабочего архива [Авт.].

**** А.М. Тальгреном зарисовал и описал предметы в музее Барнаула в 1915 г., возвращаясь из экспедиции в Минусинскую котловину; см. подробнее: [Кузьминых, Тишкина, 2009].

***** Речь идет об андроновской археологической культуре бронзового века.

***** Речь идет, вероятно, о кургане Шибе.

должен быть изданным в большом сборнике с многими хорошими таблицами иллюстраций. Можете ли совершить [выполнить] такое пожелание всех иностранных археологов?

Желаю Вам всего лучшего и успеха во всех Ваших предприятиях.

С уважением и благодарностью М. Тальгрэн.

Гельсингфорс, 28/ХП-[19]27

№5

Многоуважаемый Михаил Маркович,

мне поручили написать для «Сибирской энциклопедии», к печатанию которой приступают в ближайшее время, характеристику научных [данных] и минимально краткие сведения по их биографии нескольких финских археологов, а именно: Апельгрэн-Кивало, Аспелин, Ах[el] Heikel и Вас. Требуется сообщить ряд сведений об этих лицах таких, каких я не знаю и не знаю, где их можно почерпнуть. Я не смог найти указаний о следующих необходимых сведениях: 1) имя и отчество; 2) год и место рождения (для умерших – год смерти); 3) специальность и образование. Только об Аспелине я знаю все эти сведения (кроме имени и отчества) по Вашей заметке в «La Pontide préscythique». Я был бы чрезвычайно Вам признателен, если бы Вы смогли мне указать, где можно почерпнуть эти сведения или если бы Вы смогли их мне сообщить, хотя бы то, что знаете. Будет очень обидно, если в «Сибирск[ой] энциклопедии» будут отсутствовать сведения о финских ученых, так много сделавших в деле изучения доисторического прошлого Сибири*. Я надеюсь, что для Вас не составит особых затруднений исполнить эту небольшую просьбу. Этим Вы весьма меня обяжете. Я заранее сердечно Вас благодарю в надежде на Вашу помощь.

Присылаю Вам фотографию с некоторых вещей из раскопок кургана [Шибе. – Авт.] на Алтае, о котором я Вам писал. Как только будут сделаны еще фотографии, я с удовольствием их Вам вышлю. Опубликовать этот материал буду не ранее весны 1929 года.

Искренне уважающий Вас. Готовый к Вашим услугам М. Грязнов [подпись]

Ленинград, 9/IV-1928

№6

Глубокоуважаемый Михаил Маркович,

громчайшее спасибо за присланные Вами сведения о финских ученых. Вы этим оказали большую услугу делу популяризации археологических исследований Сибири. Большое спасибо за ESA-III. Я очень рад, что моя работа заинтересовала Вас и весьма польщен тем, что Вы отметили ее на страницах Вашего журнала [Tallgren, 1928c]. Только я боюсь – не переоцениваете ли Вы моих сил и способностей. Я, конечно, буду стараться оправдать Ваши надежды, но сумею ли это сделать, – не знаю.

Раскопки на Алтае я производил по поручению Русского музея. Так как добытый раскопками материал представляет собой очень ценную как по историко-культурному, так и по художественному значению находку, то мне не разрешается опубликовать его нигде, кроме «Материалов по этнографии». Если для Вас представило бы интерес напечатать небольшое сообщение об этой находке в отделе хроники Вашего журнала, то это вполне возможно. Я бы в ближайшие же дни написал заметку на 1–1½ печат-

* В итоге в 1-м томе «Сибирской советской энциклопедии» были опубликованы биографии Й.Р. Аспелина и А. Гейкеля [Грязнов, 1929б, 1929в]. В статье об археологических исследованиях в Сибири М.П. Грязнов весьма положительно оценил деятельность и труды финских ученых [Грязнов, 1929а].

ных страницы текста и приложил бы 2–3 рисунка. Если Вы считаете это возможным, то я с удовольствием это сделаю.

Еще раз большое спасибо за Вашу любезную услугу и за журнал.

Преданный Вам М. Грязнов [подпись]

№7

Многоуважаемый Михаил Маркович,

большое спасибо за присланные Вами книги (Coll[ection] Tovost[ine] [Tallgren, 1917] и Heikel [1894]). У Heikel'я я нашел много интересного для меня материала. Простите, что я так долго не мог Вам ответить и исполнить Вашу просьбу. Теперь я все просимое Вами сделал*. К сожалению, о местонахождении зарисованных Вами в каб[инете] антропологии предметов нет никаких указаний. Только о №6613 известно – этот топор найден в д. Кара-Якунова [Караякупово. – Авт.], Уфимской губ. и уезда**. Простите, что я Вас зря заставил сходить в кабинет антропологии. Карту бассейна р. Кубани на двух листах я достал***. Я ее пошлю Вам отдельно через два дня. Если эта карта не захватывает весь нужный Вам район, то напишите. 10-верстка есть всех районов, так что ее нетрудно достать.

Спасибо за рисунки и сообщение о бронзовых предметах Барнаульского музея. Нарисованные Вами два ножа, а также, по-видимому, и остальные предметы я видел и зарисовал. Часть из них мне, может быть, удастся нынче к весне опубликовать.

Рис. 4. Рисунки М.П. Грязнова в письме №7.

Автограф. Чернила

лотые бляшки; львиная морда, штампованное золото; бусы из белой эмали (?); бусы черные, каменные; золотые перстни с фигурами зверей] (рис. 4).

* В 1928 г. А.М. Тальгрэн совершил длительную поездку по музеям юга СССР, но началась она с работы в музеях Ленинграда. М.П. Грязнов оказал финскому ученому посильную помощь.

** Речь идет о кельте ананьинского типа, который, наряду с другими археологическими коллекциями антропологического кабинета Ленинградского университета, поступил в собрание Государственного Эрмитажа; см.: [Черных, 1970, рис. 48.-3].

*** А.М. Тальгрэн в поездку 1928 г. целенаправленно обрабатывал материалы памятников бронзового века Северного Кавказа и в этой связи интересовался доступными картами региона как в Ленинграде, так и в ходе дальнейшей поездки. В его рабочем архиве отложились даже карты некоторых туристических маршрутов на Северном Кавказе.

**** Речь идет о раскопках курганов того же времени в долине р. Талас; см.: [Heikel, 1918].

Кроме нарисованных: 2 греческих барельефа (штампован[ное] золото), изображающих голову Мидаса (?); около 20–25 сосудов из красноватой глины (один с росписью) и куски китайского лака. Внешний вид курганов и некоторые особенности ритуала сходны с таковыми же Алтая. Так же и фигурные листочки золота. Таким образом, здесь мы встретились с предметами трех культурных миров – Греция, Китай и Сибирь.

В южном Туркестане нам работать не пришлось. Мы лишь осмотрели Анау и аналогичный ему памятник Ак-тепе*. На Анау сделали небольшую зачистку в одном из раскопок Пумпелли в сев[ерном] кургане. Там открыли не замеченную и почти уничтоженную Пумпелли постройку. Эта постройка интересна тем, что внутренние ее стены облицованы были черепками красных лощеных сосудов (II культура Пумпелли). Вот кратко результаты двухмесячной поездки в Туркестан.

Мария Николаевна [Комарова] просит передать Вам искренний привет и самые лучшие пожелания. Еще раз простите, что я так задержал исполнение Ваших просьб.

Ваш М. Грязнов [подпись]

№8

Многоуважаемый Михаил Маркович,

получили ли Вы карты, которые я, как обещал, послал через два дня после последнего своего письма. Если Вы их не получили, то напишите, я тотчас же приобрету новые и вышлю Вам. Послал я карты простым письмом без указания адреса отправителя. Возможно, что они не могли дойти до Вас. Пожалуйста, напишите, получили ли Вы их.

Я хотел обратиться к Вам со следующим. В 1927 году в Кузнецком окр[уге] на р. Ине (прав[ый] приток р. Оби между Новониколаевском и Барнаулом) производила раскопки А.Т. Кузнецова. Она раскопала несколько курганов с культурой, аналогичной той, которая представлена в с. Сростки на Алтае (если Вы помните в Русском музее) и Архирейской заимке около г. Томска, т.е. с культурой зап[адно]сибирских курганов конца первого тысячелетия по Р.Х. Состав находок приблизительно такой: желез[ные] кельты, стрелы и ряд других предметов; костяные пряжки; медные накладки на ремни, в том числе сердцевидной формы с человеческой головой посередине; медные пряжки и некоторые другие предметы. Об этих находках она написала небольшую статью (приблизительно 20–30 тысяч знаков), где достаточно полно описывает как характер найденных предметов, так и условия их нахождения. Работа проделана добросовестно. Не могли ли бы Вы напечатать эту статью где-нибудь в Ваших изданиях, например, в ESA? Если да, то статью эту для ознакомления она Вам тотчас же вышлет**.

Желаю Вам всего лучшего.

Преданный Вам М. Грязнов [подпись]

№9

Многоуважаемый Михаил Маркович,

Бесконечно Вам благодарен за то внимание, с каким Вы отнеслись к моей статье***, и за Ваше любезное письмо. С удовольствием отвечу, как умею, на Ваш вопрос о бронзе Барнаульского музея. Рассматривая коллекцию бронзовых орудий из разных

* Краткую информацию об этих работах см.: [Длужневская, 2012, с. 6].

** А.М. Тальгрэн в итоге опубликовал статью А.Т. Кузнецовой; см.: [Kuznesova, 1930].

*** Речь идет, вероятно, о статье, в которой фигурировали бронзы из Барнаульского музея; см.: [Грязнов, 1930б].

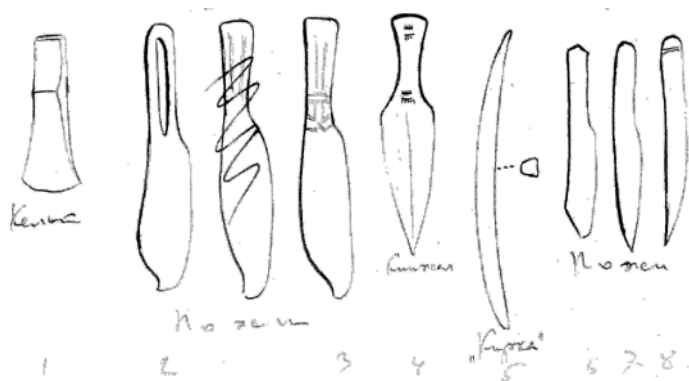

Рис. 5. Рисунки М.П. Грязнова в письме №9.
Автограф. Чернила

щих на существование особой культурной провинции, центр которой расположен где-то в Семипалатинской области. К числу таких орудий относятся следующие (рис. 5).

На указанной территории мне известно около 80 орудий, подобных изображенным, и только два из них (ножи плоские типа №6–8) известны на востоке – один в Мариинском округе, другой в Забайкалье. Что же касается орудий Барнаульского музея, то некоторые из них принадлежат только что описанным типам, некоторые – минусинским и, наконец, часть их имеет неопределенный характер. Хронологически бронзовые орудия семипалатинского типа совпадают с орудиями Минусинской культуры. №1 следует относить, как мне кажется, к андроновской культуре; №2–4 – к средней бронзе (карасукская культура) и, наконец, №6–8 – к верхней бронзе (курганная культура). Я надеюсь, что через один-два месяца будет напечатана моя статья по вопросу о семипалатинском очаге бронзовой культуры [Грязнов, 1930а]. Там я даю карту распространения минусинских и семипалатинских типов орудий и рисунки около 20 орудий семипалат[инского] типа.

Очень благодарю Вас за лестное для меня предложение Ваше – поместить мои работы в Вашем журнале ESA. Сейчас у меня нет готового для этого материала, но при первой же возможности с удовольствием воспользуюсь Вашим любезным предложением.

Еще раз благодарю Вас за Ваше внимание и интерес, с каким Вы отнеслись к моим работам.

Преданный Вам М. Грязнов [подпись]

№10

Многоуважаемый Михаил Маркович,

благодарю Вас за присланный Вами последний номер журнала ESA*. В нем я много нашел для себя интересного. Одновременно с настоящим письмом я позволил себе послать Вам отпечаток последней моей статьи, касающейся установления очага бронзовой культуры на территории среднеазиатских степей [Грязнов, 1930а]. Так как эта статья была сдана в печать еще в начале 1927 г., то она, для меня по крайней мере, уже в некоторой степени устарела. Теперь я располагаю большим материалом, который

* Возможно, это тома IV или V, вышедшие в 1929 и 1930 гг.

позволяет сделать ряд дополнений и уточнений. Необходимо в этой статье отметить одну ошибку, которую я не мог исправить во время печатания. Это «шило четырехгранное с уплощенным концом». Распространение его в Азии значительно шире, чем это у меня указано. В определении времени его бытования я сейчас не уверен.

Мне бы очень хотелось знать Ваше мнение по поводу выделенного мною казахстанского очага бронзовой культуры.

Присланный Вами журнал для А.Т. Кузнецовой и оттиски ее статьи я не мог ей передать, так как она уехала на Алтай, откуда вернется лишь поздно осенью. Не знаю, по чьей вине (Вашей или ее), но в печатании ее статьи вскрылась одна ошибка, а именно: приложение об антропологическом типе населения написано самой же Кузнецовой, а не Громовым, как это указано под заголовком [Gromov, 1930]. Громову принадлежат лишь те последние строчки об определении костей животных, которые напечатаны в конце приложения мелким шрифтом.

С искренним уважением к Вам М. Грязнов [подпись]

[P.S.] Получили ли «Материалы по этнографии», т. IV, вып. 2, где напечатана моя статья о каменных бабах [Грязнов, Шнейдер, 1929] и статья С.А. Теплоухова [1929]?

Библиографический список

Агапов С.А., Дегтярева А.Д., Кузьминых С.В. Металлопроизводство восточной зоны общности культур валяковой керамики // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2012. №3 (18). С. 44–59.

Ашнин Ф.Д., Алпатов В.М. «Дело славистов». 30-е годы. М. : Наследие, 1994. 286 с.

Бернштам А.Н. Идеализм в этнографии: Руденко и руденковщина // Сообщения ГАИМК. 1932. №1–2. С. 22–27.

В методбюро Этнографического отдела Русского музея (критическая проработка руденковщины) // Советская этнография. 1932. №1. С. 117–118.

Воеводский М.В. и Грязнов М.П. У-суньские могильники на территории Киргизской ССР: К истории у-суней // Вестник древней истории. 1938. №3. С. 162–179.

Всевиов Л.М., Бобровская Е.В., Длужневская Г.В. (сост.). Список опубликованных работ Михаила Петровича Грязнова // Михаил Петрович Грязнов: исследователь древних культур Сибири и Центральной Азии. Архивные материалы и список научных работ. СПб. : ЭлексСис, 2012. С. 63–65.

Гаврилова А.А. Могильник Кудергэ как источник по истории алтайских племен. М. ; Л. : Наука, 1965. 145 с.

Грязнов М.П. Раскопки на р. Урале // Природа. 1926а. №9–10. С. 96.

Грязнов М.П. Доисторическое прошлое Алтая: (Работа Алтайской экспедиции Гос. Русского музея в 1924/25 г.) // Природа. 1926б. №9–10. С. 97–98.

Грязнов М.П. Погребения бронзовой эпохи в Западном Казахстане // Казаки: Антропологические очерки. Л. : АН СССР, 1927. Вып. 1. С. 179–221.

Грязнов М.П. Раскопка княжеской могилы на Алтае // Человек. 1928. №2–4. С. 217–219.

Грязнов М.П. Археологические исследования в Сибири // Сибирская советская энциклопедия. Новосибирск : Сиб. краев. изд-во, 1929а. Т. 1. Стлб. 140–142.

Грязнов М.П. Аспелин И. Р. // Сибирская советская энциклопедия. Новосибирск : Сиб. краев. изд-во, 1929б. Т. 1. Стлб. 163.

Грязнов М.П. Гейкель А. О. К. // Сибирская советская энциклопедия. Новосибирск : Сиб. краев. изд-во, 1929в. Т. 1. Стлб. 631.

Грязнов М.П. Казахстанский очаг бронзовой культуры // Казаки: Антропологические очерки. Л. : АН СССР, 1930а. Вып. 3. С. 149–162.

Грязнов М.П. Древние культуры Алтая // Сибироведение. 1930б. №3–4. С. 18–26.

Грязнов М.П. Древняя бронза минусинских степей. I. Бронзовые кельты // Труды Отдела истории первобытной культуры. Л. : Гос. Эрмитаж, 1941. Т. 1. С. 237–271.

Грязнов М.П. Археологическая трасология: Программа спецкурса по археологии. Свердловск : УрГУ, 1982. 7 с.

Грязнов М.П. и Шнейдер Е.Р. Каменные изваяния Минусинских степей // Природа. 1926. №11–12. С. 100–105.

Грязнов М.П. и Шнейдер Е.Р. Древние изваяния Минусинских степей // Материалы по этнографии. Этнографический отдел Гос. Русского музея. Л., 1929. Т. 4, вып. 2. С. 63–93.

Длужневская Г.В. (сост.). Материалы полевых исследований Михаила Петровича Грязнова в Рукописном архиве Института истории материальной культуры РАН // Михаил Петрович Грязнов: исследователь древних культур Сибири и Центральной Азии. Архивные материалы и список научных работ. СПб. : ЭлектронСис, 2012. С. 5–10.

Жук А.В. Археологи Русского Музея в Сибири: 1920-е годы // III Исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. Омск : ОмГУ, 1995. Ч. I. С. 35–38.

Жук А.В. Андроновская культура на берегах Урала под лопатой М.П. Грязнова: июнь 1926 г. // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. СПб. : ИИМК РАН, Периферия, 2012. Кн. 1. С. 32–37.

Комарова М.Н. Черепа бронзовой эпохи из могил по левым притокам р. Урал // Казаки: Антропологические очерки. Л. : АН СССР, 1927. Вып. 1. С. 222–237.

Кузьминых С.В. А.А. Спицын и А.М. Тальгрэн: из истории отечественной археологии начала XX века // Тверской археологический сборник. Тверь : Триада, 2011. Вып. 8, том II. С. 5–27.

Кузьминых С.В., Сафонов И.Е. Проблемы эпохи раннего металла в научном наследии А.А. Спицына // Археология восточноевропейской лесостепи. Воронеж : ИПЦ ВГУ, 2009. С. 145–162.

Кузьминых С.В., Тишкина Т.В. «Вам надо повторить поездку на Алтай» (письмо Н.С. Гуляева А.М. Тальгрэну) // Теория и практика археологических исследований. Барнаул : Азбука, 2009. Вып. 5. С. 178–190.

Платонова Н.И. История археологической мысли в России. Вторая половина XIX – первая треть XX века. СПб. : Нестор-История, 2010. 316 с.

Пшеницына М.Н., Боковенко Н.А. Основные этапы жизни и творчества Михаила Петровича Грязнова (1902–1984) // Степи Евразии в древности и средневековье. СПб. : ИИМК, 2002. Кн. 1. С. 19–23.

Руденко С.И. и Глухов А.Н. Могильник Кудыргэ на Алтае // Материалы по этнографии. Этнографический отдел Гос. Русского музея. Л., 1927. Т. 3, вып. 2. С. 37–52.

Салминен Т. И.Р. Аспелин – А.М. Тальгрэн и проблема Урало-Алтайского бронзового века // Российская археология. 2011. №4. С. 130–139.

Теплоухов С.А. Древние погребения в Минусинском крае // Материалы по этнографии. Этнографический отдел Гос. Русского музея. Л., 1927. Т. 3, вып. 2. С. 57–112.

Теплоухов С.А. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края. (В кратком изложении) // Материалы по этнографии. Этнографический отдел Гос. Русского музея. Л., 1929. Т. 4, вып. 2. С. 41–62.

Тишкин А.А. Автобиографии М.П. Грязнова как отражение жизни и деятельности выдающегося исследователя // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. СПб. : ИИМК РАН, Периферия, 2012. Кн. 1. С. 25–30.

Тункина И.В. «Дело» академика Жебелёва // Древний мир и мы: Классическое наследие в Европе и России: Альманах. СПб. : Алетейя, 2000. Вып. II. С. 116–161 (Bibliotheca classica Petropolitana).

Худяков М.Г. Критическая проработка руденковщины // Советская этнография. 1931. №1–2. С. 167–169.

Черных Е.Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. М. : Наука, 1970. 180 с. (Материалы и исследования по археологии СССР; №172).

Шер Я.А. К вопросу о приоритетах // Вопросы истории археологических исследований Сибири. Омск : ОмГУ, 1992. С. 85–92.

Эрлих В.А. Творческие интересы М.П. Грязнова: некоторые статистические данные // Третьи исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. Омск : ОмГУ, 1995. Ч. I. С. 102–106.

Gromov V.I. Das osteologische Material aus den Gräbern an der mittleren Inja // Eurasia Septentrionalis Antiqua. 1930. T. V. S. 94–99.

- Heikel A. Antiquités de la Sibérie Occidentale. Helsingfors, 1894. X + 111 p. + 30 pl. (Suomalais-Ugrilaisen Seuran toimituksia – Mémoires de la Société Finno-Ougrienne; T. VI)
- Heikel H.J. Altertümer aus dem Tale des Talas in Turkestan. Helsingfors, 1918. [9] + 47 + 16 p. + 31 pl. (Suomalais-ugrilaisen Seuran, Kansatieteellisiä julkaisuja – Société Finno-Ougrienne, Travaux ethnographiques; T. VII).
- Kivikoski Ella. A.M. Tallgren // Eurasia Septentrionalis Antiqua, Supplementary Volume. 1954a. Pp. 77–121.
- Kivikoski Ella. The Bibliography of A. M. Tallgren // Eurasia Septentrionalis Antiqua, Supplementary Volume. 1954b. Pp. 122–145.
- Kuznecova A. Altertümer aus dem Tal der mittleren Inja // Eurasia Septentrionalis Antiqua. 1930. T. V. S. 74–94.
- Tallgren A.M. Die Kupfer- und Bronzezeit in Nord- und Ostrussland. I. Die Kupfer- und Bronzezeit in Nordwestrussland. Die ältere Metallzeit in Ostrussland. Helsingfors, 1911. IX + 229 s. (Suomen Muinaismuistoyhdistyksen aikakauskirja; T. XXV:1).
- Tallgren A.M. Collection Zaouissailov au Musée historique de Finlande a Helsingfors. I. Catalogue raisonné de la collection de l'âge du bronze. Helsingfors, 1916. 47 p. + XVI pl.
- Tallgren A.M. Collection Tovostine des antiquités préhistoriques de Minoussinsk conservées chez le Dr Karl Hedman a Vasa. Chapitres d'archéologie sibérienne. Helsingfors, 1917. 93 p. + XII pl.
- Tallgren A.M. Collection Zaouissailov au Musée National de Finlande a Helsingfors. II. Monographie de la section de l'âge du fer et l'époque dite de Bolgary. Helsingfors, 1918. 59 p. + XII pl.
- Tallgren A.M. L'époque dite d'Ananino dans la Russie orientale. Helsinki, 1919. 203 p. (Suomen Muinaismuistoyhdistyksen aikakauskirja; T. XXXI:1).
- Tallgren A.M. La Pontide préscythique après l'introduction des métaux. Helsinki, 1926. 248 p. (Eurasia Septentrionalis Antiqua. T. II).
- Tallgren A.M. Besprechende archäologische Bibliographie von Osteuropa // Eurasia Septentrionalis Antiqua. 1927. T. I. S. 139–188.
- Tallgren A.M. Neue archäologische Arbeiten im Sovjetreiche // Eurasia Septentrionalis Antiqua. 1928a. T. III. S. 196–200.
- Tallgren A.M. Рец.: S. Terplouchov. Древние погребения в Минусинском крае // Eurasia Septentrionalis Antiqua. 1928b. T. III. S. 186–187.
- Tallgren A.M. Рец.: M.P. Grjaznov. Погребения бронзовой эпохи в западном Казакстане // Eurasia Septentrionalis Antiqua. 1928c. T. III. S. 187–188.
- Tallgren A.M. Etudes sur le Caucase du nord // Eurasia Septentrionalis Antiqua. 1929a. T. IV. Pp. 22–40.
- Tallgren A.M. Zur osteuropäischen Archäologie // Finnisch-Ugrische Forschungen. Helsinki, 1929b. T. XX. S. 1–46.
- Tallgren A.M. Turkestan: Bronzezeit // Reallexikon der Vorgeschichte. Hrsg. von Max Ebert. Berlin, 1929c. T. XIII. S. 485–486, Taf. 92.
- Tallgren A.M. Caucasian Monuments. The Kazbek Treasure // Eurasia Septentrionalis Antiqua. 1930a. T. V. Pp. 109–182.
- Tallgren A.M. Kaukasische anthropomorphe Figure und der vorderasiatische Kulturkreis // Ipek. Jahrbuch für prähistorische und ethnographische Kunst. Berlin, 1930b. S. 48–55.
- Tallgren A.M. Zur archäologischen Bibliographie betr. das Gebiet der jetzigen Sowjetunion für die Zeitperiode 1927–1929 // Eurasia Septentrionalis Antiqua. 1931. T. VI. S. 181–209.
- Tallgren A.M. Inner Asiatic and Siberian Rock Pictures // Eurasia Septentrionalis Antiqua. 1933a. T. VIII. Pp. 175–210.
- Tallgren A.M. Dolmens of North Caucasia // Antiquity. 1933b. Pp. 190–202.
- Tallgren A.M. Sur les monuments mégalithiques du Caucase occidental // Eurasia Septentrionalis Antiqua. 1934. T. IX. Pp. 1–46.
- Tallgren A.M. Archaeological Studies in Soviet Russia // Eurasia Septentrionalis Antiqua. 1936. T. X. Pp. 129–170.
- Tallgren A.M. Sur les antiquités trouvées depuis la guerre dans l'Asie septentrionale // Journal de la Société Finno-Ougrienne. Helsinki, 1938. T. XLIX: 1. Pp. 47–60.

S.V. Kuzminykh

**M.P. GRYAZNOV AND A.M. TALLGREN:
THE LETTERS OF 1926–1930TH**

The correspondence of the worker of the Ethnographical department of the State Russian Museum M.P. Gryaznov and the Finnish archaeologist, the editor of journal «Eurasia Septentrionalis Antiqua», professor A.M. Tallgren delivered to us a various information about the Gryaznov's activity in the latter half of the 1920th. The subject of this dialogue were first of all the researches and progress of this young Russian scientist. The intercommunication with the one of the leading European archaeologists undoubtedly gave an impulse for the Gryaznov's creative development and promoted his formation as a searcher.

Keywords: history of archaeology, correspondence, «The Ethnographic materials», «Eurasia Septentrionalis Antiqua», The Bronze Age, Western Siberia, Altai, Kazakhstan.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АлтГПА – Алтайская государственная педагогическая академия.
АН СССР – Академия наук СССР.
ВПО – высшее профессиональное образование.
ГАГУ – Горно-Алтайский государственный университет.
ГАИМК – Государственная академия материальной культуры.
ГАНИИИЯЛ – Горно-Алтайский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы.
ГИМ – Государственный исторический музей.
ГОУ – Государственное образовательное учреждение.
ГРМ – Государственный Русский музей.
ДАЗ – Донецкий археологічний збірник.
ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук.
ИАЭТ СО РАН – Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук.
ИГУ – Иркутский государственный университет.
ИрГТУ – Иркутский государственный технический университет.
ИИМК – Институт истории материальной культуры РАН.
ИПЦ ВГУ – Издательско-полиграфический центр Воронежского государственного университета.
ИрГТУ – Иркутский государственный технический университет.
ИЭА РАН – Институт этнологии и антропологии Российской академии наук.
КГПУ – Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева.
КККМ – Красноярский краевой краеведческий музей.
КСИА – Краткие сообщения Института археологии.
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры.
ЛГУ – Ленинградский государственный университет.
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР.
МОН РК – Министерство образования и науки Республики Казахстан.
ОмГУ – Омский государственный университет.
РГНФ – Российский гуманитарный научный фонд.
РИО КГПУ – Редакционно-издательский отдел КГПУ.
РА ИИМК – Рукописный архив ИИМК РАН.
СА – Советская археология.
СВФУ – Северо-Восточный федеральный университет.
СССР – Союз Советских Социалистических Республик.
СЭ – Советская этнография.
ТГУ – Томский государственный университет.
УрГУ – Уральский государственный университет.
ЮУрГУ – Южно-Уральский государственный университет.
SUST – Suomalais-ugrilaisen Seuran toimituksia – Mémoire.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Детлова Екатерина Владимировна, старший научный сотрудник методического отдела Красноярского краевого краеведческого музея; 660049, Красноярск, ул. Дубровинского, д. 84; тел: 8(391)2271007; detlova2012@yandex.ru

Кирюшин Юрий Федорович, доктор исторических наук, профессор, президент Алтайского государственного университета, заведующий Барнаульской лабораторией археологии и этнографии Южной Сибири Института археологии и этнографии СО РАН; 656049, Алтайский край, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61, каб. 513; тел. (3852) 291201; president@asu.ru

Ковтун Игорь Вячеславович, доктор исторических наук, Институт экологии человека СО РАН, зав. лабораторией археологии; 650000, Кемерово, ул. Красная, д. 5, кв. 79; тел.: 89235671050; ivkovtun@mail.ru

Кузьминых Сергей Владимирович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник лаборатории «Естественно-научные методы в археологии» Института археологии РАН, член-корреспондент Германского археологического института; 117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, д. 19 ИА РАН; тел. 8(499)1243540; kuzminykhsv@yandex.ru

Кунгуров Артур Леонидович, кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры археологии, этнографии и музеологии Алтайского государственного университета; 656049, Алтайский край, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61, каб. 211; тел. (3852) 291256; artur.kungurov@mail.ru

Лихачева Ольга Сергеевна, аспирант кафедры археологии, этнографии и музеологии Алтайского государственного университета; 656049, Алтайский край, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61, каб. 211; тел. (3852) 291256; jene.88@mail.ru

Мандрыка Павел Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, заведующий лабораторией археологии, этнографии и истории Сибири Гуманитарного института Сибирского федерального университета; 660041, Россия, г. Красноярск, пр-т Свободный, 79; pmandryka@yandex.ru

Матренин Сергей Сергеевич, кандидат исторических наук, докторант кафедры археологии, этнографии и музеологии Алтайского государственного университета; 656049, Алтайский край, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61, каб. 211; тел. (3852) 291256; matrenins@mail.ru

Подобед Вячеслав Анатольевич, старший научный сотрудник Отдела охраны памятников археологии областного краеведческого музея, г. Донецк, Украина; 83048, Украина, г. Донецк, ул. Челюскинцев, 189-А, Донецкий областной краеведческий музей; archaeodon@front.ru

Розвадовски Анджей, PhD, директор Отдела Центральной Азии и Сибири Института востоковедных исследований, Университет Адама Мицкевича; Польша, г. Познань, 28 Szwecja 1956r, nr 198, 61-486; goxw@amu.edu.pl

Сенотрусова Полина Олеговна, кандидат исторических наук, заведующая сектором археологии, этнографии и истории Сибири Гуманитарного института Сибирского федерального университета; 660041, Россия, г. Красноярск, пр-т Свободный, 79; pollina1987@rambler.ru

Сотникова Светлана Владимировна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории, культурологии, философии и методик преподавания исторического факультета Тобольской государственной социально-педагогической академии им. Д.И. Менделеева; 626150, Тюменская обл., г. Тобольск, ул. Знаменского, 58; тел. (3456) 223-142; svetlanasotnik@mail.ru

Тишкин Алексей Алексеевич, доктор исторических наук, профессор, проректор по научному и инновационному развитию Алтайского государственного университета; 656049, Алтайский край, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61, каб. 603; тел. (3852) 291204; tishkin210@mail.ru

Усачук Анатолий Николаевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела охраны памятников археологии областного краеведческого музея, г. Донецк, Украина; 83048, Украина, г. Донецк, ул. Челюскинцев, 189-А, Донецкий областной краеведческий музей; dood@mail.ru

Цимиданов Виталий Владиславович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела охраны памятников археологии областного краеведческого музея, г. Донецк, Украина; 83048, Украина, г. Донецк, ул. Челюскинцев, 189-А, Донецкий областной краеведческий музей; archaeodon@front.ru

Правила оформления статей для журнала «Теория и практика археологических исследований»

Уважаемые коллеги!

С 2013 г. традиционный сборник кафедры археологии, этнографии и музеологии Алтайского государственного университета решено издавать в формате журнала с периодичностью два номера в год. Для этого проведена работа по получению ISSN и включению журнала в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Редколлегия принимает к печати статьи в соответствии со следующей **основной тематикой**:

1. Теоретические и методические проблемы археологии.
2. Использование естественно-научных методов в археологических исследованиях.
3. Зарубежная археология.
4. Результаты изучения материалов археологических раскопок.
5. Социальные реконструкции в археологии.
6. История археологических исследований.
7. Новые археологические открытия.

Кроме этого, будут опубликованы аналитические обзоры, рецензии, заметки, хроника, сообщения, информация библиографического характера, сведения о персоналиях.

Предполагается осуществлять **тематические выпуски**.

Редколлегия обращает внимание авторов на важность соблюдения обязательных **требований к оформлению публикации**.

Объем статьи – до 1 печатного листа (40 тыс. знаков с пробелами). В исключительных случаях редколлегия принимает к рассмотрению работы большего объема (до 1,5 п.л.), если они содержат значимые и признанные научным сообществом результаты. Статья должна содержать резюме (аннотацию) и список ключевых слов на русском и английском языках, а также перевод названия статьи на английский язык. Объем резюме (аннотации) должен составлять не менее 1000 знаков (без пробелов).

Все текстовые материалы должны быть предоставлены в формате Word. Иллюстрации хорошего качества принимаются в размере, не превышающем формат В5 с учетом полей (не более 200x135 мм). Каждая иллюстрация должна иметь отдельную нумерацию и подпись. В тексте ссылки на них даются последовательно (примеры ссылок на рисунки и отдельные позиции изображений такие: (рис. 1; рис. 2–5; рис. 6.-3)). Графические иллюстрации принимаются в формате tif (разрешение не менее 300 dpi). К статье можно приложить не более четырех качественных фотографий, которые будут помещаться в отдельной вклейке с подписями или внутри текста. Все используемые таблицы должны иметь отдельную нумерацию со ссылками в тексте (например: (табл. 1)). Каждая таблица должна иметь собственное название.

Подрисуночные подписи и список сокращений прилагаются отдельными файлами.

Библиографические ссылки на публикации в тексте заключаются в квадратные скобки, внутри которых указываются фамилия одного или первого автора, год издания, страница, рисунок, таблица (например: [Потапов, 1961, с. 5, рис. 2.-8; Шишкин и др., 2011, с. 143–145, табл. 2]). В конце статьи помещается библиографический список в алфавитном порядке. Библиографическое описание публикации включает: фамилии и инициалы авторов (всех, независимо от их количества), полное название работы, а также издания, в котором опубликована (для статей), город, название издательства (если его

Hovd is given in the article. This territory is connected with east spurs of the Mongolian Altay. Considered finds come from funeral objects. The analysis of the received materials and results of radio-carbon dating allowed to carry out cultural and chronological attribution of the studied archaeological monuments, and also to reconstruct some elements of the production technology of stone capacities. Territorial distribution of similar finds allowed to designate areas of existence of traditions of production and use of the vessels made of stones. Design features of the studied funeral constructions and not numerous ware complex have compliances in materials of Xinjiang and the adjacent regions dated by early Bronze and united in a Chemurchek culture/community. Besides, similarities to other archaeological find from Kazakhstan and the South of Siberia are noted.

Keywords: the Mongolian Altay, early Bronze age, funeral constructions, radio carbon dating, stone vesse.

Образцы составления библиографического описания

Монография:

Бернштам А.Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1952. 346 с.

Статья в сборнике:

Войтов В.Е. Могильники Каракорума (по материалам работ 1976–1981 гг.) // Археологические, этнографические и антропологические исследования в Монголии. Новосибирск : Наука, 1990. С. 132–149.

Статья в ученых записках (ученых трудах):

Генинг В.Ф. Хронология поясной гарнитуры I тыс. н.э. (по материалам могильников Прикамья) // КСИА. 1979. Вып. 158. С. 96–106.

Статья в журнале:

Кубарев В.Д. Древние зеркала Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. 2002. №3. С. 63–77.

Автореферат:

Савинов Д.Г. Формирование и развитие раннесредневековых археологических культур в Южной Сибири : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1987. 54 с.

Полная версия правильно оформленной статьи высылается по электронной почте на указанные ниже адреса не позднее 15 апреля (для первого номера каждого года) и не позднее 15 сентября (для второго). В течение двух месяцев после получения редколлегия проводит обязательное рецензирование, а затем извещает автора(ов) о решении и сделанных замечаниях. Если решение в целом положительное, то автору(ам) дается месяц на доработку текста. После этого в редколлегию высылается законченная электронная версия статьи, а также подписанный автором (авторами) печатный вариант работы.

Авторы статей также сообщают следующие данные, которые публикуются в конце каждого номера журнала: фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень и звание, место работы и должность, почтовый адрес (с индексом), контактный телефон, адрес электронной почты.

Просьба присылать статьи и материалы одновременно на следующие электронные адреса: tishkin210@mail.ru; kuzmar@hist.asu.ru

Научное издание

**ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

№2 (10)

2014

Редактор: Е.М. Федяева
Подготовка оригинал-макета: М.Ю. Кузеванова

Подписано в печать 22.11.2014. Печать ризографическая.
Бумага офсетная. Формат 70x100/16. Гарнитура Times New Roman.
Усл. печ. л. 11,9. Тираж 500 экз. Заказ №94.